АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГРЕЦИЯ

АНТОЛОГИЯ

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГРЕЦИЯ

АНТОЛОГИЯ

Часть II

Москва «Высшая школа» 1989

ББК 83.3 (03) 3
А 72

Составители:
Н. А. ФЕДОРОВ, В. И. МИРОШЕНКОВА

Рецензенты:

кафедра классической филологии Латвийского Государственного университета (зав. кафедрой доц. Т. К. Фомина);
канд. филол. наук, доц. Ю. В. Шанин

По техническим причинам книга выпускается в двух частях.

А 72 **Античная литература. Греция.** Антология. Ч. 2 / Сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. — М., Высш. шк., 1989—383 с.

ISBN 5—06—000251—9

В книге представлены тексты древнегреческой литературы, иллюстрирующие важнейшие этапы ее развития: поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», произведения лирической поэзии VII—VI вв. до н. э., образцы классической драмы V—IV вв. до н. э— (трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида; комедии Аристофана и Менандра), памятники исторической (Фукидид) и эстетической (Аристотель) мысли, произведения эпохи эллинизма.

А $\frac{4603020300—131}{001(01)—89}$ 319—89

ББК 83.3(03)
8А

ISBN 5—06—000251—9 © Издательство «Высшая школа», 1989

Древнеаттическая комедия

АРИСТОФАН

(ок. 446—385 г. до н. э.)

Биография Аристофана неизвестна. Даже время жизни его устанавливается приблизительно. Он представитель жанра древнеаттической комедии, единственный, произведения которого дошли до нас.

Древнеаттическая комедия, получившая развитие в Аттике (отсюда ее название) в V в. до н. э. во многом сохраняет еще фольклорные черты. Они свидетельствуют о происхождении жанра комедии из обрядов древнего земледельческого культа бога плодородия. Эти обряды сопровождались ритуальной вольностью, озорством. Древнеаттическая комедия носила ярко выраженный общественно-политический характер. В ней находили отражение проблемы внутренней и внешней политики, различные стороны государственного устройства, войны и мира, социальные, идеологические, в том числе и литературные вопросы эпохи. Эта комедия последовательно выражала взгляды свободного аттического крестьянства.

Из сорока четырех комедий Аристофана сохранилось одиннадцать. Его литературная деятельность совпадает с Пелопоннесской войной (431—404 гг. до н. э.) между Афинами и Спартой, в которой Афины потерпели поражение. Война разоряла аттическое крестьянство, лишала его средств к существованию. Поэтому именно крестьянство было главной силой, выступающей против войны, и комедии Аристофана откликаются на эти настроения. Призывы к миру со Спартой звучат в трех из сохранившихся комедий, написанных в разное время, — «Ахарняне», «Мир», «Лисистрата». В одной из ранних комедий [«Всадники» (424 г. до н. э.)] Аристофан резко критикует извращение афинской демократии в период Пелопоннесской войны. Острой критике подвергаются в комедиях Аристофана и идеологические аспекты афинской действительности. Комедия «Облака» высмеивает софистские учения, наносящие, по мнению автора, глубочайший вред воспитанию молодежи. Софистика в комедии воплощена в образе философа Сократа (в действительности Сократ выступал против софистов, но у него было много общего с ними в форме изложения своего учения).

В более поздней комедии «Лягушки» Аристофан обращается к проблемам литературы, раскрывая роль поэзии и поэта в обществе, задачи искусства (в данном случае — трагедии), которые он видит в воспитании гражданского сознания и воинской доблести. С этой точки зрения Арис-

тофан отдает предпочтение трагедии Эсхила как поэзии гражданственной и патриотической и осуждает поэзию Еврипида.

Постепенно политическая острота комедий Аристофана ослабевает и от конкретных вопросов политической жизни он переходит к более общим проблемам, например, социальным, становящимся весьма актуальными в условиях углубляющегося кризиса всей полисной системы. В последней своей комедии «Богатство» Аристофан приходит фактически к пессимистическому выводу о невозможности справедливого распределения богатства и всеобщего благоденствия в условиях рабовладения.

Древнеаттическая комедия во многом сохранила структуру старинного фольклорного представления: хор, делящийся на два полухория, между которыми происходит состязание, обязательный спор (агон) между двумя главными персонажами, буффонные балаганные сцены, начинающие и завершающие комедию, публицистическая часть — парабаза, не связанная непосредственно с сюжетом комедии и представляющая прямое обращение автора к зрителю. В более поздних комедиях происходят значительные изменения этой структуры, вплоть до практически полного исчезновения хора, появляются бытовые характеры и ситуации («Богатство»). Комедия «Богатство» свидетельствует о переходе к средней аттической комедии.

Переводы комедий Аристофана

Аристофан. Комедии/Пер. А. Пиотровского, М., Л., 1934. Т. 1—2.
Аристофан. Комедии/Общ. ред. Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо. М., 1954. Т. 1—2.
Аристофан. Комедии/Комм. В. Н. Ярхо. М., 1983. Т. 1—2.

Литература об Аристофане

Ярхо В. Н. Аристофан. М., 1954.
Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.

В антологии тексты комедий приведены по изданию: *Аристофан.* Комедии. М., 1954. Т. 1—2.

ОБЛАКА[1]

Действующие лица:

Стрепсиад, старик земледелец.
Фидиппид, его сын.
Слуга Стрепсиада.
Ученики Сократа.
Сократ, мудрец.
Хор облаков.
Правда, Кривда } спорщики.
Пасий, Аминий } заимодавцы Стрепсиада.

На орхестре два дома. Один — Стрепсиада, другой — Сократа.

Пролог

В доме Стрепсиада видны две постели. На одной из них спит Фидиппид.

Стрепсиад ходит перед своим домом.

Стрепсиад

Ай-ай, ай-ай!
Владыка Зевс, какая ночь длиннющая!
Конца ей нет. Когда ж зарю увижу я?
Давно уже, мне кажется, петух пропел.
Храпят рабы. Ах, прежде было иначе!
Война, чтоб ты пропала! Много зла в тебе!
Теперь и слуг не проучить как следует.

(*Указывая на сына.*)

А этот вот молодчик, ладно скроенный,
Всю ночь без передышки спит, без просыпа,
Свистит, трещит, в двенадцать шуб закутавшись.

(*Ложится.*)

Ну, что ж, и я закутаюсь, и я вздремну.
Беда мне: не могу уснуть. Грызут меня
Корма, овсы, расходы и долги мои.
Всему виною сын мой. Закрутив вихор,
В седле гарцует, скачет, правит парою,
Во сне конями бредит. Я же мру живьем.
Бегут, спешат за месяцами месяцы,
И долг растет.

(*Встает, кричит слуге.*)

Эй, мальчик, огонек подай!
И книгу принеси мне! Прочесть хочу,
Кому и сколько должен, сосчитать лихву.

Слуга приносит светильник и книгу. Держит светильник над господином.

Кому ж я должен?

(*Читает.*)

«Пасию двенадцать мин»[2].
Как, Пасию двенадцать мин? За что ж это?

«За жеребца гнедого». Горе, горе мне!
Пусть сам бы сгнил я! Глаз бы вышиб камнем я!

Фидиппид

(*во сне*)

Филон, плутуешь! Не виляй! Прямей держи!

Стрепсиад

Вот, что оно, несчастье! Вот в чем зло мое!
Сын и во сне мечтает о ристаниях.

Фидиппид

(*так же*)

На сколько едешь ты кругов на гоночных?

Стрепсиад

Отца вконец заездил! Ощипал кругом!
Кому ж еще я должен, кроме Пасия?
«Три мины за седло и хлыст Аминию».

Фидиппид

(*так же*)

Проезди и в конюшню пригони коня!

Стрепсиад

Меня из дома скоро вовсе выгонишь!
И тяжбу проиграю, и лихва меня
Сживет со света.

Фидиппид

(*просыпается*)

Эй, родитель, что с тобой?
Чего ворчишь? Ворочаешься до утра?

Стрепсиад

Начальники едят меня... постельные.

Фидиппид

Так дай хоть мне, чудак, поспать немножечко.

Стрепсиад

Спи, если хочешь! Только знай, долги мои
Когда-нибудь падут тебе на голову.

(Фидиппид снова засыпает.)

Ох, ох!
Пускай бы удавилась сваха подлая,
На матери твоей меня женившая.
Чудесной, тихой жил я жизнью сельскою,
В уюте, и в навозе, и в безделии,
Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.
Тут в жены взял племянницу Мегаклову,
Родню Кесиры, городскую, важную,
Капризную, надутую, манерную.
Женился, спать пошел с ней, от меня землей
Несло и сеном, стойлом и достатками.
От барышни помадой, поцелуями,
И Афродитой пахло, и расходами.
Но не ленилась, нет, ткала прилежнейше.
Свой рваный плащ тогда я ей показывал
И говорил: «Супруга, слишком тонко ткешь!»

(Лампа гаснет.)

Слуга

Нет масла в ночнике у нас ни капельки.

Стрепсиад

Проклятье, твой ночник — негодный пьяница!
Ступай и лопни!

Слуга

Для чего же лопаться?

Стрепсиад

Фитиль купил ты толстый и прожорливый.

(Слуга уходит.)

Позднее сын вот этот родился у нас,
Ох, у меня и у любезной женушки.
Так начались раздоры из-за имени.
Жене хотелось конно-ипподромное
Придумать имя: Каллиппид, Харипп, Ксантипп.
Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
Так спорили мы долго; согласясь потом,
Совместно Фидиппидом[3] сына назвали.
Ласкала мать мальчишку и баюкала:
Вот вырастешь, и на четверке, в пурпуре,
Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька.

Я ж говорил: вот вырастешь, и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев.
Но слов моих сыночек не послушался,
В мой дом занес он лихорадку конскую.
Всю ночь я нынче думал, не смыкая глаз,
Одно придумал средство, но надежное.
Когда сынка уговорю, спасемся мы.
Но прежде разбудить его мне надобно.
Как разбудить поласковей, подумаю...
Мой Фидиппид, сыночек, Фидиппидушка!

Фидиппид

Чего?

Стрепсиад

Дай руку мне и поцелуй родителя.

Фидиппид

Ну вот! А что?

Стрепсиад

Скажи, меня ты любишь? Да?

Фидиппид

Да, Посидоном-Конником клянусь тебе!

Стрепсиад

Ой, ой, ой, ой! Нет, нет, не надо Конника!
Всем огорченьем нашим этот бог виной.
Когда меня от сердца любишь, искренне,
Послушайся, мой мальчик!

Фидиппид

В чем послушаться?

Стрепсиад

Переменись, привычки позабудь свои
И поучись, сходи, куда скажу тебе!

Фидиппид

Чего ж ты хочешь?

Стрепсиад

А исполнишь?

Фидиппид

Выполню!

Мне Дионис свидетель!

Стрепсиад

Погляди сюда!
Калиточку ты видишь, домик маленький?

Фидиппид

Конечно, вижу, но отец, зачем он нам?

Стрепсиад

Мыслильня[4] это для умов возвышенных.
Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо — это просто печь железная,
А люди — это словно в печке уголья.
И тех, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.

Фидиппид

Но кто ж они?

Стрепсиад

Не знаю точно имени, —
Мудрило-заводилы, благородные.

Фидиппид

А знаю, знаю, как же: босоногие,
Бахвалы, негодяи бледнорожие.
Сократ несчастный, Хэрефонт[5] помешанный.

Стрепсиад

Цыц, цыц, молчи, не говори бессмыслицы!
Коль хочешь, чтобы хлеб был у родителей,
Послушайся, от конной откажись езды!

Фидиппид

Мне Дионис свидетель, нет! Хотя бы ты
Фазанов подарил мне Леогоровых![6]

Стрепсиад

Прошу тебя! Мой миленький, любименький,
Ступай и поучись!

Фидиппид

Чему ж учиться мне?

Стрепсиад

Рассказывают, там, у этих умников,
Две речи есть. Кривая речь и правая.
С кривою этой речью всяк, всегда, везде
Одержит верх, хотя бы был кругом неправ.
Так если ты кривым речам научишься,
Из всех долгов, которым ты один виной,
Не заплачу я и полушки ломаной.

Фидиппид

Нет, не согласен! Как же показаться мне
Пред всадниками выцветшим и высохшим?

Стрепсиад

Клянусь Деметрой, знай же: ничего теперь
Не дам тебе, ни жеребцам, ни меринам,
Тебя я живо вон из дома выгоню!

Фидиппид

Нет, не допустит дядя мой Мегакл, чтоб я
Был без лошадок. До тебя мне дела нет.

(*Уходит.*)

Стрепсиад

Что ж, кто упал, тому подняться надобно.
Отправлюсь сам в мыслильню; помолясь богам,
И сам начну учиться. Горе, горе мне!
Как голове тупой, седой, забывчивой
В лапше словес тончайших разобраться, ох!

(*Подходит к соседнему дому.*)

Но все ж пойду! Чего мне копошиться здесь?
Чего ж не постучаться? Эй, привратник, эй!

(*Стучит.*)

Выходит Ученик.

Ученик

Эй, убирайся! Кто здесь в двери ломится?

Стрепсиад

Я, из Кикинны[7] Стрепсиад, Фидона сын.

Ученик

Невежда, Зевс свидетель! Несознательно
Стучишься в дверь, и выкидышем пагубным
Рождаемому угрожаешь замыслу!

Стрепсиад

Прости меня! Я темный, из деревни я.
Ты объясни, какой же это выкидыш?

Ученик

Ученикам лишь слушать дозволяется.

Стрепсиад

Не бойся, друг любезный, я пришел сюда
Как ученик: в мыслильню поступаю я.

Ученик

Так слушай и считай за тайну страшную!
Недавно Хэрефонта вопросил Сократ:
На сколько стоп блошиных блохи прыгают?
Пред тем блоха куснула Хэрефонта в бровь
И ускользнула на главу Сократову.

Стрепсиад

И как же сосчитал он?

Ученик

Преискуснейше!
Воск растопивши, взял блоху и ножками
В топленый воск легонько окунул блоху.
Воск остудивши, получил блошиные
Сапожки, ими расстоянье вымерил.

Стрепсиад

Великий Зевс, не ум, а бритва острая!

Ученик

Что скажешь ты о новом изобретенье
Сократа?

Стрепсиад

О каком, скажи, прошу тебя?

Ученик

Мудрец сфеттийский[8] Хэрефонт спросил его,
Что мыслит он о комарином пении, —
Пищит комар гортанью или задницей?

Стрепсиад

И что ж сказал о комарах почтеннейший?

Ученик

Сказал он, что утроба комариная
Узка. Чрез эту узость воздух сдавленный
Стремится с силой к заднему отверстию.
Войдя каналом узким в расширение,
Из задницы он вылетает с присвистом.

Стрепсиад

Тромбоном оказался комариный зад!
Мудрец кишечный, дважды, трижды счастлив ты!
Избавиться от тяжбы дело плевое
Для вас, разъявших чрево комариное!

Ученик

А вот недавно истина великая
Погибла из-за ящерицы.

Стрепсиад

Как же так?

Ученик

В полночный час, исследуя движение
И бег луны, стоял он, рот разинувши.
Тут с крыши в рот ему наклала ящерка.

Стрепсиад

Смешно, Сократу в рот наклала ящерка!

Ученик

Вчера ж у нас еды на ужин не было.

Стрепсиад

Ну-ну! И пропитанье как промыслил он?

Ученик

Зашел в палестру, стол слегка золой покрыл.

Взял в руки вертел, циркулем согнул его
И осторожно... из палестры плащ стянул.

Стрепсиад

К чему ж еще Фалеса прославляем мы?
Открой, открой скорее мне в мыслильню дверь,
Сократа видеть я хочу великого!
К нему иду в науку, дверь открой скорей!

(*Дверь открывается, видны ученики.*)

Геракл великий, это что за чудища?

Ученик

Чему дивишься, за кого ты принял их?

Стрепсиад

Да за спартанцев пленных, взятых в Пилосе.
Но в землю почему они уставились?

Ученик

Разыскивают то, что под землей.

Стрепсиад

Ага.
Чеснок! Не надо, не трудитесь, милые,
Я знаю место, там растет отличнейший.
А те, что в кучу скучились, чем заняты?

Ученик

Они глубины Тартара исследуют.

Стрепсиад

Зачем же в небо этот поднял задницу?

Ученик

Считает звезды собственными средствами!

(*Ученикам, подбегающим к двери.*)

Идите в дом, чтоб здесь он не застигнул вас.

Стрепсиад

Нет, нет, не надо! Пусть останутся!
Поговорю я с ними о делах моих.

Ученик

Никак нельзя! Им строго запрещается
Дышать так долго чистым, свежим воздухом.

(*Ученики уходят.*)

Стрепсиад

(*оглядывается. Рассматривает диковинные предметы в мыслильне*)

Богами заклинаю, это что ж, скажи?

Ученик

Вот это — астрономия.

Стрепсиад

А это здесь?

Ученик

А это геометрия.

Стрепсиад

К чему она?

Ученик

Чтоб мерить землю.

Стрепсиад

Понял я. Надельную?

Ученик

Да нет, всю землю.

Стрепсиад

Очень хорошо, дружок!
Народная наука и полезная.

Ученик

А здесь изображенье всей вселенной. Вот
Афины. Видишь?

Стрепсиад

Пустяки, не верю я:
Судейских здесь не видно заседателей.

Ученик

Вот это, понимаешь, это — Аттика.

Стрепсиад

А где же земляки мои кикинские?

Ученик

Там позади. А вот Эвбея,[9] видишь ты,
Как вытянулась, узкая и длинная.

Стрепсиад

Да, растянули мы с Периклом бедную.
Но где же Лакедемон?

Ученик

Где он? Вот он где.

Стрепсиад

Бок о бок с нами? Позаботьтесь, милые,
От наших мест убрать его подалее.

Ученик

Никак нельзя.

Стрепсиад

Свидетель Зевс, поплатитесь!

(*Замечает Сократа.*)

А это кто же в гамаке качается?

Ученик

Он сам.

Стрепсиад

Что значит «сам»?

Ученик

Сократ.

Стрепсиад

Привет, Сократ!
Послушай, друг, погромче покричи ему.

Ученик

Нет, сам кричи, а у меня нет времени.

Стрепсиад

(*кричит*)

Сократ!
Сократушка!

Сократ

Что, бедный человечишка?

Стрепсиад

Скажи сначала, чем ты занимаешься?

Сократ

Паря в пространствах, мыслю о судьбе светил.

Стрепсиад

В гамак забравшись, на богов взираешь ты.
Но почему же не с земли?

Сократ

(*важно и торжественно*)

Бессильна мысль
Проникнуть в тайны мира запредельного,
В пространствах не повиснув и не будучи
Соединенной с однородным воздухом.
Нет, находясь внизу и взоры ввысь вперив,
Я ничего б не понял. Сила земная
Притягивает влагу размышления.
Не то же ли случается с капустою?

Стрепсиад

Ай, ай!
В капусту влагу тянет размышление!
Сойди ж ко мне, любезный мой Сократушка!
Тому, зачем пришел я, обучи меня!

Сократ

Зачем же ты явился?

Стрепсиад

Красноречию
Хочу я обучиться. Жмут долги меня.
Худею, чахну, сохну, изведусь вконец.

Сократ

Но как ты не заметил, что в долгах увяз?

Стрепсиад

Болезнь меня заела, язва конская.
Прошу тебя, той речи научи меня,
С которою долгов не платят. Я ж тебя,
Клянусь богами, награжу сторицею.

Сократ

Каких богов ты разумеешь? Боги ведь
Здесь не в почете.

Стрепсиад

Чем же клясться вам?
Железными грошами, как в Византии[10]?

Сократ

Природу дел божественных желаешь ты
Узнать?

Стрепсиад

Да, Зевс свидетель, по возможности.

Сократ

Вступить в беседу с облаками хочешь ты,
Которых почитаем за богов?

Стрепсиад

Ну да.

Сократ

На эти козлы сядь тогда священные.

Стрепсиад

(садится)

Вот видишь, сел.

Сократ

Прими теперь из рук моих
Венок.

Стрепсиад

Зачем венок мне, ой, боюсь, Сократ!
Как Афаманта, вы меня зарежете!

Сократ

Нимало, то же с каждым посвящаемым
Мы делаем.

Стрепсиад

А что я получу за это?

Сократ

В речах мучнистым станешь, тертым, крупчатым.
Так стой же смирно.
(*Обсыпает его мукой.*)

Стрепсиад

Правда, Зевс свидетель мне,
Обсыпанный, я стану тертым, крупчатым.

Сократ

Не кричи, замолчи, покорись, старичок, и внимай
терпеливо молитве.

(*Молится.*)

Господин и владыка, о Воздух святой,
обступивший, объемлющий Землю,
О сверкающий, ясный Эфир, Облака громоносные,
матери молний!
Поднимитесь, взлетите, царицы, свой лик с высоты
мудролюбцу явите!

Стрепсиад

Погоди, не спеши, дай закутаться мне, а не то до
костей я промокну,
Ах, глупец, ах, несчастный! Сегодня как раз без накидки я
из дому вышел.

(*Закутывается.*)

Сократ

Облака многочтимые! Слушайте зов, где б вы ни были,
ныне явитесь!
На Олимпе ль, на снежной, священной горе залегли вы
семьею лучистой,
Или с нимфами в быстрый сплелись хоровод в темных
кущах Отца-Океана,
Или в нильских вы устьях потоки воды в золотые черпаете
ведра,

Залетели вы в топь Меотийских болот, иль на льдистые
гребни Миманта,
Нас услышьте, и жертву примите от нас, и порадуйтесь
нашей молитве.

Пародъ

(*Издали доносится пение Облаков.*)

Строфа 1

Первое полухорие

Вечные Облака!
Встаньте, явитесь, росистые, мглистые, в легких
одеждах!
Бездны Отца-Океана гудящие
Кинем, на горные выси подымемся,
Лесом покрытые,
С вышек дозорных на сторону дальнюю
Взглянем, на пашни, на пышные пажити!
Взглянем на реки, бурливо-журчащие,
Взглянем на море, седое, гремящее!
Солнце, как око Эфира, без устали светит.
Даль в ослепительном блеске.
Сбросим туман водянистый, скрывающий
Лик наш бессмертный. И взглядом всевидящим
Землю святую окинем.

(*Гремит гром.*)

Сократ

О священные жены, богини мои, Облака, вы молению
вняли!

(*К Стрепсиаду*)

Ты ведь слышал их песни и пенью во след грохотанье
тяжелое грома?

Стрепсиад

Да, слыхал и молюсь вам, мои госпожи, и хотел бы
на гром ваш ответить
Грохотаньем из брюха: так сильно дрожу, так жестоко
я вас испугался!
Вот уж, вот, и пускай, хоть прилично, хоть нет, не могу
удержаться! Обклался!

Сократ

Эти шуточки брось и не смей подражать ты шутам
комедийным несчастным!
Благочестья исполнись! Божественный рой
продолжает священную песню.

Антистрофа 1

Второе полухорие

Девы, несущие дождь!
Город Кекропа богатый, блистательный, землю
Паллады,
Родину храбрых, хотим мы приветствовать.
Там — несказанные таинства[11] правятся,
Там открываются
Пред посвященными двери святилища.
Жертвы богам-небодержцам приносятся.
Там возвышаются храмы и статуи.
Шествия движутся там богомольные.
Жертвы приносятся пышные, в зиму и лето —
Праздники, игры и пляски.
А наступит весна — и в честь Бромия[12]
Песни несутся, хоры состязаются,
Слышатся флейты призывы.
(*Гремит гром.*)

Стрепсиад

Объясни мне, Сократ, заклинаю тебя, это кто же
поет так прекрасно,
Так торжественно, чинно и важно, скажи, иль
слетелись сюда героини?

Сократ

Да ничуть! Это дети небес, Облака, а для праздных
мыслителей — боги
Величайшие, разум дающие нам, мысли острые, силу
сужденья,
Красноречия жар, убеждения дар, говорливость и
в речи сноровку.

Стрепсиад

Понимаю. Так вот почему, услыхав их напевы,
душой я воспрянул,
И к сплетениям слов потянуло меня, и к сужденьям
о дыме летучем,

Захотелось на слово ответить тремя и мыслишкою
в споре ужалить!
Если можно, прошу, дай воочию мне, дай вблизи
величавых увидеть!

Сократ

Погляди же сюда, на Парнеф[13]! Началось! Вижу, вижу,
спокойно и плавно
К нам нисходят они.

Стрепсиад

Где же, где? Покажи!

Сократ

Вот подходят густыми рядами
По расщелинам горным, по склонам лесным. Прямиком.

Стрепсиад

Удивительно, право!
Ничего я не вижу!

Сократ

У входа они.

Стрепсиад

Вот теперь различаю немножко.

На орхестру вступает Хор Облаков, похожих на женщин.

Сократ

Ну, теперь-то ты видишь их, глупый старик, если только
глаза твои целы?

Стрепсиад

Вижу, вижу! Почтенные! Зевс мне судья! Все
пространство заполнено ими.

Сократ

Что ж, а раньше не знал ты, что боги они? Как богов
их не чтил и не славил?

Стрепсиад

Видит Зевс, и не думал. Считал их росой, и туманом,
и слякотью мокрой.

Сократ

Видит Зевс, ошибался ты. Знай же теперь: это вот кто
питает ученых,
И врачей, и гадателей, франтов в кудрях,
с перстеньками на крашеных пальцах.
Голосистых искусников в скучных хорах, описателей
высей надзвездных,
Вот кто кормит бездельников праздных, а те
прославляют их в выспренних песнях.

Стрепсиад

Вот зачем воспевают они облака, буревые, несущие грозы,
«Стоголового смерча летучую прядь», «завывание вихрей
ревущих»,
И еще «кривокогтых кочующих птиц заблудившиеся
караваны»,
И еще «облаков волокнистых росу», а за это питаются сами
Камбалою копченой, «прозрачной, как сон», и жарким
«из дроздов сладкогласных».

Сократ

340 Незаслуженно разве?

Стрепсиад

Скажи мне теперь, умоляю тебя, если вправду
Облака — эти твари, зачем же тогда на земных они
женщин похожи?
Ведь иначе совсем они выглядят.

Сократ

Как? Расскажи мне, как выглядят тучи.

Стрепсиад

Хорошенько сказать не могу. Например, как летящие
шерсти волокна.
Но совсем не как женщины, Зевс мне судья! А у этих
носы, и большие.

Сократ

А теперь на вопросы мои отвечай!

Стрепсиад

Говори! Что угодно отвечу.

Сократ

Никогда ты не видел, скажи, в небесах облаков, на кентавра похожих,
На быка, на пантеру, на волка?

Стрепсиад

Видал, Зевс свидетель! Видал. Ну так что же?

Сократ

Как хотят, обернуться умеют они. Завитого увидят красавца,
Вот из этих кудрявых, распутных гуляк, из породы козла Ксенофанта,[14]
И тотчас, издеваясь над блажью его, превратятся в блудливых кентавров.

Стрепсиад

Если ж Симон, грабитель народной казны, попадется им, чем они станут?

Сократ

Подражая разбойной природе его, уподобятся хищному волку.

Стрепсиад

Понимаю. Недавно толстяк Клеоним повстречался им, щит потерявший,
Увидали трусишку они и тотчас обратились в пугливых оленей.

Сократ

А теперь повстречали Клисфена они и на женщин похожими стали.

Хор Облаков приближается к дому Сократа.

Стрепсиад

(К облакам)

Ну, так здравствуйте, слава вам, грозные. Речь обратите ко мне благосклонно!
Если голос ваш прежде слыхал кто-нибудь, пусть его я услышу, богини.

Корифей

Наш привет тебе, старец, с седой головой, за наукой и правдой пришедший!

(К Сократу)

Ты ж, священнослужитель речей плутовских, объясни
нам, чего ты желаешь.
Никого так охотно не слушаем мы из искусников
ныне живущих.
Одного разве Продика[15]: мудрость его нас пленяет и
знанья большие.
Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь
направо, налево,
Ходишь чванно и важно, в лохмотьях, дрожа,
вскинув голову, нас обожая.

Стрепсиад

О Земля, что за голос! Торжественно как он звучит!
Объявилось нам чудо!

Сократ

Так пойми же: богини они лишь одни, остальные —
нелепые бредни!

Стрепсид

Ну, а Зевс? Объясни, заклинаю Землей, нам не бог разве
Зевс Олимпийский?

Сократ

Что за Зевс? Перестань городить пустяки! Зевса нет.

Стрепсиад

Вот так так! Объясни мне, кто же дождь посылает нам?
Это сперва расскажи мне подробно и ясно.

Сократ

(показывая на Облака)

Вот они. Кто ж еще! Целый ворох тебе приведу я сейчас
доказательств.
Что, видал ты хоть раз, чтоб без помощи туч Зевс устраивал
дождь? Отвечай мне!
А ведь мог бы он, кажется, хлынуть дождем из безоблачной
ясной лазури.

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, отличная речь! Ты меня убедил.
Соглашаюсь.

А ведь раньше и верно я думал, что Зевс сквозь небесное
мочится сито.
Но теперь объясни мне, кто ж делает гром? Я всегда
замираю от грома.

Сократ

Вот они громыхают, вращаясь.

Стрепсиад

Но как? Объясни мне, скажи мне, волшебник!

Сократ

До краев, до отказа наполнясь водой, и от тяжести
книзу провиснув,
И набухнув дождем, друг на друга они набегают и
давят друг друга.
И взрываются с треском они, как пузырь, и гремят
перекатами грома.

Стрепсиад

Кто ж навстречу друг другу их гонит, скажи?
Ну не Зевс ли, колеблющий тучи?

Сократ

Да нимало, ни Зевс. Это — Вихрь.

Стрепсиад

Ну и ну! Значит, Вихрь! Я и ведать не ведал,
Что в отставке уж Зевс и на месте его нынче Вихрь
управляет вселенной.
Только все ж ничего ты еще не сказал о грозе и громов
грохотанье.

Сократ

Ты ведь слышал. Набухнув водой дождевой, облака
друг на друга стремятся.
И, как сказано, лопнув, что полный пузырь,
громыхают и гулко грохочут.

Стрепсиад

Кто поверит тебе?

Сократ

Это я объясню на примере тебя самого же.
До отвала наевшись похлебки мясной на гулянии
панафинейском,

Ты не чувствовал шума и гуда в кишках и урчанья
в набитом желудке?

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, ужасный отвар. Все внутри
баламутится сразу,
И гудит, словно гром, и ужасно урчит, и шумит, и
свистит, и клокочет.
Для начала легонько, вот этак: бурр-бурр, а потом
уж погромче: бурр-бурр-бурр.
Тут нельзя удержаться, до ветру бегу, а в утробе
как гром: бурр-бурр-бурр-бурр.

Сократ

Ну прикинь, если столько грозы и громов
в животишке твоем, так подумай,
Как чудовищно воздух безмерно большой и бурчит
и гремит, и грохочет.

Стрепсиад

Все понятно теперь, так от ветра, от туч говорят
у нас: ходим до ветра.
Ну, а молнии ярко горящий огонь, объясни мне
откуда берется?
Попадет и живого до смерти спалит или кожу, одежду
обуглит.
Ну не ясно ль, что молнии мечет в нас Зевс
в наказанье за лживые клятвы?

Сократ

Об одном бы подумал ты, старый дурак, суеверия
глупого полный!
Если мстит за присягу подложную Зевс, почему ж
не сожжен еще Симон?
Почему не сожжен Клеоним и Феор? Ведь они ж под
присягою лгали.
Почему он сжигает свой собственный храм и «вершину
афинскую» — Суний[16],
И вершины высоких дубов? Для чего? Ведь лгунов
средь дубов не бывает.

Стрепсиад

Что ответить, не знаю. Пожалуй, ты прав. Расскажи
мне, в чем молний тайна!

Сократ

Если ветер сухой поднимается вдруг и взлетает
в небесные выси,
Облака надувает он, словно пузырь, а затем, под
давлением силы,
Разрывает пузырь, клокоча и свистя, вылетает с
неистовым шумом,
От напора, от натиска в пламенный столб
обращается он и сгорает.

Стрепсиад

Зевс свидетель мне, то же случилось со мной
на Диасиях[17] нынешних. Помню,
Колбасу кровяную я жарить взялся для родных, да
забыл ее взрезать.
Тут надулась она, стала круглой, как шар,
и внезапно возьми да и лопни!
Все глаза залепила начинкою мне и сожгла, словно
молнией, щеки.

Корифей

Человек! Пожелал ты достигнуть у нас озарения
мудрости высшей.
О, как счастлив, как славен ты станешь, старик,
среди эллинов всех и афинян,
Если тщателен будешь, прилежен в труде, если есть
в тебе сила терпенья,
И, не зная усталости, знанья в себя ты вбирать
будешь, стоя и лежа,
Холодая, не будешь стонать и дрожать, голодая, еды
не попросишь,
От пирушек уйдешь, от гимнасий сбежишь, не пойдешь
по пути безрассудства;
И за высшее счастье одно будешь чтить, как и
следует людям разумным:
Силой речи своей побеждать на судах, на собраньях,
в советах и спорах.

Стрепсиад

Что терпенья касается, твердой души и бессонных
раздумий в постели,
Воздержанья во всем, в животе пустоты, на воде и
на хлебе сиденья,
Будь уверен во мне! Чтоб до цели дойти, на себя дам
ковать я оковы.

Сократ

И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого
сами мы славим:
Безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык, — вот
священная тройца!

Стрепсиад

И словечка другим я теперь не скажу, даже если на
улице встречу.
Им молиться не буду, вина не пролью, фимиама ни
крошки не кину.

Корифей

Говори же скорее, что надо от нас. Не робей, не
получит отказа
Тот, кто нас почитает, и молится нам, и мыслителем
сделаться хочет.

Стрепсиад

О почтенные женщины! Надо от вас мне немногого,
чуточку, крошку!
Стадий на десять всех, кто в Элладе живет, превзойти
я хочу в разговоре.

Корифей

Мы исполнить согласны желанье твое. С этих пор на
собраньях народных
Чаще всех ты сумеешь решенья свои проводить
побеждая речами.

Стрепсиад

Я решений больших проводить не хочу, и совсем
мне не этого надо.
Я закон обернуть вокруг пальца хочу, обмануть
одолживших мне деньги.

Корифей

Исполненья дождешься стремлений своих. Старичок,
ты немногого просишь.
Так отдай же себя, ничего не страшась, нашим верным,
испытанным слугам.

Стрепсиад

Так и сделаю. Вам доверяюсь во всем. Не охота —
нужда меня гонит;

Жеребцы вороные, кобылы с клеймом и женитьба
меня разорили.
Как хотите со мной поступайте теперь.
Я согласен на всё.
Вам вверяю я тело и душу свою.
Колотите, дерите, держите без сна,
Рвите заживо, трите, морите меня!
Мне бы только словчить и долгов не платить,
А потом пусть народ называет меня
Негодяем, нахалом, шутом, наглецом,
Шарлатаном, буяном, судейским крючком,
Надувалой, громилой, бузилой, шпиком,
Срамником, скопидомом, сутягой, лгуном,
Забиякой, задирой, бахвалом, клещом,
Подлипалой, прожженным, паршой, подлецом!
Приживалом, свиньей!
Пусть прохожие так окликают меня,
Как хотят, так пускай и поносят меня,
Пусть меня, если надо, Деметрой клянусь,
Изотрут в колбасу
И на ужин дадут мудролюбцам!

Корифей

Что решил, решил он крепко,
Не робея, пламенея.
Твердо знай:
Нашу науку осилив, до неба прославлен
Меж людей ты будешь.

Стрепсиад

Что ж делать мне?

Корифей

Со мной проводи свои дни!
Завиднейшей жизнью
Жить начнешь отныне.

Стрепсиад

Будет успех? Счастье, удачу увижу?

Корифей

Будут теперь тесниться у двери твоей
Пришельцев толпы,
Мудрость твою вопрошая, дружбы с тобой ожидая,

В путаных тяжбах своих, в делах опасных
Лишь от тебя надеясь помощь добыть и совет.

(Сократу)

Так начни ж, как обычно; возьми старика в предварительное обученье,
Испытай его разум, сноровку узнай, остроумие, память изведай!

Сократ

Начнем же! Опиши мне самого себя,
Чтоб, нрав твой изучивши, мог надежнее
Уловками поближе подойти к тебе.

Стрепсиад

Ты на меня готовишь приступ! Зевс отец!

Сократ

Ничуть! Порасспросить тебя мне хочется.
Ты памятлив, скажи?

Стрепсиад

С двойною памятью:
Когда должны мне, помню замечательно,
А должен я, — разиня, забываю вмиг.

Сократ

Есть у тебя наклонность к многословию?

Стрепсиад

К злословию скорей, чем к многословию.

Сократ

Так как же быть с ученьем?

Стрепсиад

Ничего, сойдет!

Сократ

Теперь вопрос из области возвышенной
Тебе поставлю. На лету хватай его!

Стрепсиад

Хватать? Как пса, ты хочешь натаскать меня!

Сократ

Ну, что за варвар! До чего невежествен!
Боюсь, старик, понадобятся розги нам.
Чем на побои отвечаешь?

Стрепсиад

Я терплю.
Немного жду, друзей зову в свидетели,
Еще немного — в суд тащу обидчика.

Сократ

Снимай накидку!

Стрепсиад

Разве провинился я?

Сократ

Нет. Голым заведено входить сюда.

Стрепсиад

Но я же не для обыска в твой дом иду.

Сократ

Снимай! Болтать довольно.

Стрепсиад

Мне одно скажи:
Когда прилежен и усерден буду я,
Кому я уподоблюсь из учащихся?

Сократ

На Хэрефонта будешь ты во всем похож.

Стрепсиад

Беда, беда мне! Полутрупом сделаюсь!

Сократ

Не смей болтать! За мной иди и слушайся!
Сюда скорее!

Стрепсиад

В руки мне вложи сперва
Медовую коврижку. Замираю я.
Мой бог! В пещеру я схожу Трофония.

Сократ

Входи, входи! Чего у двери ежишься?

Сократ и Стрепсиад входят в мыслильню.

Парабаса

Корифей

(вслед Стрепсиаду)

Так иди же на радость! Есть воля в тебе
И отважная мысль.
Будет пускай удача с ним!
Он, не глядя на старость,
Не побоявшись плеши своей, тягостный груз
новых наук
Хочет вместить в череп седой, хочет постигнуть мудрость.
Зрители, хочу говорить с вами откровенно я,
Искренне. Свидетели мне — мой кормилец Дионис,
Я своей победой клянусь, славой и удачею
В том, что вас считаю, друзья, за людей понятливых
И вот эту пьесу мою лучшей среди всех других.
Вам уж я однажды ее предложил. Трудней всего
Мне она досталась, и что ж? Пред толпою грубою
Незаслуженный потерпел я провал. Виной тому
Вы, толковые, знатоки! Ради вас старался я.
Все ж предать я вас не хочу, люди с пониманием.
Ведь и прежде много похвал, зрители разумные,
«Добрый» мой и «развратник» мой слышали из ваших уст.
Словно девушке, мне тогда не к лицу было рожать.
И пришлось подкинуть дитя, увидать в чужих руках.
Вы его вскормили тогда бережно и ласково.
С этих пор надежда на вас выросла в груди моей.
Как Электра, мчится сейчас к вам моя комедия,
Ждет и ищет: зрителей тех нет ли здесь понятливых?
Вмиг узнает, — только б найти, — брата кудри милые.
Как пристойны нравы ее, сами поглядите вы:
Твердой кожи плотный кусок не подвешен спереди,
Длинный, толстый, с красным концом — на потеху
мальчикам.
Шуток здесь над лысыми нет, и канкана тоже нет,
Здесь старик, стихи бормоча, палкой собеседника
Не колотит, чтобы прикрыть соль острот подмоченных.
Не кричат здесь «горе, беда!», с факелом не бегают.

Верит в силу песен своих и в себя комедия.
Вот и я, хоть славен везде, длинных не рощу волос.
За новинку выдав старье, надувать не стану вас.
Только с новым вымыслом к вам прихожу я каждый раз.
Не люблю другим подражать, сочинять умею сам.
Был когда-то грозен Клеон[18], я по брюху бил его.
Но когда упал он ничком, я не тронул павшего.
Эти ж, только раз сплоховать стоило Гиперболу[19],
Без конца несчастного бьют, да впридачу мать его.
Первым выскочил Эвполид[20], «Мариканта» вывел он,
Подлый, подло он обокрал наших славных «Всадников»;
Пьяную старуху приплел для канкана мерзкого,
А старуху Фриних давно на съедение рыбам дал.
Тут к нему Гермипп подскочил, обругал Гипербола,
Подбежали прочие все, чтоб лягнуть Гипербола,
Подхватив остроты и мои сравнения.
Тот, кто любит шуточки их, пьес моих не смотрит пусть,
Если же находки мои вам теперь понравятся,
Прослывете вы навсегда судьями разумными.

Ода

Первое полухорие

В небе высоком грозного
Зевса, богов властителя,
В хор наш зовем мы первым.
С ним и тебя, трезубца царь,
Бог-великан,
Синего моря и земли
Яростный колебатель!
Славного кличем родителя нашего,
Вечный Эфир, тебя, жизнь сохраняющий в мире!
С ним и тебя, пламенный бог,
В белых лучах мчащий коней
Над простором земли! Велик
Меж богов ты и смертных.

Эпиррема

Предводитель первого полухория

Рассудительные люди, нас послушайте теперь!
На тяжелую обиду мы пожалуемся вам.
Больше всех богов бессмертных мы лелеем город ваш,
Вы ж из всех богов бессмертных нам не молитесь одним,

Сторожам своим надежным, Если сдуру вы поход
Затеваете, грохочем мы и посылаем дождь.
А когда вы Пафлагонца[21], ненавистного богам,
Вдруг избрали полководцем, грозно брови мы свели,
Напугали вас, из тучи с громом молнии неслись,
И Селена путь привычный позабыла, свой фонарь
Спрятал Гелиос, исчезнув с небосклона и грозя[22],
Что светить не станет, если будет властвовать Клеон.
Все же вы его избрали: легкомыслие давно
В этом городе в почете; не впервые божествам
Вашу глупость и беспечность вам на пользу обращать.
А что это справедливо, мы докажем без труда.
Если вы Клеона-вора в лихоимстве, в грабеже
Обличите и в колодки закуете наглеца,
Все былое вам простится, позабудутся грехи,
Обернется все на благо, счастлив город будет вновь.

Антода

Второе полухорие

Феб господин, приди и ты,
Делоса царь, владыка круч
Высокогорных Кинфа[23]!
Ты, что в Эфесе[24], в золотом
Доме живешь,
Горняя, с нами будь! Тебе
Девы лидийцев служат.
С нами будь, наша родная владычица,
Горододержица, с грозной Эгидой, Афина!
Ты, что хранишь горный Парнас,
В блеске приди смольных костров,
О Дионис, веселый бог,
Вождь вакханок дельфийских!

Антэпиррема

Предводитель второго полухория

К вам идти мы собирались, да Селена на пути
Повстречалась нам и вот что вам велела передать:
Шлет привет она Афинам и союзникам Афин;
Но на вас она сердита: вы обидели ее,
Хоть не на словах, на деле помогает вам она.
Мало ль драхм вам каждый месяц сберегает лунный свет?
Из дому идя под вечер, говорите вы не зря:

«Раб, не трать на факел денег! Светит месяц в вышине».
И других услуг немало вам оказывает. Вы ж
Надлежащих дней не чтите, повернули все вверх дном.[25]
И грозят Селене боги, — жалуется нам она, —
Всякий раз, когда вернутся, не дождавшись жертв домой.
Счет они ведут привычный срокам праздников своих.
Вы же в дни для жертв и песен занимаетесь судом.
А случается, что в сроки наших божеских постов,
В день кончины Сарпедона, в Мемнона печальный день
Вы приносите нам жертвы и смеетесь. Вот за то
Гипербол, когда священным нынче избран был послом,
Потерял по воле божьей свой венок. Пусть знает впредь,
Что луна определяет назначенье разных дней.

Эписодий первый

Из дома выходит Сократ

Сократ

Клянусь Хаосом, Испареньем, Воздухом,
Глупца такого я еще не видывал,
Такого простофилю безголового:
Зубря несчастных рассуждений несколько,
Всё позабыл он, не успевши вызубрить.
Сейчас сюда его из дома вызову.
Эй, Стрепсиад, иди и выноси постель!
(Слышен голос Стрепсиада.)

Стрепсиад

Ой, не могу! Клопы не отпускают. Ой!

Сократ

Неси скорей и будь прилежен.

Стрепсиад

(выходит)

Вот принес.

Сократ

С чего же мы приступим к изучению
Тех тайн, которых раньше ты совсем не знал?
С размеров, с диалогов иль с ладов, — скажи?

Стрепсиад

По мне начнем с размеров. Вот недавно лишь
Надул меня торговец на две меры ржи.

Сократ

Не в этом дело; отвечай, какой размер,
Трехмерный иль четырехмерный, любишь ты.

Стрепсиад

Я — четверик. Четыре меры полные.

Сократ

Болтаешь вздор.

Стрепсиад

Побиться об заклад готов.
В четверике четыре меры. Кончено!

Сократ

Вот наказанье! Груб ты и невежествен!
Ладами мы займемся, их усвой сперва!

Стрепсиад

А как же я ладами заработаю?

Сократ

Научишься изяществу в общении.
Лады сумеешь различать: военный лад,
И плясовой, и конный, и на пальчиках.

Стрепсиад

На пальчиках?

Сократ

Ну да.

Стрепсиад

Отлично знаю.

Сократ

Ну!

Стрепсиад

Вот — пальчики. Этот лад давно я выучил.
Давным-давно, еще мальчишкой маленьким.

Сократ

Мужик, невежда!

Стрепсиад

Бросим это, миленький!
Таким вещам учиться не хочу!

Сократ

Чему же?

Стрепсиад

Скорее кривде, кривде научи меня!

Сократ

Сперва другому научится должен ты.
Кто из животных мужеского пола? А?

Стрепсиад

Кто мужеского? Знаю, не сошел с ума.
Козел, кобель, жеребчик, хряк, баран, ну дрозд.

Сократ

Вот видишь, вздор несешь ты. Ведь и самочку,
Как и самца, дроздом ты называть привык.

Стрепсиад

А как же нужно?

Сократ

Как? Да уж по-разному.

Стрепсиад

Но, Посидон свидетель, как же иначе?

Сократ

«Дроздыня» — самка, а самец — «дрозделезень».

Стрепсиад

Дроздыня? Превосходно. Испареньями
Клянусь, за это лишь одно учение
Тебе мукой наполню я корзину.

Сократ

Стой!
Ты говоришь «корзина» рода женского.
Не крепче ль по-мужски сказать: «корзан»?

Стрепсиад

Корзан?
Но почему ж «корзан»?

Сократ

Ну, как «дроздан». А то,
Как «Клеоним».

Стрепсиад

Как Клеоним? При чем это?

Сократ

Дроздан, корзан и Клеоним — все родственно.

Стрепсиад

Ну нет, корзины мало для Клеонима.
В корыте, в бочке месит он жратву себе.
Но как же говорить теперь мне?

Сократ

Сказано.
Корзан — дроздан. Корзина и дроздыня. Вот!

Стрепсиад

Корзан — дроздыня.

Сократ

Будет это правильно.

Стрепсиад

Корзина, Клеонима — рода женского.

Сократ

Теперь об именах закончим собственных.
Мужские имена пройдем и женские.

Стрепсиад

Да знаю я про женские.

Сократ

Тогда скажи.

Стрепсиад

Филинна, Клитагора, ну — Деметрия.

Сократ

Теперь мужские назови мне.

Стрепсиад

Сотни их,
Вот: Филоксен, Милесия, Аминия[26].

Сократ

Да это ж не мужские имена совсем.

Стрепсиад

Как не мужские? Что ты!

Сократ

Да, конечно, так.
Ну, как ты скажешь, чтоб пришел Аминия.

Стрепсиад

«Сюда, сюда», — я позову Аминию.

Сократ

Вот видишь, кличешь женщину, Аминию.

Стрепсиад

И верно: трус он, потому и женщина.
Тому, что всем известно, не учи меня.

Сократ

Так ляг сюда и растянись!

Стрепсиад

Зачем это?

Сократ

В природу погружайся самого себя.

Стрепсиад

Не здесь, прошу, не на топчане, миленький,
Уж на земле я лучше погружусь.

Сократ

Нет, нет!
Нельзя иначе!

Стрепсиад

Горе мне! Несчастный я!
Клопам сегодня уплачу я пошлину.

(Сократ уходит в мыслильню. Стрепсиад ложится.)

Строфа 2

Первое полухорие

Будь молодым, будь остряком,
Вывернись весь наружу!
Грызи науку!
Когда же будет побеждать отчаянье,
Скачи отважно
К другим размышленьям; пусть глаз твоих
Сон-утешитель бежит!

Стрепсиад

Ай, ай, ай, ай, ай-ай-ай!

Корифей

Чем болен, что мучит?

Стрепсиад

(катается, закутавшись в плащ)

Погиб, погиб я, бедный! Вот впились в меня
Из-под топчана выползшие конники.
И бока раздирают, и гложут нутро,
И сосут мою душу, и пьют мою кровь,
И нежнейшие скрытые части грызут,
И по теплым по тайным проходам ползут,
И живьем меня жрут.

Корифей

Не вопи через меру, без меры не вой!

Стрепсиад

Как же быть? Как же жить?
Где именье — ау! Где здоровье — ау!
Где покой мой — ау! Где подметки — ау!
В довершенье всего, в заключение бед,
Погибаю без сна,
Скоро буду и сам я — аушки!

Эписодий второй

Сократ

(*выходит из мыслильни*)

Эй, старичок, ты размышляешь?

Стрепсиад

Я? Ну да,
Свидетель Зевс.

Сократ

О чем же поразмыслил ты?

Стрепсиад

О том, спасу ли от клопов хоть что-нибудь.

Сократ

Чтоб ты пропал!

Стрепсиад

Голубчик, я уже пропал!

Сократ

Не унывай! Залезь в накидку по уши.
Прием измысли мне опровергающий
И опорочь улики.

Стрепсиад

(*про себя*)

Как измыслить мне
Из этих дыр, порок опровергающий?

(*Пауза.*)

Сократ

Теперь посмотрим, что бедняга делает.

(*Срывает плащ со Стрепсиада.*)

Эй, эй, ты спишь?

Стрепсиад

Свидетель Феб, не думаю.

Сократ

Ну что, поймал?

Стрепсиад

Ах, нет еще!

Сократ

Как, нет еще?

Стрепсиад

Поймал вот этот хвостик в руку правую!

Сократ

Закройся вновь, продолжи размышления.

Стрепсиад

О чем же размышлять мне, расскажи, Сократ?

Сократ

Чего желаешь, для начала сам скажи.

Стрепсиад

Чего хочу, ты слышал сотню тысяч раз.
Вся суть в долгах: платить долгов не хочется.

Сократ

Плащом закройся! Основную мысль найди,
Развей ее и расчлени по косточкам,
Определи и сопряги.

Стрепсиад

Несчастный я!

Сократ

Не шевелись. Когда же в рассуждениях
Заблудишься, оставь их, после вновь вернись,
Накинься, ухвати и осторожно взвесь.

Стрепсиад

Сократушка, голубчик!

Сократ

Что тебе, старик?

Стрепсиад

Нашел я мысль насчет долгов обманную!

Сократ

Развей ее!

Стрепсиад

Скажи, что если...

Сократ

Если что?

Стрепсиад

Что, если я колдунью фессалиянку[27]
Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,
И в круглом сундуке запрячу накрепко,
Как зеркало, и буду сторожить его?

Сократ

А польза в чем от этого?

Стрепсиад

А польза в чем?
Пока всходить не будет месяц на небо,
Лихвы, долгов, не стану я платить.

Сократ

Да ну?

Стрепсиад

Ну да. По месяцам растет лихва моя.

Сократ

Отлично. Вот другое предложу тебе:
Когда на пять талантов иск вчинят тебе,
Его ты как сумеешь устранить, скажи?

Стрепсиад

Не знаю как. Не знаю. Поищу — найду.

(*Размышляет.*)

Сократ

Чрезмерно разум напрягать не должен ты,
Направь свободно мысль свою по воздуху,
Как стрекозу, привязанную за ногу.

Стрепсиад

Нашел хитрейший способ уничтожить иск!
Меня ты сам похвалишь!

Сократ

Что ж придумал ты?

Стрепсиад

У лекарей такой видал ты камешек,
Красивый и прозрачный? Добывают им
Огонь они.

Сократ

Ты говоришь о стеклышке?

Стрепсиад

Ну да! Что, если я добуду стеклышко
И, подождав, пока напишет иск писец,
В сторонке стану, солнечный поймаю луч
И сразу растоплю истца ходатайство?

Сократ

Харитами клянусь я, ловко!

Стрепсиад

Счастлив я,
Что иск на пять талантов устранить сумел.

Сократ

Возмись теперь проворней за другое!

Стрепсиад

Ну?

Сократ

Как от истца ты будешь защищать себя,
Ни права не имея, ни свидетелей?

Стрепсиад

Пустое, только плюнуть!

Сократ

Так скажи!

Стрепсиад

Скажу!
Как только дела моего черед придет,
Покину суд и побегу повеситься.

Сократ

Дурак!

Стрепсиад

Клянусь богами, так и сделаю!
К удавленнику кто ж предъявит жалобу?

Сократ

Все вздор! Иди! Тебя учить не стану я.

Стрепсиад

За что ж? Сократ! Ради богов прости меня!

Сократ

Что выучил, сейчас же забываешь ты.
Ну вот, скажи, что первым проходили мы?

Стрепсиад

Что первым? Дай припомнить! Что же первым? Что?
Как звать ее, в чем хлеб пекут, ту самую...
Ой-ой! Ну как же звать ее?

Сократ

Пошел к чертям!
Глупейший старикашка и забывчивый!

Стрепсиад

Беда, беда мне! Что со мною станется?
Погиб я, не умею языком молоть!
Вы, Облака, богини, помогите мне!

Корифей

Старик, тебе мы вот что посоветуем:
Когда толковый, взрослый у тебя есть сын,
Взамен себя пошли его в учение.

Стрепсиад

Есть у меня сыночек, ладно скроенный,
Да не желает он учиться. Горе мне!

Корифей

И все ж ты терпишь?

Стрепсиад

Крепок и отважен он.
По матери, из рода легкомысленных.
Пойду за ним, а если не послушает,
Так выгоню из дома обязательно.

(К Сократу)

Зайди в свой дом и подожди немножечко.

(Уходит в свой дом.)

Антистрофа 2

Второе полухорие

(К Сократу)

Видишь теперь, сколько от нас
Блага тебе. Другие
Бессильны боги.
На все согласен он. Теперь во всем тебе
Послушен будет.
Свихнулся он, закружился он.
Больше в нем разума нет.
Рви ж его, крепче щипли, шкуру дери,
Не зевай! Спеши! В деле таком
Все изменяет случай.

Эписодий третий

Стрепсиад и Фидиппид выходят из дому.

Стрепсиад

Клянусь туманом, в доме не останешься.
Ступай! Грызи столбы от дома дядюшки!

Фидиппид

Чудак отец! Каким шмелем ужален ты?
Ты не в себе, свидетель Олимпийский Зевс!

Стрепсиад

«Зевс Олимпийский»? Ой, ой, ой! Вот глупости!
Такой большой детина в бога верует!

Фидиппид

Чего же ты смеешься?

Стрепсиад

Над тобой смеюсь:
Младенчик ты и веришь басням нянькиным.
Но подойди. Сейчас узнаешь важное:
Скажу тебе я что-то — сразу вырастешь.
Зато другим об этом ни гу-гу, ни-ни.

Фидиппид

Ну, говори! В чем дело?

Стрепсиад

Зевсом клялся ты?

Фидиппид

Да, клялся.

Стрепсиад

Видишь, как полезно знание!
Нет никакого Зевса, мой сынок. Царит
Какой-то Вихрь. А Зевса он давно прогнал.

Фидиппид

Ай-ай! Вот вздор!

Стрепсиад

Поверь мне, это правильно.

Фидиппид

Да кто сказал?

Стрепсиад

Сократ, безбожник с Мелоса[28],
И Хэрефонт, прыжок блохи исчисливший.

Фидиппид

Так далеко зашел ты в помешательстве,
Что веришь людям, бешенным от желчи?

Стрепсиад

Цыц!
Не смей бранить людей достойных, доблестных,
Умнейших. Из-за строгой бережливости

Забыли мудрецы об умащениях,
О стрижке и о мыле. Ты ж добро мое
Собрался смылить, словно б я в гробу лежал.
Иди ж туда, там за меня поучишься!

Фидиппид

Чему ж там можно научиться доброму?

Стрепсиад

Чему? Всему, что называют мудростью.
Поймешь, как неучен, как неотесан ты!
Но погоди немного. Я тотчас вернусь.

(Входит в дом.)

Фидиппид

(один)

Что делать мне! Родитель мой с ума сошел.
Суду ли заявить о слабоумии,
Гробовщику ль сказать, что уж готов старик?

Стрепсиад

(выходит из дому с птицами подмышкой)
Вот эту птицу как ты назовешь, скажи?

Фидиппид

Дроздом.

Стрепсиад

Отлично. Ну, а эту птицу как?

Фидиппид

Дроздом.

Стрепсиад

Смешно. Обеих одинаково?
Впредь говори иначе. Называй его
Дрозданом. А ее зови дроздынею.

Фидиппид

Дроздынею? Так вот каким премудростям
У этих великанов обучался ты!

Стрепсиад

И многому другому. Но одна беда:
По дряхлости все забываю тотчас же.

Фидиппид

Вот почему и плащ свой там посеял ты?

Стрепсиад

Нет, не посеял, прогадал, промудрствовал.

Фидиппид

А туфли, горемыка! Их куда ты дел?

Стрепсиад

Да как Перикл, «на надобности важные».
Идем, спешим, скорее! После прихотям
Дашь волю, а сейчас отца послушайся!

(Уговаривает.)

Младенцем был ты, лет шести, лепечущим,
А я тебя послушался. На первый грош
Купил тебе тележку на Диасиях.

Фидиппид

(уступая)

Ну, что ж! Но только после ты раскаешься.

Стрепсиад

Спасибо, что послушался.

(Стучит в дверь мыслильни.)

Сюда, сюда!
Сократ! К нам выйди! Сына я веду к тебе,
Хотя он и не хочет.

Сократ

(выходит)

Он совсем дитя,
Он не вращался в областях возвышенных.

Фидиппид

Ты сам в петле возвышенной повертишься!

Стрепсиад

(сыну)

Прочь убирайся! Проклинать наставника?

Сократ

(поучающе)

Вот, вот, «петля». Как грубо произнес он: «тля»!
Язык прижат к гортани. Зубы стиснуты.
Как изучить ему опровержения,
Введенья, заключенья, обобщения?
А впрочем, за сто мин Гипербол выучил!

Стрепсиад

Смелей! Учи! Он у меня понятливый.
Ребеночком еще таким вот крохотным
Кораблики лепил он, клеил домики,
Из дерева вырезывал повозочки,
А из кожурок — лягушат отличнейших.
Смотри ж, речам обеим обучи его,
Правдивой, честной речи и кривым словам,
Которыми одолевают правые.
А нет, одной лишь кривде научи его!

Сократ

Пусть Правда с Кривдой сами объяснят ему.
А я пойду.

Стрепсиад

Так помни, знать обязан он,
Как побеждают кривдой правду всякую.

Сократ уходит к себе. Из мыслильни, бранясь, выходят Правда и Кривда.

Эписодий четвертый

Правда

Появись, покажись, пусть увидят тебя!
Пусть народ поглядит, как ты дерзок и нагл!

Кривда

Я готов, выхожу. На глазах у людей
Мне тебя погубить будет легче еще.

Правда

Ты погубишь? Ты кто?

Кривда

Речь.

Правда

Кривая, прибавь!

Кривда

Но тебя разобью, хоть и Правдой себя
Ты зовешь.

Правда

Разобьешь? Ухищреньем каким?

Кривда

Разыщу, изыщу новых мыслей поток.

Правда

Процветают теперь эти мысли у них,
У безумных людей.

Кривда

У разумных людей.

Правда

Уничтожу тебя.

Кривда

Это чем, объясни?

Правда

Слово правды скажу.

Кривда

Опровергну тебя,
Возражу, докажу, что по сути вещей
Правды нет никакой.

Правда

Правды нет, говоришь?

Кривда

Где ж она, расскажи!

Правда

У всевышних богов.

Кривда

Если правда не вздор, почему тогда Зевс
Не наказан? Ведь в цепи родного отца
Заковал он.

Правда

Вот, вот, началась чепуха!
Распирает, тошнит! Дайте тазик скорей!

Кривда

Ах, дубина, чурбан, ах ты, старый чудак!

Правда

Обнаглевший болван! Развращенный дурак!

Кривда

Сыплешь розы на грудь.

Правда

Площадной скоморох!

Кривда

Фимиам мне куришь.

Правда

Оскорбитель отца!

Кривда

Ну, так знай, одарил меня золотом ты.

Правда

Это золото прежде мы звали дерьмом.

Кривда

Я ж зову украшеньем, ценнейшим венцом.

Правда

Ах ты, дерзкая дрянь!

Кривда

Ах ты, старая дрянь!

Правда

Ты виною тому,
Что учиться подростки не ходят совсем.

Но узнают афиняне все же, чему
Наставляешь и учишь ты глупый народ.

Кривда

Как ты грязен и груб!

Правда

Ты ж — наряден, ты — люб!
А недавно еще побирался с сумой,
И мисийцем Телефом себя называл,
И уныло жевал
Панделетовой[29] мудрости крохи.

Кривда

О разумная речь!

Правда

О безумная речь!

Кривда

Панделет — молодец.

Правда

Город спятил с ума,
Если кормит тебя,
Развратителя юношей, язву страны.

Кривда

(указывая на Фидиппида)

Ты, беззубый, вот этого хочешь учить?

Правда

Да, затем, чтоб спасти и от зла уберечь,
Чтоб в пустой болтовне не погряз он совсем.

Кривда

(к Фидиппиду)

Подойди-ка ко мне. Пусть беснуется он!

Правда

Берегись! Руки дальше от юноши! Прочь!

(Драка.)

Корифей

Перестаньте браниться! Довольно кричать!
Покажи ему ты, как учил молодежь

В дни былые. Ты прелести новых наук
Перед юным раскрой, чтоб послушавши вас,
Он наставника выбрал по сердцу себе.

Правда

Хорошо. Я готов.

Кривда

Да, я тоже готов.

Корифей

Ну так что же, кто первым начнет говорить?

Кривда

Пусть начнет старичок!
Очень скоро запнется он в речи своей
И под градом новейших словечек и слов,
Рассуждений, сомнений без сил упадет,
Напоследок, едва заикнется бедняк,
Налетят на него и вопьются в лицо,
И в глаза, и во все, словно туча шершней,
Мои мысли и насмерть зажалят!

Агон первый

Ода

Первое полухорие

Теперь должны вы доказать
Ловких речей орудием,
Игрой ума, мыслей дождем,
Блеском суждений острых,
Кто из двоих вправе прослыть
Мастером красноречья.
Мудрость, сейчас вовлечена
В яростный ты, в тягостный бой.
Из-за тебя друзья мои
На поединок вышли.

Корифей

(*к Правде*)

Ты обычаи дедов и нравы отцов увенчавший блестящей хвалою,
Начинай, свой раскатистый голос возвысь, изъясни свои мысли и душу!

Эпиррема

Правда

Расскажу вам о том, что когда-то у нас воспитаньем
звалось молодежи,
В ту пору, когда я, справедливости страж процветал,
когда скромность царила.
Вот вам первое: плача и визга детей было в городе
вовсе не слышно.
Нет! Учтивою кучкой по улице шли ребятишки тогда к
кифаристу
В самых легких одеждах, хотя бы уже с неба падали
снежные хлопья.
Приходили, садились, колен не скрестив, а почтенный
наставник учил их
Стародедовским песням: «Паллада в бою нам защита»
иль «Клич громогласный».
Запевали размеренно, строго и в лад, как отцы их и деды
певали.
Если б баловать кто-нибудь вздумал, дурить, выводить
переливы и свисты,
Как теперь это любят, Фринида[30] лады, безобразные
трели, рулады,
Запищал бы под палкою шут. Поделом! Не бесчести
святого искусства!
А в гимнасии, сидя на солнце, в песке, чинно, важно
вытягивать ноги
Полагалось ребятам, чтоб глазу зевак срамоты не открыть
непристойно.
А вставали, и след свой тотчас же в песке заметали, чтоб
взглядам влюбленных
Очертания прелестей юных своих на нечистый соблазн
не оставить.
В дни минувшие маслом пониже пупа ни один себе мальчик
не мазал,
И курчавилась шерстка меж бедер у них, словно первый
пушок на гранате.
Не теснились к влюбленным мальчишки тогда, лепеча,
сладострастно воркуя,
Отдавая себя и улыбкою губ и игрой похотливою взглядов.
За обедом без спроса не смели они положить себе редьки
кусочек,
Сельдерея до старших стянуть со стола не решались, ни
лука головку.

В кулачок не смеялись, не крали сластей, ногу на ногу
накрест не клали...

Кривда

Стариковская чушь, Диполиева рвань[31], в волосах золотые
цикады[32]!
Завыванья Кидида[33], Буфоний галдеж!

Правда

Да, конечно. Но это та сила,
Из которой растила наука моя поколенья бойцов
марафонских.
Ты ж, негодник, теперешних учишь юнцов кутать шеи
и плечи в хитоны.
Удавиться готов я, когда погляжу, как на празднике
Панафинейском
Щит на брюхе держа, выступают они, не краснея пред
Тритогенией.
И поэтому, сын мой, мужайся: меня избери себе в спутники,
Правду!
Презирать ты научишься рыночный шум, ненавидеть
цирюльни и бани,
Безобразных поступков стыдиться, краснеть, от
насмешек грозой загораться.
Перед старшими с места учтиво вставать, поднимаясь
при их приближеньи.
И почтительным сыном родителю быть, не грубить, не
ворчать
и не спорить.
Безрассудств избегать и стыдливость свою не пятнать, не
позорить развратом.
Перед дверью танцовщицы зря не стоять, рот разинув,
моля о вниманье,
Чтобы, ласки за это добившись у ней, не лишиться почета
и славы.
И отцу никогда не перечить ни в чем, не ругать его
рухлядью старой
И за долгие годы забот и трудов не платить ему черствою
злобой.

Кривда

Дионисом клянусь, если вздорной его болтовне ты
поверишь, дружок мой,
Сыновей Гиппократа[34] напомнишь собой. Назовут тебя
соней и мямлей.

Правда

Да нисколько! Цветущим, блистающим жизнь проводить
ты в гимнасии будешь.
Ты не станешь на рынке, как нынче народ, кувыркаться,
в словах, и кривляться,
И мытариться зря, извиваясь крючком в пересудах
грошовых и тяжбах.
Нет! Уйдешь в Академию[35], в мирную тишь, и в
священных оливковых рощах
С камышовою зеленью в смуглых кудрях ты гулять будешь
с другом разумным.
Там цветет повилика, и манит досуг, и трепещет
серебряный тополь,
Там услышишь, как ясень весенней порой перешептывается
с платаном.
Если добрые примешь советы мои
И свой слух обратишь к наставленьям моим,
Станет, друг, у тебя
Грудь сильна, как меха. Щеки — мака алей.
Три аршина в плечах, сдержан, скуп на слова.
Зад могуч и велик. Перед — мал да удал.
Если ж будешь по новым обычаям жить,
Знай, что щеки твои станут желты, как воск,
Плечи щуплы. Куриная, слабая грудь,
Язычок без костей, зад цыплячий, больной,
Перед вялый — вот будут приметы твои.
Ты приучишь себя
Безобразно-постыдное добрым считать,
А добро — пустяком.
В заключенье всех бед преисполнишься весь
Антимаховым[36] грязным паскудством.

Антода

Второе полухорие

Привет тебе, правдивых слов,
Славных святынь хранитель!
Из слов твоих сладким цветком
Скромность и честь сияют.
Счастливы, да, те, что тогда,
В прежнее время, жили.
Кривда, теперь слово твое!
Сложенных ловко мастер слов,
Будь изощрен: противник твой
Спор свой провел на славу!

Корифей

Чудовищно искусным быть теперь в речах ты должен,
Чтоб переспорить старика, себя не обесчестить.

Антэпиррема

Кривда

Волнение в моей груди, я весь как на иголках.
Все рассуждения врага я разом опрокину,
Средь образованных затем меня прозвали Кривдой,
Что прежде всех решился я оспаривать законы,
И правду криво толковать, и побеждать неправдой.
А бочек с золотом литым не стоит это разве?
Ведь я веду кривым путем к победе дело слабых.

(*К Фидиппиду*)

Смотри, как опровергну вмиг я все его советы!
Водой горячею тебе он запрещает мыться?

(*К Правде*)

В горячих банях что, скажи, запретного находишь?

Правда

Я говорю, что бани — зло и для мужчин — отрава.

Кривда

Остановись! Готов! Тебя уже держу я крепко.
Скажи, из Зевсовых детей кого считаешь лучшим,
Кто всех храбрей и всех сильней и больше всех трудился?

Правда

Славней героя, чем Геракл, нет никого на свете.

Кривда

Так! А «Геракловой» зовем холодную мы воду[37]?
И кто храбрее, чем Геракл?

Правда

Вот, вот они, увертки!
Вот то, что делает у нас подростков болтунами,
Гимнасий делает пустым и наполняет бани!

Кривда

Тех, кто на площади весь день, хулишь ты, — я — хвалю их.

Когда бы площадь злом была, тогла б Гомер не вывел
Витией Нестора царя и остальных героев.
Перехожу теперь к речам. Велишь ты молодежи
Не упражняться в них совсем. Я ж говорю другое.
Велишь подростку скромным быть. И здесь опять ошибка!
Где ж видано, чтоб кто-нибудь стал через скромность славен,
Силен, могуч? Ну докажи, ну опровергни это!

Правда

И докажу. за скромный нрав Пелею [38] меч достался.

Кривда

Что? Меч? Великое добро бедняга заработал!
Не то Гипербол-ламповщик. Талантов сто иль больше
Обманом, ложью он добыл. Меча ж не заработал.

Правда

За скромный нрав свой получил Пелей Фетиду в жены.

Кривда

Она ж и бросила его. Сбежала. Был он скромник.
Был увалень. И не умел играть в постели ночью.
По сердцу женщине наглец. А ты — беззубый мерин!
Смотри ж теперь, мой юный друг, к чему приводит скромность
И скольких радостей себя из-за нее лишишь ты:
Жаркого, мальчиков, сластей, игры в костяшки, женщин!
Без этих сладостей, скажи, зачем и жить на свете?
Что ж, перейду теперь к тому, к чему влечет природа.
Влюблен ты, соблазнил жену, поспал, попался мужу.
Погиб ты насмерть — говорить ведь не умеешь! Если ж
Со мной пойдешь — играй, целуй, блуди, природе следуй!
Спокоен будь! Найдут тебя в постели, ты ответишь —
Что и ничуть не согрешил. Сошлешься ты на Зевса,
И тот ведь уступал любви и обаянью женщин.
Несчастный, неужели ты сильнее будешь бога?

Правда

Когда ж ощиплют там его и сзади редьку вставят,
Питомец твой докажет чем, что он не толстозадый?

Кривда

А пусть и толстозадый, что плохого в том?

Правда

А я спрошу, что может быть постыднее?

Кривда

Что скажешь, если докажу обратное!

Правда

Что мне сказать? Умолкну я.

Кривда

Ответь же мне,
В суде защитник из каких?

Правда

Из толстозадых.

Кривда

Правильно!
Поэт в театре из каких?

Правда

Из толстозадых

Кривда

Именно!
В толпе оратор из каких?

Правда

Из толстозадых.

Кривда

То-то вот!
Свою нелепость понял ты.
Теперь из зрителей сочти:
Которых больше?

(*Показывает на зрителей в амфитеатре.*)

Правда

Дай сочту.

(*Считает.*)

Кривда

Что видишь ты?

Правда

Клянусь богами, понял все.
Из толстозадых большинство.
Того я знаю, и того,
И этого, вон там, в кудрях.

Кривда

Что ж скажешь ты?

Правда

Погиб я. О развратники!
Ради богов,
Примите плащ мой, я бегу,
Я к вам перебегаю.

(*Убегает в дом Сократа.*)

Кривда

Ну, что ж, теперь обратно увести сынка
Желаешь иль в науку мне отдашь его?

Стрепсиад

Учи его, пори его. Старайся, друг.
Мальчишку навострить на обе челюсти,
Чтобы одною грыз он тяжбы мелкие,
Другую ж на большие наточил дела.

Кривда

Спокоен будь! Искусником вернется он.

Фидиппид

(*в сторону*)

Ах нет, несчастным, тощим, бледным, иссохшим.

Корифей

Ступай же!

Кривда и Фидиппид входят в дом Сократа, Стрепсиад — к себе.

(*Вслед Стрепсиаду*)

Об этом ты, наверно, пожалеешь.
(*К зрителям*)

Судьи! Если по заслугам отличите вы наш хор,
Выгод тысячу найдете. Выслушайте нашу речь.
Первое: когда начнете вы поля свои пахать,
Первым вам мы дождь подарим, а соседям уж потом.

Будем сад ваш и зеленый виноградник охранять,
Чтобы зноем их не выжгло, градобоем не смело.
Тот же смертный, кто в безумье не уважит нас, богов,
Вот послушайте, узнайте, сколько бед претерпит он.
Пить вина уж он не будет, есть не будет овощей:
Чуть в саду его маслины зацветут и виноград —
Все завянет: тяжкой дробью из пращей собьем мы цвет.
Кирпичи сушить захочет, хлынем на землю дождем,
Все на кровле черепицы летним градом расшибем.
Если ж свадьбу он затеет, или родич, или друг,
До утра разверзнем хляби, так, что, взмолится бедняк:
«Лучше б мне в Египте дохнуть, чем судить кривым судом!»

Эписодий пятый

Стрепсиад

(с мешком за плечами выходит из дому)

До новолунья пятый, и четвертый день,
И третий, и второй, и тот, которого
Боюсь и ненавижу и пугаюсь я:
Последний страшный — «молодой и старый день».
Заимодавцы просьбу о взыскании
Пританам подадут, чтоб погубить меня.
Я ж буду их просить о снисхождении:
«Дружок, с должишком этим не тесни меня,
Тот — отложи, а тот — прости!» — «Расходов мы
Так не покроем!» — скажут, заругаются,
Судом пугая, обзовут мошенником.
Судите, сколько влезет! Мне и дела нет,
Раз Фидиппид кривым речам научится.
Сейчас узнаю. Постучусь в мыслильню.

(Стучит.)

Эй!
Эй-эй, откройте!

Сократ

(появляется в дверях)

Стрепсиад, привет тебе!

Стрепсиад

(отдает ему мешок)

Тебе привет! Подарок от меня прими!

Уважить мы обязаны наставника.
Скажи мне, сына обучил ты речи той,
Которую недавно здесь показывал?

Сократ

Да, обучил.

Стрепсиад

Хвала тебе, мать каверза!

Сократ

Теперь любую выиграешь тяжбу ты.

Стрепсиад

А если в долг просил я при свидетелях!

Сократ

Тем лучше! Хоть при тысяче свидетелей!

Стрепсиад

(*поет и пляшет*)

Кричать, смеяться буду я на радостях.
Го-го-го-го-го! Смерть, заимодавцы, вам,
Полушкам вашим, и лихве, и прибылям!
Теперь меня ничем вы не ужалите!
Такой в моем доме растет
Чудный сын, диковинный сын.
Как лезвие, язык его.
Хранитель мой, отца оплот, врагов чума.
Дом наш избавит он от бесконечных бед.

(*К Сократу*)

Так поспеши ж за ним и приведи сюда!
Дитя, сыночек!
Из дома выйди!
Здесь ждет родитель.

Фидиппид, высохший и бледный, выходит в сопровождении Сократа.

Сократ

Вот он, вот он, твой сын!

Стрепсиад

Мой дружок, голубок!

Сократ

Уведи его с собою.

(Уходит.)

Стрепсиад

Ай, ай, ай! Мой родной Ию! Ию!
Как рад я видеть эту кожу желтую —
Донос, крючок на ней так и написаны.
А на губах так и цветет привычное:
«Ты что сказал?» — и сразу вид обиженный,
Не ябедник — невинность оскорбленная!
И взгляд при этом истинно аттический.
Спаси теперь, как прежде погубил меня!

Фидиппид

Пред чем же страх?

Стрепсиад

Пред «молодым и старым днем».

Фидиппид

А что такое «молодой и старый день»?

Стрепсиад

К суду меня потянут в этот самый день.

Фидиппид

Истца оставим с носом. Разве мыслимо,
Чтоб день один двумя бы днями сделался?

Стрепсиад

Немыслимо?

Фидиппид

Конечно. Разве может быть
Старуха разом молодою женщиной?

Стрепсиад

Но так закон определил.

Фидиппид

Уверен я,
Закона дух остался скрыт.

Стрепсиад

А дух каков?

Фидиппид

Старик Солон любил народ поистине.

Стрепсиад

Но здесь при чем же «молодой и старый день»?

Фидиппид

Определил для жалоб двое суток он;
День старый, а за ним день молодой, чтоб суд
На новолунье начал разбирательство.

Стрепсиад

А для чего ж тут старый день?

Фидиппид

Затем, чудак,
Чтоб накануне доброю охотою
Договориться мог истец с ответчиком.
А нет, так в суд подать на новолуние.

Стрепсиад

Так почему ж не в новолунье денежки
Берет притан, а в «молодой и старый день»?

Фидиппид

Как жрец он поступает здесь, по-моему.
Чтоб поскорее прикарманить денежки,
Он накануне их, как жертву, пробует.

Стрепсиад

Отлично.

(*К зрителям*)

Вы, глупцы, чего уставились?
Добыча для ученых, стадо темное,
Толпа, бараны, камни, кружки битые!
За здравие мое и сына-умника
Сейчас спою я праздничную песенку.

(*Поет*)

Ты счастливец, Стрепсиад!
Родился ты хитрецом!
Сына хитреца родил!

Так мне будут петь друзья
И соседи.

Завидуя, что на суде язык твой побеждает.
Войдем же в дом. Хочу тебя я угостить на славу.

(Входят в дом.)

Эписодий шестой

Пасий

(входит со свидетелем)

Добро свое годится ли растрачивать?
Да ни за что! А, право, лучше было бы
Прогнать его тогда, чем в тяжбу впутаться.
А что теперь? Из-за своих же денежек
Тебя тащу свидетелем, к тому ж еще
Врагом соседу стану стародавнему.
И все-таки не посрамлю отечества,
Покуда жив.

(Кричит)

Эй, Стрепсиада в суд зову.

Стрепсиад

(выходит, навеселе)

Тебе чего?

Пасий

«На молодой и старый день».

Стрепсиад

(к свидетелю)

Свидетель будь: два дня назвал он. Суд зачем?

Пасий

Двенадцать мин ты должен за саврасого
Коня.

Стрепсиад

Коня? Чудесно. Ясно слышали?
Ведь знают все, что скачки ненавижу я.

Пасий

Долг заплатить поклялся ты Зевса именем.

Стрепсиад

Свидетель Зевс, в то время ведь не знал еще
Сынок мой кривды, все опровергающей.

Пасий

Теперь от долга отпираться думаешь?

Стрепсиад

А для чего ж другого нам учение?

Пасий

А если в суд пойдем мы, отречешься ты,
Зовя богов в свидетели?

Стрепсиад

Каких богов?

Пасий

Гермеса, Зевса, Посидона.

Стрепсиад

Видит Зевс,
И поклянусь и три гроша впридачу дам!

Пасий

Так пусть чума возьмет тебя, бесстыдного!

Стрепсиад

(*разглядывая Пасия*)

Посыпать солью, выйдет мех отличнейший.

Пасий

Смеешься надо мною?

Стрепсиад

(*так же*)

На шесть ведер мех!

Пасий

Великий Зевс и боги мне свидетели,
Так не уйдешь ты!

Стрепсиад

Презанятно Зевсом ты
Клянешься и богами? О невежество!

Пасий

За это все ответишь мне со временем.
Сейчас же говори, отдашь мне денежки
Иль мне судиться?

Стрепсиад

Подожди немножечко.
Сейчас тебе наверняка отвечу я.

(*Уходит в дом.*)

Пасий

(*к свидетелю*)

Что сделает, как думаешь? Отдаст мне долг?

Стрепсиад

(*возвращается с корзиной*)

Где тот, кто денег требует с меня? Скажи,
Вот это что?

Пасий

Корзина, дело ясное.

Стрепсиад

Такой безмозглый дурень денег требует!
Не дам я ни полушки полоумному,
Корзан, мой бог, зовущему корзиною.

Пасий

Что? Не отдашь?

Стрепсиад

Нимало, как мне кажется,
А ты не затрудняйся, убирайся прочь
От двери!

Пасий

Ухожу! Но знай, к пританам я
Иду, подам к уплате, головой клянусь.

(*Уходит.*)

Стрепсиад

(*вслед уходящему Пасию*)

Побольше потеряешь, чем двенадцать мин!
А я тебе, поверь мне, не желаю зла,
Хоть и назвал ты зря корзан корзиною.

Эписодий седьмой

Аминий

(*выходит*)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад

Кто здесь вопит так горько? Не божок ли то
Заголосил из племени Каркинова[39]?

Аминий

Кто я такой — узнать вам это хочется?
Я несчастливец!

Стрепсиад

Так иди путем своим!

Аминий

О бог суровый! Рок оседробительный!
Моя упряжка... О Паллада! Горе мне!

Стрепсиад

Но чем тебя обидел Тлеполем[40], скажи?

Аминий

Почтеннейший, не смейся! Прикажи, прошу,
Чтобы вернул мне деньги поскорей твой сын.
Давно я жду, к тому ж сейчас в несчастии.

Стрепсиад

Какие ж это деньги?

Аминий

Те, что должен он.

Стрепсиад

Дела твои прескверны, как мне кажется.

Аминий

Свидетель бог, свалился с колесницы я.

Стрепсиад

А мелешь вздор, как будто бы с осла упал.

Аминий

Как вздор? Хочу я деньги получить свои.

Стрепсиад

Ты не в своем рассудке. Это ясно.

Аминий

Что?

Стрепсиад

Всего вернее — мозга сотрясение.

Аминий

Всего верней, пойдешь ты в суд, свидетель Зевс,
Когда долгов не возвратишь!

Стрепсиад

Скажи мне, друг,
Как думаешь, для ливней воду свежую
Зевс достает иль силой солнца старая
Вода обратно на небо взбирается?

Аминий

Не знаю. И нисколько не желаю знать.

Стрепсиад

А правомочен разве деньги требовать
Тот, кто не знает про дела небесные?

Аминий

Раз денег мало, ты бы хоть лихву на долг
Мне отдал.

Стрепсиад

Что за зверь такой — лихва, скажи?

Аминий

Да то, что с каждым месяцем и с каждым днем
Все больше возрастает и растет, растет,
Пока проходит время.

Стрепсиад

Верно сказано.

Скажи, а море, что оно, по-твоему,
Растет или все то же?

Аминий

То же, думаю.
Ему расти не подобает.

Стрепсиад

Бедненький!
Да если море, с столькими притоками,
Не возрастает, как же ты надеешься,
Чтобы твои нежданно деньги выросли!
Ступай, катись! Подальше от дверей моих.

(*Рабу*)

Стрекало дай мне!

Аминий

(*к зрителям*)

Вас зову в свидетели.

Стрепсиад

Но-но! Пошел же, трогай, торопись, гнедой!

Аминий

Ну не бесстыдство ль это?

Стрепсиад

Торопись! Не то
Под хвост стрекалом, сивка, подбодрю тебя!

(*Бьет его, Аминий бежит.*)

Бежит! А то бы двинул, раскатал тебя
С колесами, осями и заклепками.

(*Стрепсиад входит в дом.*)

Строфа 3

Первое полухорие

Сутяжничать, сквалыжничать —
Большое зло.
Упрямый старичок
Решил зажать, не отдавать
Добра и денег, взятых в долг.
А все-таки сегодня же

Приключатся новости.
Хитрый выдумщик, затеявший обман,
За плутни все, за все грехи
Расплатится жестоко.

Антистрофа

Второе полухорие

Боюсь я, то, чего искал,
Чего желал,
Сегодня он найдет.
Ужасен в споре сын его,
Опровергать, изобличать
Неправдою умеет он.
Всяких собеседников
Переспорит трижды лживой болтовней,
Но скоро, скоро взмолится
Старик, чтоб онемел он.

Эписодий восьмой

Стрепсиад

(*выбегает из дома, преследуемый Фидиппидом*)

Увы Увы!
Соседи! Родственники и приятели!
Спасите! Бьют! Бегите, помогите мне!
О голова седая! Щеки старые!
Отца ты бъешь, негодник?

Фидиппид

Да, отца я бью.

Стрепсиад

(*к зрителям*)

Он признает, что бил меня, вы видите!

Фидиппид

Ну да!

Стрепсиад

Злодей, отцеубийца, висельник!

Фидиппид

Еще, еще, брани меня, хули меня!
Но знай, я радуюсь твоим ругательствам.

Стрепсиад

Распутник!

Фидиппид

Сыпь мне розы, золоти меня!

Стрепсиад

Отца ты бьешь?

Фидиппид

Ну да, и докажу тебе,
Что бил по праву.

Стрепсиад

Вот как, пес негоднейший!
Да кто ж дал право сыну бить родителя?

Фидиппид

Послушай, что скажу, я убедишься сам.

Стрепсиад

Да что ты мне докажешь?

Фидиппид

Очень многое.
Какою речью говорить мне, выбери!

Стрепсиад

Какою речью?

Фидиппид

Кривой иль правою?

Стрепсиад

На то ль тебя учил я, окаяннейший,
Опровергать законы, чтоб так каверзно
Ты доказал, что нравственно и правильно
Родному сыну избивать родителя?

Фидиппид

И докажу я все же правоту свою,
И ты со мною согласишься, выслушав.

Стрепсиад

Ну, что ж сказать сумеешь ты, послушаю.

Агон второй

Ода

Первое полухорие

Подумай, позаботься, поспеши, старик,
Врага переспорить.
Когда б в себя не верил он, наверное,
Не был так бесстыден.
На что-то он надеялся, — в словах его
И дерзость и сила.

Корифей

Из-за чего и почему у вас возникла тяжба,
Пред хороводом объясни. Начни, не заминаясь!

Эпиррема

Стрепсиад

Из-за чего и почему мы начали ругаться.
Вам расскажу. Мы закусить решили, как известно.
Тут в руку лиру взять его я попросил и песню
Поэта Симонида[41] спеть: «Барашек, Крий, попался».
А он сказал, что песни петь за чашей, под кифару,
Обычай устаревший, баб забота, мукомолок.

Фидиппид

Не прав ли был я, наскочив с руками и с ногами
На старика? Заставить петь! Кузнечики мы, что ли!

Стрепсиад

Вот те же самые повел и за едой он речи,
Сказал к тому ж, что Симонид — писатель очень скверный.
С трудом, но все-таки себя я удержал от злости.
Я попросил его тогда взять миртовую ветку
И из Эсхила мне прочесть. А он ответил тут же:
«Эсхила почитаю я первейшим из поэтов
По части шума, болтовни, нескладности и вздора».
Вскипело сердце у меня, представьте вы сами,
Но гнев в себе я подавил, сказал: «Тогда, голубчик,
Из новых что-нибудь мне спой, из песен философских».
Из Еврипида говорить тут начал он, о брате,
С родной сестрой, избави бог, бесстыдно переспавшем.
Тут удержаться я не мог. Накидываюсь в злости

С проклятьем, с криком на него. Потом, как уж ведется,
На слово — слово, брань — на брань, он вскакивает с места.
И ну душить, и ну давить, и мять меня, и тискать!

Фидиппид

А не по праву, да? Признать готов ты Еврипида
Мудрейшим из поэтов всех?

Стрепсиад

Мудрейшим? Ах ты горе!
Да что сказать тебе? Опять меня побьешь!

Фидиппид

За дело!

Стрепсиад

За дело? Ах, бесстыдник! Я ж вспоил тебя, взлелеял,
Нескладный детский лепет твой отгадывать умел я,
Едва ты пролепечешь: «И» — тебе даю напиться,
А скажешь: «Мама» — на бегу леплю из хлеба соску,
Кака захочешь — тут как тут, тебя несу я за дверь,
Усаживаю там. А ты меня схватил за горло!
Хоть я кричал, хоть я пищал,
Хотел на двор, ты, негодяй,
Не пожалел, за дверь не снес,
Меня душил, и под себя,
Мой бог, кака я сделал.

Антода

Второе полухорие

У молодых трепещет сердце, думаем,
Все ждут его речи.
Когда уже такие безобразия
В речах защитит он,
За шкуру стариков мы не дадим тогда
Пустого орешка.

Корифей

Искатель хитрый, новых слов, твоя теперь забота
Такие доводы найти, чтоб правым показаться.

Фидиппид

Наук новейших мастерством как радостно заняться
И научиться презирать закон, обычай старый!
Пока все помыслы мои ристаньям отдавал я,
Трех слов связать я не умел, ни разу не запнувшись.
Теперь от скачек отлучил меня вот этот самый,
Я занялся сложеньем слов и мыслей изощренных.
И доказать могу, что сын отца дубасить вправе.

Стрепсиад

Лошадничай, свидетель Зевс! Уж лучше заведу я
Тебе четверку лошадей, чем от побоев сдохну!

Фидиппид

Меня от речи ты отвлек, я к мысли возвращаюсь,
И вот, о чем тебя спрошу: меня дитятей бил ты?

Стрепсиад

Да, бил, но по любви, добра тебе желая.

Фидиппид

Что же,
А я добра тебе желать не вправе, точно так же
И бить тебя, когда битье — любви чистейшей признак?
И почему твоя спина свободна от побоев,
Моя же — нет? Ведь родились свободными мы оба?
Ревут ребята, а отец реветь не должен? Так ли?
Ты возразишь, что лишь с детьми так поступать пристало.
Тебе отвечу я: «Ну, что ж, старик — вдвойне ребенок».
Заслуживают старики двойного наказанья,
Ведь непростительны совсем у пожилых ошибки.

Стрепсиад

Но нет обычая нигде, чтоб сын отца дубасил.

Фидиппид

А кто обычай старый ввел, тот не был человеком,
Как ты да я? Не убедил речами наших дедов?
Так почему же мне нельзя ввести обычай новый,
Чтоб дети возвращать могли родителям побои?
А порку, что досталась нам, до нового закона
Забудем лучше и простим за давностию срока.
Возьмите с петухов пример и тварей, им подобных,

Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны
От нас? Одним, пожалуй, тем, что жалоб в суд не пишут.

Стрепсиад

Но если петухам во всем ты подражать желаешь,
Дерьма не щиплешь почему, не дремлешь на насесте?

Фидиппид

Ну, это, друг, совсем не то, Сократ со мной согласен.

Стрепсиад

И все-таки не бей! Потом винить себя же будешь.

Фидиппид

С чего же?

Стрепсиад

Как теперь меня, потом тебя обидит,
Когда родится, твой же сын.

Фидиппид

А если не родится?
Так, значит, бит я даром, ты ж в гробу смеяться будешь?

Стрепсиад

(*к зрителям*)

Боюсь, ровесники мои, что говорит он дельно.
Должны мы в этом уступить, как видно, молодежи.
И поделом: кто был неправ, пусть на себя пеняет.

Фидиппид

Теперь ты эту мысль развей!

Стрепсиад

Совсем меня угробишь!

Фидиппид

Быть может, с тем, что претерпел, сейчас ты
примиришься?

Стрепсиад

Да как же? Научи меня. Ты чем меня утешишь?

Фидиппид

Я мать свою отколочу, как и тебя.

Стрепсиад

Что слышу?
Вот дерзость, прежних всех страшней!

Фидиппид

Что, если словом кривды
Тебя сумею убедить,
Что матерей законно бить?

Стрепсиад

Когда и это превзойдешь,
Тогда осталось мне одно —
С откоса вниз тебя столкнуть,
С Сократом вместе
И с проклятой Кривдой!

(*Обращаясь к хору.*)

Вы всем несчастьям, Облака, виной.
Вам, Облака, я вверил все дела мои!

Корифей

Нет, нет, в своих несчастьях виноват ты сам:
На ложный путь направил ты дела свои!

Стрепсиад

Но прежде так со мной не говорили вы?
Слепого дурня, старика морочили?

Корифей

Мы поступаем так же всякий раз, когда
Погрязшего встречаем в преступлениях.
Его в пучину бедствий повергаем мы,
Чтобы богов бояться научился он.

Стрепсиад

Жестоко, Облака мои, но правильно.
Я денег тех, что задолжал, не должен был
Присваивать.

(*К сыну.*)

Теперь же, милый мальчик мой,
Пойдем, Сократа с Хэрефонтом мерзостным
Побьем! Обоих нас они опутали.

Фидиппид

Но обижать как смею я наставников?

Стрепсиад

Смелей, смелее! Чти лишь Зевса старого!

Фидиппид

Сказал же, старый филин: «Зевса старого»!
Да есть ли Зевс?

Стрепсиад

Да, есть!

Фидиппид

Да нет же, нет! Царит
Какой-то Вихрь, а Зевса он давно изгнал.

Стрепсиад

Нет, не изгнал! Хотя и сам я думал так
И в Вихрь поверил. Слепота несчастная!
За бога принял я пустые выдумки!

Фидиппид

С самим собой безумствуй и неистовствуй!

(*Уходит.*)

Стрепсиад

Ах, я дурак! Ах, сумасшедший, бешеный!
Богов прогнал я, на Сократа выменял.
(*Обращаясь к статуе Гермеса на орхестре.*)
Гермес, голубчик, не сердись, не гневайся,
Не погуби, прости по доброте своей!
От хитрословий этих помешался я.
Пошли совет разумный, в суд подать ли мне
На негодяев, отомстить ли иначе?

(*Прислушивается.*)

Так, так, совет прекрасный: не сутяжничать,
А поскорее подпалить безбожников
Лачугу.

(*К слуге.*)

Ксанфий, Ксанфий! Поспеши сюда!
Беги сюда, топор возьми и лестницу,

И на мыслильню поскорей вскарабкайся,
И крышу разбросай, любя хозяина,
И опрокинь стропила на мошенников!
А мне подайте факел пламенеющий!

(*Ксанфий выполняет приказание.*)

Сегодня же заставлю расплатиться их,
За все грехи. Заплатят, хоть и жулики!

(Лезет на крышу с факелом.)

Ученик

(*высовывается из окна*)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад

(*на крыше*)

Пылай, мой факел! Жги горючим пламенем!

Ученик

Что делаешь, старик?

Стрепсиад

Как что? Я с крышею
Мыслильни вашей тонкий диалог веду.

Второй ученик

(*изнутри*)

Ай-ай! Кто дом наш поджигает? Горе нам!

Стрепсиад

Тот самый, у кого накидку выкрали!

Второй ученик

Погубишь нас! Погубишь!

Стрепсиад

Это — цель моя.
Пусть не обманет лишь топор надежд моих
И сам не упаду я, шею вывихнув.

Сократ

(*высовываясь из окна*)

Голубчик, стой! На крыше что ты делаешь?

Стрепсиад

Парю в пространствах, мысля о судьбе светил.

Сократ

О, горе, мне, беда мне! Задыхаюсь я.

Второй ученик

(*в доме*)

И мне несчастье! Жарюсь, как на вертеле!

Стрепсиад

Зачем восстали на богов кощунственно?
Как смели за луною вы присматривать?

(*Спускается с крыши.*)

(*Слуге*)

Коли, руби, преследуй! Много есть причин,
А главное, они богов бесчестили!

(*Дом рушится.*)

Хор

Уходите отсюда скорее! Наш хор
Поработал сегодня на славу.

(*Хор и актеры покидают орхестру.*)

(*Пер. под редакцией С. Апта.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Комедия была поставлена в 423 г. до н. э., заняла на состязаниях последнее место. Позднее была частично переделана. Главный герой комедии, философ Сократ, имеет мало общего с историческим Сократом. Это — собирательный комедийный образ философа-софиста. Однако комедия сыграла роковую роль в процессе против Сократа, дав «материал» для обвинения его в неуважении к богам государства, введении новых богов и т. п. [2] *Мина* — денежная единица в Афинах (1200 драхм). [3] *Фидиппид* — в составе этого имени два корня — «гиппос» — лошадь и «фидо» — берегу. [4] У исторического Сократа не было никакой «мыслильни», он не брал денег за обучение и не занимался естественнонаучными и филологическими проблемами (филологическая наука разрабатывалась софистами). [5] *Хэрефонт* — ученик Сократа. [6] *Леогор* — богатый афинянин. [7] *Кикинна* — аттический дем. [8] *Сфет* — аттический дем. [9] *Эвбея* — остров у побережья Аттики. За попытку выйти из Афинского морского союза подвергся в 445 г. репрессиям со стороны Перикла. [10] *Византий* — греческая колония на побережье Боспора. [11] *Несказанные таинства* — элевсинские мистерии в честь Дементры и Персефоны (г. Элевсин близ Афин). [12] *Бромий* — т. е. *Дионис*. [13] *Парнеф* — *Парнес* — гора на севере

Аттики. [14] *Ксенофант* — отец поэта Иеронима, о котором идет здесь речь. [15] *Продик* — известный софист V в. до н. э. [16] *Суний* — юго-восточный мыс Аттики. [17] *Диасии* — праздник в Афинах в честь Зевса. [18] *Клеон* — влиятельный политический деятель Афин, вождь радикальной демократии после смерти Перикла, неоднократно подвергался критике со стороны Аристофана, особенно острой в комедии «Всадники», где он изображен в образе раба-пафлагонца. [19] *Гипербол* — политический деятель, сторонник Клеона. [20] *Эвполид, Фриних, Гермипп* — комические поэты, современники Аристофана. [21] *Пафлагонец* — раб, главный персонаж комедии Аристофана «Всадники», в образе которого Аристофан высмеял Клеона. [22] Лунное затмение 425 г. и солнечное 424 г., когда Клеон был избран стратегом. [23] *Кинф* — гора на о. Делосе. [24] *Эфес* — город в М. Азии, где был знаменитый храм Артемиды. [25] Имеется в виду реформа календаря, проведенная в Афинах. [26] Перечисляются мужские имена, склоняющиеся по 1-му склонению, к которому принадлежат в основном имена женского рода. [27] *Фессалия*, область северной Греции, считалась страной колдунов и волшебников. [28] Сократ был коренным афинянином. Здесь он смешивается с Диагором Мелосским, философом-атеистом V в. до н. э. [29] *Панделет* — некий афинский доносчик. [30] *Фринид* — музыкант времен греко-персидских войн. [31] *Диполии* — древний земледельческий праздник, называвшийся также Буфонии. [32] Старинная золотая пряжка для волос, употребляемая в древности в Афинах. [33] *Кикид (Кидид)* — древний лирический поэт. [34] *Гиппократ* — племянник Перикла. [35] *Академия* — роща в Афинах, посвященная герою Академу. [36] *Антимах* — некий афинянин, представляемый как развратник. [37] *Геракловы воды* — горячий источник в Фермопилах. [38] *Пелей*, сын Эака, отец Ахилла (см. словарь), участвуя в Калидонской охоте, случайно убил своего тестя Еврита и вынужден был переселиться в Иол к царю Акасту. Жена Акаста влюбилась в Пелея, но была отвергнута им (скромный нрав Пелея). Тогда она оклеветала его перед мужем (ср. миф о Федре и Ипполите) и Акаст, чтобы отомстить Пелею, оставляет его в горах, заснувшего от усталости во время охоты. Он похищает у Пелея меч, надеясь, что юношу убьют кентавры. Но боги спасают Пелея, послав к нему на помощь Гермеса, вручившего ему меч («меч достался»), с помощью которого П. победил кентавров. [39] *Каркин* — современный Аристофану трагический поэт. [40] *Тлеполем* — участник Троянской войны, герой трагедии Ксенокла, сына Каркина. [41] *Симонид (Кеосский)* — лирический поэт VI—V вв. до н. э.

ЛИСИСТРАТА[1]

Действующие лица:

Лисистрата.
Клеоника, Миррина } афинянки.
Лампито, спартанка.
Хор стариков афинян.
Хор афинских женщин.
Пробул, член чрезвычайной коллегии.
Женщины.
Кинесий, муж Миррины.
Мальчик.
Спартанский посол.

Притан, член Совета пятисот.
Афинянин.
Лаконец.
Лица без слов: беотянка, коринфянка, служанки, стражники, раб Кинесия.

Пролог

На орхестре два дома — Лисистраты и Клеоники. Вдали виден Акрополь.

Лисистрата

(*в тревоге ходит перед своим домом*)

На праздник Вакха если их позвать,
Иль Пана, Колиады, Генетиллы[2],
То не пройти от грохота тимпанов[3].
Теперь нет женщины здесь ни одной,
Соседка лишь моя сюда выходит.

Выходит Клеоника.

А, здравствуй, Клеоника!

Клеоника

Лисистрата,
Чем ты расстроена? Не гневайся, дитя!
Верь, не к лицу тебе так хмурить брови.

Лисистрата

Но, Клеоника, я душой горю,
За нас, за женщин, в сердце огорчаясь;
Ведь нас мужчины хитрыми зовут
Злодейками...

Клеоника

И, видит Зевс, недаром!

Лисистрата

А было им приказано сойтись
На совещание о важном деле,
Так спят и не идут...

Клеоника

Но, милый друг,
Придут еще: уйти из дома трудно.
Одна из нас хлопочет с муженьком,

Раба другая будит, та дитя
Укладывает, моет или кормит.

Лисистрата

Но поважней иные есть дела
У них...

Клеоника

А что за дело, Лисистрата,
Нас, женщин, собираешь здесь зачем?
Какой вопрос?

Лисистрата

Большущий!

Клеоника

Ну, и толстый?

Лисистрата

Свидетель Зевс, и толстый!

Клеоника

Так придут!

Лисистрата

Не то, не то: тогда бы все сбежались!
Но я другое дело вам нашла,
Обдумала бессонными ночами.

Клеоника

И тонок, знать, обдуманный вопрос?

Лисистрата

О, тонок так, что для Эллады всей
Спасение в руках у нас, у женщин.

Клеоника

В руках у женщин? Строишь на песке!

Лисистрата

У нас в руках все города дела,
А то не быть живым пелопоннесцам...

Клеоника

И лучше б им не быть, свидетель Зевс!

Лисистрата

И беотийцам всем вконец погибнуть.

Клеоника

О нет, не всем: угрей хоть нам оставь[4]!

Лисистрата

А об Афинах не скажу ни слова
В подобном духе, понимай сама!
Когда ж сойдутся женщины сюда
Беотии. Пелопоннеса, все мы
Спасем тогда Элладу сообща.

Клеоника

Что умного сумеют сделать жены?
Ведь мы всегда, накрасившись, сидим
И в пурпуре и в украшеньях разных,
В сандалиях и кимврских одеяньях.

Лисистрата

Вот это нас, надеюсь, и спасет,
Пурпурные одежды, запах мирры,
Помада и прозрачные хитоны.

Клеоника

Как это так?

Лисистрата

Да так, что ни один
Копья мужчина не поднимет больше.

Клеоника

Клянусь богиней, в пурпур наряжусь!

Лисистрата

Щита не тронет...

Клеоника

В кисею оденусь!

Лисистрата

Оставит меч...

Клеоника

Сандалий накуплю!

Лисистрата

Так не должны ли женщины собраться?

Клеоника

Свидетель Зевс, примчаться бы должны!

Лисистрата

Увы, мой друг, афинянки они:
Их правило — все делать с опозданьем.
Ни с Побережья не пришел никто,
Ни с Саламина...

Клеоника

Но они, я знаю,
По челноку загнали на заре.

Лисистрата

И те, кого ждала я и гадала
Здесь первыми увидеть, ахарнянки,[5]
Все не идут.

Клеоника

Супруга Феогена,
Сбираясь к нам, советовалась... с чашей.
Вот кое-кто уж и подходит к нам.

Лисистрата

А там спешат другие.

Клеоника

Кто вы? Эй!
Откуда путь?

Лисистрата

Из Смрадова[6].

Клеоника

О Зевс!
Гляди-ка, Смрадов весь поднялся разом.

Входит Миррина.

Миррина

А мы не опоздали, Лисистрата?
Ты что молчишь?

Лисистрата

Не хорошо, что ты
Пришла столь поздно для такого дела!

Миррина

Едва впотьмах я поясок сыскала.
Но в чем же дело? Говори скорей!

Клеоника

Нет, видит Зевс, мы подождем еще:
От беотийцев и пелопоннесцев
Сойдутся жены.

Лисистрата

Верно говоришь!
А вот и Лампито как раз подходит.

Входит Лампито в сопровождении двух девушек — одна из Беотии, другая из Коринфа.

Прелестный друг, лаконка Лампито!
Какой красой, голубка, ты блистаешь!
Как расцвела, как крепок полный стан,
Быка задавишь!

Лампито

Видят боги, смело
Я упражняюсь в беге и прыжках.

Клеоника

И что за груди, право, просто чудо!

Лампито

Как жертву, стали щупать все меня.

Лисистрата

А эта, молодая, кто? Откуда?

Лампито

Посланницей Беотии она
Приходит к вам.

Лисистрата

Беотянка, ей-ей же,
И у тебя долинка — диво!

Клеоника

Зевс!
И заросли изысканно побриты.

Лисистрата

А та, другая?

Лампито

Добрая девчонка.
Коринфянка.

Клеоника

Да, видит Зевс, добра.
А кто она, и тут и там заметно.
(*Вертит ее.*)

Лампито

Но кто, скажи, всех этих женщин здесь
Решил собрать?

Лисистрата

Я!

Лампито

Говори же нам,
Чего ты хочешь?

Клеоника

Да, во имя Зевса,
Открой свои нам важные дела!

Лисистрата

Сейчас скажу, но прежде чем сказать,
Один вопрос задам.

Клеоника

Какой угодно!

Лисистрата

Тоскливо вам с детьми без их отцов,
Ушедших на войну? У вас, я знаю,
У всех мужья в отлучке далеко.

Клеоника

Да, мой-то муж пять месяцев назад
Во Фракию пошел стеречь Эвкрата[7].

Миррина

Мой в Пилосе[8] семь месяцев воюет.

Лампито

А мой, лишь только выйдет из рядов,
Опять хватает щит и исчезает.

Лисистрата

Любовника — и то уж след простыл!
С тех пор как нас милетяне[9] предали,
Жгута я не видала в восемь пядей,
Чтоб кожаной он помощью нам был.
Хотите ли, коль средство я найду,
С войной покончить этой?

Клеоника

О богини!
Готова я, хотя пришлось бы платье
Мне заложить и в тот же день пропить.

Миррина

И я готова, словно камбалу,
Себя разрезать дать на половинки.

Лампито

А я и на Тайгет подняться рада,
Когда бы там могла увидеть мир.

Лисистрата

Скажу теперь, довольно мне таиться:
Нам надо, жены, если мы хотим
Мужей заставить вечный мир хранить,
Сдержаться...

Клеоника

От чего?

Лисистрата

А согласитесь?

Клеоника

Все сделаем, хоть умереть сейчас!

Лисистрата

Нам воздержаться надо лишь от ложа.
Что ж отвернулись вы? Куда бежите?

Что молча головой трясете так?
Все бледные, зачем вы льете слезы?
Согласны вы? Я спрашиваю вас!

Клеоника

Нет, никогда! Пускай себе воюют!

Миррина

И я за то! Пускай идет война!

Лисистрата

(*Миррине*)

Ты камбала, так говоришь. Давно ли
Себя разрезать предлагала ты?

Клеоника

Все, все, что хочешь! Если надо, в пламя
Готова я, но лишь не ложе, нет!
Нет лучшего, о Лисистрата, в жизни!

Лисистрата

(*Миррине, настойчиво*)

А ты?

Миррина

И я готова хоть в огонь!

Лисистрата

Как сладострастен весь наш женский род!
Трагедии от нас пошли недаром!
Ведь мы — ничто, как Посидон да лодка[10]!
Но, милая лаконка, если ты
Одна со мной, мы выиграем дело.
Ну, по рукам?

Лампито

Как трудно, видит Зевс,
Спать женщине без мужа одиноко!
Но надо так: ведь мир необходим.

Лисистрата

Лишь ты достойна женщиною быть!

Клеоника

Но, если воздержаться, как ты хочешь —
Не дай то Зевс! — скорее ли тогда
Настанет мир?

Лисистрата

Скорее, видят боги!
Когда, подкрасясь, будем мы сидеть
Иль, облачась в прозрачные хитоны,
Пройдем нагие, с дельтою подбритой —
Пускай горят желанием мужья,
А мы им скажем: руки прочь! Ни шагу!
Пожалуй, мир немедля заключат.

Лампито

Так Менелай, нагой Елены грудь
Увидев, меч свой выронил, я знаю.

Клеоника

А если бросят нас мужья, дружок?

Лисистрата

Тогда собаку вспомни Ферекрата[11].

Клеоника

Да пустяки весь этот лживый мим!
А если в спальню силой, ухватив,
Потащат нас?

Лисистрата

Тогда держись за двери!

Клеоника

А поколотят?

Лисистрата

Нехотя давай!
Нет в этом наслажденья при насилье.
Их надо злить, они тогда устанут,
Отступятся! Не насладится муж,
Когда жене не любо наслажденье.

Клеоника

Согласны мы, и с вами заодно!

Лампито

Но если мы своих мужей заставим
На совесть, без коварства мир хранить,
Афинскую безумную толпу,
Кто убедит не пустословить снова?

Лисистрата

Но мы своих бесспорно убедим!

Лампито

Ох нет, пока триеры есть у вас
И серебра запасы у богини.

Лисистрата

Обдумано и это у меня:
Захватим мы Акрополь наш сегодня.
Приказано старухам сделать так:
Пока мы здесь беседуем, Акрополь
Занять под видом совершенья жертв.

Лампито

Ну, если так, то все пойдет на лад.

Лисистрата

Так почему немедля, Лампито,
Нам не поклясться нерушимой клятвой?

Лампито

Произноси же клятву, присягнем.

Лисистрата

Прекрасно! Что же зазевалась, скифянка?[12]
Клади-ка щит сюда, пусть кто-нибудь
Подаст мне жертву.

Клеоника

Только, Лисистрата,
Какою клятвой клясться нам?

Лисистрата

Какой?
На щит, как говорится у Эсхила,
Заклав овцу...

Клеоника

Нет, Лисистрата, нет.
Не надо клясться над щитом о мире.

Лисистрата

Но как же присягать? А если лошадь
Взять белую и в жертву принести?

Клеоника

Как, лошадь белую?

Лисистрата

Но как же клясться нам?

Клеоника

Ну, если хочешь, я тебе скажу:
Поставим чашу черную, большую;
Заклав кувшин фасосского вина,
Не доливать водой клянемся чашу.

Лампито

О Зевс, нет слов ту клятву похвалить!

Лисистрата

Пускай несут сюда кувшин и чашу!

Служанки вносят необходимые для жертвоприношения предметы.

Клеоника

Голубушки мои, вот это чан!
Испив его развеселишься разом!

Лисистрата

Поставь его! Дай кабана сюда!
Пейфо, царица, чашу дружбы ты
Прими от женщин в жертву благосклонно.

(*Открывает кувшин с вином.*)

Клеоника

Как кровь оно и весело течет.

Лампито

А как приятно пахнет, видит Кастор!

Клеоника

Позвольте первой мне принять присягу!

Лисистрата

Клянусь Кипридой, жребий все решит.
Все прикоснитесь к чаше, Лампито.

(*Клеонике*)

Ты повторяй одна за всех присягу,
А вы клянитесь в подтвержденье слов!
«Не подпущу любовника, ни мужа...»

Клеоника

«Не подпущу любовника, ни мужа...»

Лисистрата

«Кто с вожделеньем подойдет...» Молчишь?

Клеоника

«Кто с вожделеньем подойдет...» О Зевс!
Мои колени гнутся, Лисистрата.

Лисистрата

«Я стану дома чистой жизнью жить...»

Клеоника

«Я стану дома чистой жизнью жить...»

Лисистрата

«В пурпурном платье, нарумянив щеки...»

Клеоника

«В пурпурном платье, нарумянив щеки...»

Лисистрата

«Чтоб загорелся страстью муж ко мне...»

Клеоника

«Чтоб загорелся страстью муж ко мне...»

Лисистрата

«Но я ему не дамся добровольно...»

Клеоника

«Но я ему не дамся добровольно...»

Лисистрата

«А если силой вынудит меня...»,

Клеоника

«А если силой вынудит меня...»

Лисистрата

«Дам нехотя, без всякого движенья...»

Клеоника

«Дам нехотя, без всякого движенья...»

Лисистрата

«Не подниму я ног до потолка...»

Клеоника

«Не подниму я ног до потолка...»

Лисистрата

«Не встану львицею на четвереньки...»

Клеоника

«Не встану львицею на четвереньки...»

Лисистрата

«И в подтвержденье пью из чаши я...»

Клеоника

«И в подтвержденье пью из чаши я...»

Лисистрата

«А если лгу, водой наполнись, чаша!»

Клеоника

«А если лгу, водой наполнись, чаша!»

Лисистрата

Вы все клянетесь в этом?

Все

Видит Зевс!

Лисистрата

Так пью из чаши!

Клеоника

Не до дна, родная!
Оставь и нам от жертвы нашу часть.
(*Берет чашу.*)

За сценой слышен шум и крики.

Лампито

Что там за вопль?

Лисистрата

Я говорила вам:
Акрополем старухи овладели
И держат. Поскорее, Лампито,
Ступай вперед и все устрой как надо.

(*Указывает на беотянку и коринфянку.*)
А их оставь заложницами здесь!

Лампито уходит.

Мы ж с теми, кто в Акрополе засел,
Все вместе на засов запрем ворота.

Клеоника

Ты думаешь, мужчины не пойдут
Сейчас на нас?

Лисистрата

А мне какое дело!
Ведь вовсе нет у них угроз таких
И пламени, чтоб отомкнуть ворота
Без тех условий, как сказали мы.

Клеоника

Клянусь Кипридой, никогда! Иначе
Трусихами нас злыми назовут!

(*Уходят.*)

Декорация меняется. На орхестре — Пропилеи, ворота афинского Акрополя. По его крутому склону поднимаются старики и афиняне. На плечах у них поленья дров, в руках котелки, в которых тлеет уголь.

Парод

Предводитель хора стариков

Ступай, Дракет, спеши бегом, пускай плечам и трудно
Нести такой тяжелый ствол оливы желтоватой!

Строфа 1

Первое полухорие стариков

Как много необычного бывает в долгой жизни!
Кто мог подумать, Стримодор, тем более услышать,
Что женщины, которых мы
Кормили в доме, лютых змей,

Возьмут святыню старую,
Акрополь мой возьмут родной
И накрепко засовами
Замкнут нам Пропилеи.

Предводитель стариков

Но поспешим скорее мы к Акрополю, Филургий,
Чтоб, обложив со всех сторон колодками и пнями,
Один костер нагромоздив, своими сжечь руками
Всех тех, кто в заговор вступил и дело злое сделал,
Всех жен решением одним, и первую — Ликона[13].

Антистрофа 1

Второе полухорие стариков

Клянусь Деметрою, пока я жив, им не смеяться!
Ведь даже Клеомен[14], когда Акрополь первым взял он,
Не избежал урона он,
Но, спесью весь спартанской полн,
Бежал, оружье сдавши мне,
В своем плаще коротеньком,
Небритый, грязный, трепаный
И много лет не мытый.

Предводитель стариков

Так я жестоко осадил отважного героя.
В семнадцать стали мы рядов, при воротах ночуя.
А жен, враждебных всем богам и Еврипиду[15] также,
Не смею разве обуздать и наглость их умерить?
Пусть мой тогда уж не стоит трофей в Четверограде![16]

Строфа 2

Первое полухорие

Теперь осталось мне пути
До города лишь этот вот
Высокий склон, куда взобраться надо.
А где же тут взобраться мне,
Да без осла вдобавок?
Эти бревна уж натерли очень сильно плечи мне.
Но все же надо двигаться
И раздувать вам пламя,
Лишь бы только не погасло под конец всего пути.
Фу-фу!
Что за дым!

Антистрофа 2

Второе полухорие

Геракл владыка, грозно как
Дым лезет из горшка
И бешено грызет глаза, собака!
Лемносским[17] этот огонек
Назвать, пожалуй, можно,
А иначе так не грыз бы зубами мне зрачки.
Скорей ступай в Акрополь ты
И помоги богине!
И когда ж, как не сегодня, надо ей помочь, Лахет.
Фу-фу!
Что за дым!

Предводитель стариков

По воле Зевсовой живет и бодрствует то пламя.
Так что же, бревна мы теперь сначала наземь свалим
Да виноградную лозу потом в горшок положим,
Зажжем ее и в ворота тараном крепче грянем.
А если на призывы нам не отомкнут засовов,
Все запалим, чтоб выбить жен, выкуривая дымом.
Так сложим наземь тяжкий груз! Ух, ух и дым же, братцы!
А кто поможет нам теперь — самосский полководец[18]?
Ну вот и перестали вы, дрова, давить мне спину!
Твоя забота, о горшок, раздуть скорее уголь,
Чтоб факел пламенный зажечь и сразу дать мне в руки.
О мать-победа, снизойди и в городе сегодня
Над женами за дерзость их дай нам трофей воздвигнуть!

Стремительно входит хор женщин.

Предводительница хора женщин

Я вижу, кажется, и чад и дым, мои подруги,
Как будто здесь огонь горит. Скорее торопитесь!

Строфа 3

Первое полухорие женщин

Лети же, Никодика, ты
Спасай Калику от огня,
Критиллу обдувай скорей
От надоедливых ветров
И стариков проклятых.

Я одного боюсь, иду не поздно ли на помощь!
Сейчас, наполнивши едва свое ведро в потемках,
Я от источника сюда с большим трудом пробилась
Под стук кувшинов сквозь толпу
Рабынь, рабов клейменных.
К соседкам тороплюсь с ведром,
А им уже грозит огонь,
С водой бегу на помощь.

Антистрофа 3

Второе полухорие женщин

Я слышу, злые старики
Бредут на приступ и дрова
Несут, чтоб баню нам задать.
У них вязанки пуда в три,
А на устах угрозы,
Что надо женщин пламенем испепелить, негодных.
Не дай, богиня, мне вовек горящих видеть женщин,
Но спасших от безумства войн Элладу и сограждан!
Мы, златокудрая, за тем
Твою твердыню взяли.
Тебя зову, союзницей,
Тритогения[19]! Если их
Мужская подожжет рука,
Неси за нами воду!

Предводительница женщин

(*увидев стариков, к женщинам*)

Петь перестаньте. Это что? Зловредные мужчины!
Никто из доблестных людей не сделал бы такое!

Предводитель стариков

Какое дело нам пришлось нежданное увидеть:
Рой женщин движется сюда на помощь осажденным.

Предводительница женщин

Что, испугались? Мало нас, вам кажется, быть может?
Десятитысячной еще не видите вы доли!

Предводитель стариков

О Федрий, неужели мы позволим им глумиться?
Ведь палку эту обломать о них давно пора бы!

Предводительница женщин

Опустим, женщины, и мы на землю ведра, чтобы
Не помешали, если враг на нас поднимет руку!

Предводитель стариков

Когда бы дать им в зубы раз и раза три покрепче,
Как дал Бупалу Гиппонакт[20], язык бы прикусили!

Предводительница женщин

А ну-ка сунься, вздуй меня! Вот и стою, готова...
Вопьюсь в тебя; пожалуй, так не вцепится и сука.

Предводитель стариков

Молчи, не то ударить мне не помешает старость!

Предводительница женщин

Попробуй подойди и тронь лишь пальцем Стратиллиду!

Предводитель стариков

А как пощечин надаю, что сделаешь со мною?

Предводительница женщин

Вцепившись, легкие тебе и все кишки я вырву!

Предводитель стариков

Прав, безусловно, Эврипид, мудрее нет поэта:
На свете твари не найти бесстыдней наших женщин!

Предводительница женщин

Поднимем разом полное ведро воды, Родиппа!

Предводитель стариков

Ты, что ж, богам враждебная, сюда с водой явилась?

Предводительница женщин

А ты-то, гроб, зачем с огнем? Себе костер готовишь?

Предводитель стариков

Нет, чтоб костер нагромоздить и сжечь твоих подружек.

Предводительница женщин

А я, чтоб этот твой костер водой залить своею.

Предводитель стариков

Куда тебе залить костер!

Предводительница женщин

Увидишь сам на деле.

Предводитель стариков

Пожалуй, факелом тебя сейчас согрею этим.

Предводительница женщин

А сколько грязи на тебе, сейчас устрою баню!

Предводитель стариков

Ты баню мне, гнилая тварь?

Предводительница женщин

И брачную при этом!

Предводитель стариков

(*одному из стариков*)

Ты эти дерзости слыхал?

Предводительница женщин

Свободной я родилась!

Предводитель стариков

Тебе я живо рот зажму!

Предводительница женщин

Не быть тебе судьею!

Предводитель стариков

(*хватая котелок с углем*)

Спали ей волосы, спали!

Предводительница женщин

(*обливая водой старика*)

Пролейся, Ахелой мой!

Предводитель стариков

О горе мне!

Предводительница женщин

Что горячо?

Предводитель стариков

Какое там! Оставь, не тронь!

Предводительница женщин

Полью тебя, чтоб вырос!

Предводитель стариков

Уж высох я и весь трясусь!

Предводительница женщин

Так что ж? Огонь с тобою есть, погрейся хорошенько!

Эписодий первый

Входит старик пробул[21]
в сопровождении стрелков-стражников.

Пробул

Знать, буйство женщин жарко разгорелось!
Тимпанов звон, Сабазиевы[22] крики
И по Адонису на кровле плач
Бывали часто слышны из собранья.
Когда велел напрасно Демострат[23]
В Сицилию отплыть, кричали жены:
«Ай, ай, Адонис!» После Демострат
Велел набрать гоплитов[24] на Закинфе,[25]
А те вопили с крыши, опьянев:
«Адониса оплачем!» — и осилил
Всех мерзостный и желчный Холозиг[26].
И вот плоды: от них одно распутство!

Предводитель стариков

Могу их наглость новую назвать.
Нахальные, они сейчас из ведер
Нас облили, и впору одежонку
Нам отряхать, точь-в-точь пустили мы.

Пробул

И поделом, свидетель Посидон!
Когда мы сами вечно портим женщин,
Когда мы сами распускаем их,
Такие вот плоды на свет родятся.
Мы в мастерской, бывало, говорим:
«Эй, ювелир, ты сделал ожерелье.
Когда жена вчера плясала в нем,
То ключик, знаешь, выпал из замочка,
А мне пора отплыть на Саламин.
Найди досуг и вечерком зайди

И ключик ей, смотри, поставь покрепче».
К сапожнику приходит муж другой,
К молодчику уже не с детской страстью:
«Сапожник, у супруги у моей
Под ремешком натерло сильно пальчик,
А пальчик нежный; в полдень забеги
Да ей расширь, чтобы просторней стало!»
Вот почему дошли мы до того,
Что пробул, я, чтобы набрать гребцов
Придя сюда за деньгами сейчас,
Вдруг женами в ворота не допущен.
Пустое дело — ждать.

(*Стрелку*)

Тащи таран,
Чтоб сбить с них спесь и наглость поскорее!

(*Другому стрелку*)

Что ты, болван, зеваешь? Что стоишь?
Тебе бы лишь была харчевня рядом!

(*Стрелкам*)

Подсуньте живо под ворота лом!
Крушите их! А я отсюда сам
Вам помогу.

Из Пропилей выходит Лисистрата.

Лисистрата

Не надо! Не ломайте!
Сама иду я. И к чему тут лом?
Не нужен лом, но очень нужен разум.

Пробул

Поистине злодейка! Где же стражник?
Хватай ее и руки ей крути!

Лисистрата

(*Стрелку*)

Клянуся Артемидой, только тронь!
Хотя ты стражник, все равно заплачешь!

Стрелок отступает.

Пробул

Ты струсил, раб! Хватай ее в охапку!

(*Другому стрелку*)

А ты скорее помоги связать!

Клеоника

(*выходят из Пропилей, стрелку*)

Клянусь Пандросой[27], если только тронешь
Ее хоть пальцем, раздавлю тебя!

Стрелок отступает.

Пробул

Раздавишь, да? Эй ты, другой стрелок,
Скрути за болтовню ее сначала!

Миррина

(*выходя из Пропилей, стрелку*)

Клянусь Светлой девой[28], если ты
Ее коснешься, пластыря запросишь!

Стрелки снова отступают.

Пробул

Да что же это? Взять ее, стрелок,
И я все эти выдумки прикончу!

Лисистрата

Ну, подойди! Клянусь Тавриды девой[29],
Все волосы повыдеру тебе!

Пробул

Несчастный я! Мне и стрелков не хватит!
Но женщинам позорно уступать!
Идем на них, ударим вместе, скифы,
Сомкнув ряды!

Лисистрата

Увидите сейчас,
Что и у нас четыре есть отряда
Вооруженных женщин боевых!

Пробул

Крутите же назад им руки, скифы!

Стражники готовятся к наступлению.

Лисистрата

Соратницы, бегите все сюда,
Торговки семенами, овощами,
И чесноком, и хлебом, и вином,
Тесните их, ломите, не сдавайтесь!
Ругайте их без всякого стыда!

Драка. Женщины побеждают.

Но хватит! Стойте! Не снимать доспехов!

Пробул

Увы, трусливо действовал отряд!

Лисистрата

Ты думал как? Не на рабынь напал!
А женщины — тебе ли знать о том? —
Пылают гневом.

Пробул

Пыл-то, видит Феб,
У вас большой, когда кабак в соседстве.

Предводитель стариков

Напрасно тратил ты слова, земли афинской пробул.
Зачем, скажи, связался ты с подобными зверями?
Не знаешь ведь, какую нам они задали баню.
Хотя в плащах у стариков и не водилось грязи.

Предводительница женщин

А ты б не поднимал руки на ближнего напрасно.
А поднял, так ходи теперь, милейший, с синяками.
Я скромная, как девушка, сидеть готова смирно,
Не обижая никого. Травинки не задену,
Пока меня не раздразнят, как грозный рой осиный.

Агон

Ода

Хор стариков

Скажи, о Зевс, что делать нам с чудовищами злыми?
Стерпеть я это не могу, скорее же расследуй
С нами эту беду.
Что замыслили жены, у нас захватив

Град Краная царя[30],
Неприступный, великий, скалистый наш град
И священный наш округ.

Предводитель стариков

Верить им не спеши, допроси, чтобы всех их на чистую вывести воду!
Ведь проступок подобный оставить совсем без суда и допроса позорно.

Эпиррема

Пробул

Видит Зевс, я хотел бы у женщин спросить и сначала ответа добиться:
Для чего же Акрополь вы взяли тогда и закрыли засовами входы?

Лисистрата

Чтобы деньги все в целости вам сохранить, чтобы войн из-за них не бывало.

Пробул

Из-за денег мы разве воюем сейчас?

Лисистрата

Все раздоры от денег, бесспорно!
Чтобы было Писандру стащить что-нибудь, как и прочим властям предержащим,
Постоянно они возбуждают вражду. Но пускай что хотят замышляют,
Им теперь этих денег уже не видать, никогда они их не получат.

Пробул

Как ты сделаешь это?

Лисистрата

Вот странный вопрос: будем счет вести денежкам сами.

Пробул

Вы счет деньгам вести?

Лисистрата

Разумеется, что ж ты увидел ужасного в этом?

Разве дома не мы управляем всегда всеми вашими
средствами также?

Пробул

Это дело другое!

Лисистрата

Скажи, почему!

Пробул

Для войны нам нужны эти деньги.

Лисистрата

Но, во-первых, не надо совсем воевать!

Пробул

Ну, а как же спастись нам иначе?

Лисистрата

Мы вас сами спасем.

Пробул

Вы спасете?

Лисистрата

Ну да!

Пробул

Что ужаснее можно придумать?!.

Лисистрата

Да, ты будешь спасен, хоть не хочешь того.

Пробул

Это ужас!

Лисистрата

Сердись, не сердися!
Это надо и сделано будет.

Пробул

Клянусь я Деметрою, несправедливо!

Лисистрата

Мы должны вас спасти!

Пробул

Хоть не просят у вас?

Лисистрата

Потому и должны еще больше.

Пробул

Но чего это ради заботитесь вы о войне и о мире прилежно?

Лисистрата

Мы вам все объясним.

Пробул

Говори же скорей, чтоб реветь не пришлось!

Лисистрата

Ну так, слушай!
Только воли, смотри, ты рукам не давай.

Пробул

Не могу я, не в силах сдержаться.
Очень трудно их в гневе таком обуздать.

Клеоника

Но тогда еще пуще заплачешь!

Пробул

(*Клеонике*)

На себя же накаркаешь, старая!

(*Лисистрате*)

Ты, говори мне скорей!

Лисистрата

И скажу я.
Мы в минувшие годы, в начале войны, все терпели и все выносили
Лишь по скромности женской всегдашней, чего б на войне ни творили мужчины.
Вы нам слова сказать не давали порой, хоть не все у вас делалось ладно.
Но за вами следили внимательно мы. Правда, чаще мы дома сидели,
Но слыхали, как вы и по важным делам принимали решенья плохие,

И тогда мы, бывало, душою скорбя, вас расспрашивать
станем с улыбкой:
«Что решили про мир и союз записать вы на каменных
досках сегодня
На собранье народном?» Но муж отвечал: «А тебе-то какое
тут дело?
Помолчи-ка пока!» И смолкала я тут.

Клеоника

Но уж я-то молчать бы не стала!

Пробул

А не стала б молчать, так реветь бы пришлось!

Лисистрата

Потому и молчала я дома.
А немного спустя и похуже еще я, услышав решение ваше,
Попыталась спросить: «Почему, муженек, так бессмысленно
вы порешили?..»
Исподлобья взглянув, он тогда отвечал: «Если ты не
возьмешься за пряжу,
То заплачешь по бедной своей голове, а война — это
дело мужское».

Пробул

Зевс свидетель, и правильно он говорил!

Лисистрата

Разве правильно это, несчастный,
Если ваших решений худых не могли мы хорошим советом
исправить?
А когда мы на улицах этих от вас услыхали открыто такое:
«Где мужи настоящие нашей земли?» — «Их уж нет», —
отвечали другие.
После этого мы порешили идти сообща на спасенье Эллады,
Все мы, женщины вместе собрались, и ждать дальше было
уже невозможно.
Если ж вы пожелаете добрый совет наш сегодня послушать
спокойно
И молчать, как молчали, бывало, и мы, может быть, вас
исправить успеем!

Пробул

Нас исправить? О ужас, что ты говоришь! Нестерпимо мне
слушать.

Лисистрата

Молчи же!

Пробул

Пред тобою, проклятая, мне замолчать, пред тобою, носящей повязку
На своей голове? Да уж лучше не жить!

Лисистрата

Если это тебе помешало,
Тогда ты повязку прими от меня
И вокруг головы ты ее повяжи,
Потом замолчи.

Клеоника

И корзинку эту ты с пряжей возьми.
И пряди-ка себе, подпоясавши стан
И бобы грызя,
О войне ж позаботятся жены!

Предводительница женщин

Эй, уберите ведра вы, союзницы, с дороги,
И мы хотим по мере сил помочь своим подружкам!

Антода

Хор женщин

Не помню, чтоб когда-нибудь я в пляске уставала,
Еще ни разу этот труд моих колен не мучил!
Я готова на все,
Ради доблести с теми пойти, у кого
Есть характер, краса,
Есть и смелость, и мудрость, и доблесть и честь
Патриоток высоких!

Предводительница женщин

О храбрейшая духом из кумушек всех, чей язык жжет больнее крапивы,
Будь отважной в бою, не сдавайся врагам и с попутным отчаливай ветром!

Антэпиррема

Лисистрата

А когда услаждающий сердце Эрот и богиня, рожденная Кипром,

К нам желание в сердце мужей возбудит и в их бедрах
блаженную негу,
А затем напряженье дарует мужам и к объятьям они
устремятся,
Я надеюсь, тогда Лисимахами[31] нас назовут по заслугам
в Элладе.

Пробул

Что хотите вы сделать?

Лисистрата

Хотим помешать вам таскаться с оружьем по рынку:
Вид дурацкий у вас.

Клеоника

С ней согласна и я. В том клянусь Афродитой
Пафийской!

Лисистрата

А сейчас-то они и в горшечном ряду и в ряду зеленном
постоянно
По базару гуляют, оружьем гремя; поглядишь — корибанты
и только.

Пробул

Так и следует воинам, Зевсом клянусь!

Лисистрата

Но ведь это насмешки достойно,
Если щит он волочит с Горгоной на нем и себе покупает
селедку.

Клеоника

Это так, видит Зевс. На коне я вчера командира отряда
видала,
В свой железный шелом он яиц наложил, накупив у старухи
торговки,
А другой-то, фракиец, точь-в-точь как Тирей, потрясая
копьем и колчаном,
Устрашая торговку обличьем своим, пожирает созревшие
смоквы.

Пробул

Ну, а как же сумеете вы прекратить беспорядки в делах
и волненье,
Их совсем уничтожить на нашей земле?

Лисистрата

Без усилий!

Пробул

А как же? Скажи мне!

Лисистрата

Точно так же, как спутанной пряжи моток мы вот так забираем рукою
И на прялку его навиваем вот так, одну нитку к себе, а другую
От себя, — так и всю мы войну разовьем, если только позволят нам это,
Отправляя послов, чтоб распутать, дела, и посольства к себе принимая.

Пробул

Как же шерстью своей, да и прялкой еще, и клубками ужасное дело
Разрешить полагаете, глупые, вы?

Лисистрата

Да у вас, если был бы умишко,
Как у шерсти у нашей, то вы бы тогда все дела городские решали.

Пробул

Как же так? Укажи!

Лисистрата

Надо только сперва так, как шерсть отмывают в корытах,
Весь наш город очистить, повыбросив дрянь, а потом уже взять, на кровати
Выбить палкой последнюю грязь до конца, да и плевелы начисто выбрать, —
Все собрания эти и спорщиков всех, кто друг с другом сцепиться готовы,
И стремящихся к власти, — их вытолкать вон, да еще им и головы срезать.
И в корзину потом лишь одно отбирать — драгоценную крепкую дружбу,
Прибавляя туда и метеков[32] и всех чужестранцев, кто друг горожанам.

Если есть у кого-нибудь общине долг, — и таких добавлять понемногу.
Да, и Зевсом клянусь, также те города, где колонии мы основали,
Тоже надо принять; могут нам послужить они верной и прочной основой.
Каждый сам по себе. А затем уж от них мы протянем надежные нити,
Их, сюда воедино сведя, соберем и навьем на единую прялку,
И в огромный клубок, из которого ткать мы афинянам станем одежду.

Пробул

Не позор ли, что судите вы о делах наподобие шерсти и пряжи,
Да и в войнах совсем не участники вы!

Лисистрата

Ошибаешься ты, ненавистный,
От войны мы страдаем гораздо сильней: мы, во-первых, как матери терпим,
Посылая сражаться гоплитов-детей...

Пробул

Замолчи и худого не помни!

Лисистрата

И зачем, когда нам веселиться пора, наслаждаяся юностью милой,
Из-за войн мы всегда одинокими спим. Но о наших страданьях довольно,
Я за девушек больше болею душой, что в покоях стареют тоскливо.

Пробул

А мужчины, скажи не стареют совсем?

Лисистрата

Зевс свидетель, не то — ваша старость!
Ведь мужчина вернется седым стариком, а невесту берет молодую,
А у женщины краток отрадный расцвет, и когда ты его не захватишь,
Не захочет никто и посватать ее, и сидит она, тщетно надеясь.

Пробул

А если мужчина в силе еще?

Лисистрата

А ты почему не спешишь умереть?
Места хватит в земле, купи себе гроб!
Лепешку тебе испеку на меду.
Возьми, увенчайся вот этим!

Клеоника

И ленты, почтенный, прими от меня!

Миррина

И вот этот возьми скорее венок!

Лисистрата

Чего еще ждешь? В лодку садись!
Харон уж зовет,
А ты еще медлишь с отплытьем.

(*Напяливают на пробула венок и обматывают его лентами.*)

Пробул

Не ужас ли, что пострадал я этак?
Клянусь Зевсом, что в Совет сейчас
Отправлюсь сам и покажусь немедля.

(*Уходит.*)

Лисистрата

(*вслед ему*)

Ты нас винишь: не вынесли тебя?
На третий день к тебе на зорьке рано
Отправим мы готовый катафалк.

(*Лисистрата, Клеоника и Миррина уходят.*)

Парабаса

Ода I

Предводитель стариков

Спать — не время тем сегодня, кто свободой дорожит,
Ополчимся, горожане, и за дело поскорей!

Хор стариков

Видно, это пахнет очень
Важным делом и серьезным,
Я предчувствую, пожалуй, тиранию Гиппия[33].
Я тревожусь, не лаконцы ль это подошли сюда
Заодно с Клисфеном вместе, и они, как сговорясь,
Женщин, всем богам враждебных, подстрекают к хитростям —
Захватить все деньги наши, все имущество забрать.

Эпиррема I

Предводитель стариков

Ужас! Ведь они дерзают поучать и горожан,
И болтают эти жены все о бронзовых щитах,
И афинян заставляют мир со Спартой заключить —
На нее надежды плохи, так же как, на волчью пасть.
Это женщины готовят тиранию нам опять!
Но тиранов над собою не стерплю, остерегусь
И носить свой меч я стану, мирта веткою обвив.
Возле Аристогитона[34], до зубов вооружен,
Я тогда поставлен буду, и случиться может так,
Что старухе выбью зубы, этому врагу богов!

Антода I

Предводительница женщин

Ну, когда домой вернешься, — не узнает сына мать.
Что ж, подруженьки-старушки, сбросим прочь одежды мы!

Хор женщин

К вам, сограждане, направим
Речь, полезную Афинам.
Так и следует: в достатке воспитали нас они.
Я семи годов ходила арефорою[35] уже,
В десять лет муку молола я богине-госпоже,
И медведицей в Бравроне одевалась в пурпур я[36],
Стала девушкой красивой и в корзине понесла
Много смокв[37].

Антэпиррема I

Предводительница женщин

Не должна ли я полезный городу подать совет?
Пусть я женщиной родилась, не вините в том меня,

Ведь и я свой вклад достойный в дело общее вношу,
Самый лучший, самый ценный — я детей рожаю вам.
Ваш-то вклад каков, скажите? Отвечайте, старики!
Где он? Дедов клад мидийский[38] вы растратили вконец,
Ну, а сами в возмещенье ни копейки не внесли.
Да к тому же есть опасность и погибнуть всем от вас.
Вам помалкивать бы надо! Если тронешь ты меня,
Я тогда котурном[39] грубым твою челюсть расшибу.

Ода II

Хор стариков

Разве это не великая обида?
И пойдет, пожалуй, дальше дело
Но должны мы отбиваться все, в ком только сила есть.
Ну-ка сбросим с плеч одежду, потому что должен муж
И припахивать мужчиной, а не кутаться тепло!
Кто к Лепсидрию[40] явился,
Босоногие, спешите!
Вам сегодня снова надо, окрылясь, помолодеть
Телом всем и прочь отбросить этой старости недуг.

Эпиррема II

Предводитель стариков

Если только им уступку даже маленькую дать,
Ни за что они не бросят надоедливых работ,
Но суда возьмутся строить, попытаются на них
Биться в море против наших, Артемисии[41] вослед;
Обратятся ль к конским играм, — живо всадникам конец;
Ведь они отлично скачут, лихо держатся в седле,
Амазонки, как посмотришь, и с коня не упадут.
Их с мужчинами в сраженье нам Микон[42] изобразил.
Вот что с ними надо сделать: всех немедленно схватить,
Защемить им крепко шеи в расщепленное бревно.

Антода II

Хор женщин

Видят боги, если ты меня рассердишь,
Я свинью спущу, да и заставлю
Нынче всех своих соседок и колоть тебя и бить.
Но и мы, подружки, живо скинем платье с плеч долой,
Чтобы женщиною пахнуть разъяренной до зубов!
Ну-ка, сунься, — не увидишь
Чеснока с бобами больше.

Молви только слово злое, я уж так раздражена,
Что приму тебя, как принял жук родящего орла.

Антэпиррема II

Предводительница женщин

Но о вас не стоит думать, если Лампито жива
И Исмения, фиванка, — славное дитя мое.
У тебя же нет силенки, хоть семь раз ее зови,
Оттого, что ненавистен ты, несчастный, людям всем.
Так вчера, творя Гекате развеселый праздник, я
Сыновьям позвать хотела от соседей девочку,
Разлюбезную подружку, устрицу-беотянку.
Но девчонку не пустили — это все решили вы.
И таких постановлений вы не бросите, пока
Всех вас за ноги не схватят, не швырнут вниз головой.

Эписодий второй

Из Пропилей выходит Лисистрата.

Предводительница женщин

Начальница и дела и решения,
Зачем из дома мрачной вышла ты?

Лисистрата

Поступки женщин, глупый разум их
Заставили меня бродить в печали.

Предводительница женщин

Что ты нам говоришь?

Лисистрата

Правду, правду одну!

Предводительница женщин

Что нам грозит? Скажи своим подругам!

Лисистрата

Сказать позорно, тяжко промолчать!

Предводительница женщин

Так не скрывай, какое зло мы терпим!

Лисистрата

К мужчинам рвемся, коротко сказать.

О, Зевс!

Лисистрата

Что Зевса звать! Ведь вот какое дело:
Я их совсем не в силах удержать.
Скрываются, бегут они толпою.
И вот одну, болтавшую у стен,
Застала я, где Пана грот священный.
Другая вниз спускалась по веревке,
Та прочь бежит, а та, как воробей,
Уже лететь стремглав собралась книзу
В дом Орсилоха; за косы едва
Ее схватила. Ищут все предлога
Бежать домой. Да вот одна идет!
Эй, ты! Куда?

Первая женщина

Домой хочу я сбегать:
Там шерсть лежит милетская, ее
Съесть может моль...

Лисистрата

Да ну, какая моль!
Ступай назад!

Первая женщина

Немедля я вернусь,
Один разок лишь расстелю на ложе.

Лисистрата

Не расстилай и не ходи совсем!

Первая женщина

Так шерсть погибнет?

Лисистрата

Если надо, пусть.

Появляется вторая женщина.

Вторая женщина

О, горе мне, нечищенным прозрачное
Осталось дома платье...

Лисистрата

Вот другая —
За платьицем прозрачным собралась.
Ступай назад!

Вторая женщина

Клянусь я Светлой девой.
Лишь выбью раз и прибегу опять!

Лисистрата

Не выбивай! А то, едва начнешь ты,
Потянутся другие за тобой.

Третья женщина с воплем появляется в воротах.

Третья женщина

О задержи, Илифия, мне[43] роды,
Я место подходящее найду!

Лисистрата

Что ты болтаешь?

Третья женщина

Мне родить пора!

Лисистрата

Вчера тебя беременной не знала.

Третья женщина

Вчера! Пусти сегодня, Лисистрата,
Скорее к повитухе!

Лисистрата

Что за вздор?

(*Ощупывает ее.*)

Что у тебя тут твердое?

Третья женщина

Мальчишка!

Лисистрата

Клянусь Кипридой, нет. А вдруг сосуд
Ты прячешь медный. Я сейчас узнаю

(*Распахивает на ней платье.*)

Негодная, священный это шлем,
А ты: рожать собралась!

Третья женщина

Да, рожать.

Лисистрата

А шлем зачем?

Третья женщина

Застигнуть могут роды
В Акрополе. И вот тогда придется
Мне, как голубке, прямо в шлем рожать.

Лисистрата

Все поняла, оставь свои увертки!
Ты день рожденья шлема не справляй.

Из ворот выходит четвертая женщина.

Третья женщина

Но я и спать в Акрополе не в силах,
Ручную там увидевши змею.

Четвертая женщина

А я от сов, несчастная, страдаю,
От крика их, все ночи до утра.

Лисистрата

Несчастные, оставьте ваши шутки!
Вы по мужьям скучаете. А нам
Без них не тошно? Знаю я, что тяжки
Вам ночи, но воздержимся, друзья,
Потерпим же еще совсем немного:
Ведь есть пророчество, одержим верх
Мы, если не поспорим меж собою.

Третья женщина

Скажи-ка нам пророчество!

Лисистрата

Так тише!
«Если ласточки все слетятся в единое место,
Избегая удодов, воздержатся также от ложа,
Будет невзгодам конец, высокое сделает низким
Зевс, на небе гремящий!..»

Третья женщина

Так сверху мы станем ложиться?

Лисистрата

«Если ж поспорят они и взмахнут, улетая, крылами
Прочь из священного храма, тогда эти ласточки вечно
Будут средь прочих пернатых самой бесстыдною птицей».

Третья женщина

Оракул ясен, видят боги!

Лисистрата

Так,
Печалясь, мы не позабудем дела!
Вернемся же! Позор великий нам,
Когда мы предсказанию изменим!

Строфа 4

Хор стариков

Сказку
Я хочу сказать, какую слышал
Маленьким ребенком,
Вот как.
Меланúон жил молодой и, брака
Не желая, спасся бегством,
И в горах скитался,
И ловил он зайцев,
Им сплетая сети,
Взял собаку-друга.
И назад домой он не бежал во гневе.
Вот как
Не терпел он женщин.
В этом не уступим
Мы Меланиону.

Предводитель стариков

Дай, старушка, чмокну раз!

Предводительница женщин

Чесноком ты провонял!

Предводитель стариков

Разложу, да и того ...

Предводительница женщин

Чересчур уж ты лохмат!

Предводитель стариков

Но ведь так и Миронид[44]
Был косматый и чернозад,
Всем врагам своим на страх,
Как и наш Формион[45].

Антистрофа 4

Хор женщин

Сказкой
Я хочу и вам ответить славной
На Меланиона.
Тимон[46]
Непреклонный жил, и по недоступным
Чащам лик свой укрывал он,
Внук Эриний грозных.
Ну, так этот Тимон
Убежал во гневе,
Насказав проклятий вам, мужчинам мерзким,
Вот как.
Он не мог терпеть вас,
Злых мужчин, вовеки
Женам был он другом.

Предводительница женщин

Хочешь, в зубы дам тебе?

Предводитель стариков

Ой, не надо! Я боюсь!

Предводительница женщин

Ну, тогда ногой пихну.

Предводитель стариков

Ты нам лучше покажи..!

Предводительница женщин

Не увидишь все равно,
Пусть мы старые старухи,
Зарослей лохматых: чисто
Все светильней сожжено.

Эписодий третий

Лисистрата выходит из Акрополя.

Лисистрата (*кричит*)

Эй, женщины, скорее сюда ко мне!

Несколько женщин выходит на ее зов, в их числе Миррина.

Первая женщина

Что там такое? Что за крик поднялся?

Лисистрата

Мужчину вижу; он идет сюда,
Служить вполне готовый Афродите.
Царица Пафа, Кипра и Киферы,
Веди его и впредь таким путем!

Первая женщина

Где он и кто он?

Лисистрата

Там у храма Хлои.[47]

Первая женщина

Да вот он, видит Зевс! Но кто же он?

Лисистрата

Вы знаете его?

Миррина

Клянуся Зевсом,
Я знаю: он — Кинесий, мой супруг.

Лисистрата

Твой будет долг, его, вертя, поджарить:
Притворно и любить и не любить,
Все дать и все ж не дать, согласно клятве.

Миррина

Спокойна будь, устрою!

Лисистрата

Я сама,
Оставшись здесь, его начну дурачить
И проведу, а вы ступайте все!

Женщины уходят. Входит Кинесий в сопровождении раба, который несет маленького мальчика.

Кинесий

О, я, несчастный: что меня за спазмы
Терзают! Пытка, как на колесе!

Лисистрата

Кто здесь стоит близ нашей стражи?

Кинесий

Я!

Лисистрата

Мужчина?

Кинесий

Да!

Лисистрата

Иди-ка прочь отсюда!

Кинесий

Зачем меня ты гонишь? Кто ты?

Лисистрата

Страж.

Кинесий

Молю тебя, мне вызови Миррину!

Лисистрата

Вот, вызови Миррину! Кто ж ты сам?

Кинесий

Я — муж ее, Кинесий, Пеонид.

Лисистрата

А, здравствуй, друг мой! Не бесславно имя
Твое у нас, небезызвестно нам.
Тебя Миррина часто вспоминает,
Яичко или яблоко возьмет,
Кинесию отдать бы, скажет...

Кинесий

Боги!

Лисистрата

Клянусь Кипридой, если ж речь зайдет
О вас, мужчинах, непременно молвит:
«Перед Кинесием другие — гадость!»

Кинесий

Так позови ее!

Лисистрата

А что мне дашь?

Кинесий

Свидетель Зевс, и дам, когда захочешь.

(*Распахивает плащ.*)

Вот все мое, и чем богат, тем рад!

Лисистрата

(*довольная его видом*)

Так я иду позвать ее...

Кинесий

Скорее
Ведь жизнь моя безрадостна совсем.
С тех пор, когда ушла она из дома,
Мне тяжело войти туда; и он
Мне кажется безлюдною пустыней.
Еда не радует, ее одну хочу!

Миррина

(*выходит из Акрополя*)

Люблю, люблю его я, но не хочет
Любимым быть. И не зови меня!

Кинесий

Мирриночка, что ты собралась делать?
Сойди сюда!

Миррина

Во имя Зевса, нет!

Кинесий

На мой призыв, ты не сойдешь, Миррина?

Миррина

Увы, напрасно ты меня зовешь.

Кинесий

Зову напрасно? Я вконец измучен!

Миррина

Я ухожу.

Кинесий

Постой, ребенка хоть
Послушайся! Дитя, зови же маму!

Ребенок

Мамочка, мамочка, мамочка!..

Кинесий

Что чувствуешь? Не жаль тебе дитя,
Немытое, голодное с неделю?

Миррина

Малютку жаль, но шалопай отец
У мальчика!

Кинесий

Сойди скорей к ребенку!

Миррина

Что значит мать! Пойду, а что же делать?

Кинесий

Мне кажется она помолодела,
Милее взор ее прелестный стал.
Пускай ворчит и так со мной сурова, —
Сильнее страсть овладевает мной!

Миррина

О милое дитя отца плохого,
Дай матери поцеловать тебя!

Кинесий

Что делаешь ты, злюка? И других
Злу женщин учишь, а меня терзаешь,
Да и сама грустишь!

(*Хочет ее обнять.*)

Миррина

Прочь руки, прочь!

Кинесий

Имущество все дома без присмотра
Ты бросила...

Миррина

А мне и дела нет!

Кинесий

И дела нет, что куры расклюют
Твое шитье?

Миррина

Свидетель Зевс, нет дела!

Кинесий

И Афродиты таинства забыты
Тобой давно. Вернись ко мне домой!

Миррина

Нет, видит Зевс, пока не помиритесь,
Не кончите войну!

Кинесий

Мы, если хочешь,
Пойдем на это.

Миррина

Если хочешь, так
И я тогда дам клятву возвратиться.

Кинесий

Приляг, давно со мной ведь не была ты!

Миррина

Нет, не могу, но все ж люблю тебя!

Кинесий

Да, любишь? Что, Мирриночка, не ляжешь?

Миррина

Смешной ты! Где? Перед ребенком, здесь?

Кинесий

Нет. Унеси, Манес, домой ребенка!

(*Раб с мальчиком уходит.*)

Ну вот, младенца нет, помехи прочь!
Приляг со мной!

Миррина

Но где же это сделать,
Бедняга, нам?

Кинесий

Удобен Пана грот.

Миррина

А как потом вернусь я чистой в город?

Кинесий

Чудесно, друг, в Клепсидре[48] смоешь грех.

Миррина

Что ж, клятву мне нарушить, нечестивый?

Кинесий

Забудь ее! За все отвечу я!

Миррина

Постой, постельку вынесу.

Кинесий

Не надо:
И на земле чудесно!

Миррина

Видит Феб,
Хоть ты и злой, но на землю не ляжешь!

(*Убегает.*)

Кинесий

Как сильно я женой своей любим!

Миррина

(*выносит постель*)

Ну вот, ложись, а я разденусь. Только
Придется мне цыновку принести.

Кинесий

Цыновку? Нет!

Миррина

Клянуся Артемидой,
Позорно без цыновки!

Кинесий

Поцелуй!

Миррина

Ну, вот!

(*Целует его и убегает.*)

Кинесий

У, сласть! Скорее возвращайся!

Миррина

(*возвращается*)

Цыновка вот! Ложись, а я разденусь.
Постой, еще подушки нет тебе!

Кинесий

Мне не нужна подушка!

Миррина

Мне нужна!

(*Убегает.*)

Кинесий

А нас встречают, как Геракла, здесь!

Миррина
(*возвращается с подушкой*)

Приподнимись! Теперь уж все готово?

Кинесий

Готово все! О золотко, ко мне!

Миррина

Снимаю пояс я. О мире помни:
Смотри, меня не вздумай обмануть!

Кинесий

Пусть пропаду!

Миррина

Ой, одеяла нету!

Кинесий

К чему оно: тебя хочу, тебя!

Миррина

Получишь все, я возвращусь немедля!

(*Убегает*)

Кинесий

Своим тряпьем она меня убьет!

Миррина
(*возвращается*)

Приподнимись!

Кинесий

Уж поднялся, смотри-ка!

Миррина

Тебя натру я маслом!

Кинесий

Не хочу!

Миррина

Клянусь Кипридой, хочешь иль не хочешь!

(*Убегает*)

Кинесий

Пусть разольется это масло, Зевс!

Миррина

(*возвращается с флаконом в руке*)

Дай руку. Вот возьми и надушись!

Кинесий

Не по душе мне масло, видит Феб,
Когда не пахнет свадебкой да спальней!

Миррина

Я, глупая, родосского взяла!

Кинесий

Сойдет оно, родная!

Миррина

Что болтаешь?

(Убегает)

Кинесий

Да сгинет, кто придумал масло это!

Миррина

(возвращается с другим флаконом)

Возьми сосуд!

Кинесий

Есть у меня другой...
Но, дурочка, лежи и не носи мне
Ни капли!

Миррина

Феб свидетель, будет так!
Я раздеваюсь. Но, смотри, голубчик,
Клянись добиться мира!

Кинесий

Да, клянусь!

(Миррина убегает.)

Жена меня измучила, сгубила
И, истерзав, сбежала от меня.
Что же делать мне? Насладиться с кем?
Самой милой я был обманут здесь!
И как мне ребенка теперь прокормить?
Где, скажите, Киналопекс?
Пусть наймет кормилицу!

Предводитель стариков

В ужасных бедствиях горестно ты,
Обманутый ею, страдаешь душой.
Пожалеть тебя всей душой готов!
Какой человек может боль стерпеть!

Печенки какие, какая душа,
Какие бока и сила мужей,
Что напряжена на зорьке,
Но... работы лишена.

Кинесий

О Зевс, ужасные спазмы!

Предводитель стариков

Так вот что сделала нынче с тобой
Разнегодная, распроклятая!

Кинесий

Нет, Зевс свидетель, милая!

Предводитель стариков

Какая там милая? Нет!
Злодейка, злодейка! О Зевс мой!
Когда бы ее, как стебель сухой,
Великим, вихрем, перуном своим,
Подхватив, закружив,
Ты унес высоко и бросил потом,
Пусть бы она помчалась к земле
И внезапно вдруг,
Наскочив на вертел, застряла!

Эписодий четвертый

Входит спартанский посол.

Где герусия[49] славная Афин,
Пританы где? Я сообщу им новость.

Входит притан, член Совета пятисот.

Притан

А кто ты? Человек иль Конисал?[50]

Спартанский посол

Из Спарты я сюда как вестник прибыл
Мир обоюдный с вами заключить.

Притан

Зачем копье ты притащил украдкой?

Спартанский посол

Свидетель Зевс, неправда!

Притан

Не вертись!
Что под плащом скрываешь? Или грыжей
Страдаешь от дороги?

Спартанский посол

Спятил ты,
Свидетель Кастор!

Притан

(*распахивая на нем плащ*)

Ты жениться хочешь!

Спартанский посол

О Зевс, нисколько! Что болтаешь зря?

Притан

А это что с тобой?

Спартанский посол

Лаконский посох.

Притан

Тогда и у меня есть посох ваш.
Но говори мне правду, — все я знаю, —
Как обстоят спартанские дела?

Спартанский посол

Лакедемон восстал и все союзники,
Все поднялись: воронки им подай!

Притан

Откуда к вам пришла беда такая,
От Пана?

Спартанский посол

Нет, сначала Лампито,
Потом другие, в целой Спарте вместе
Все женщины, как будто взбеленясь,
Своих мужей погнали прочь из спальни.

Притан

А что же вы?

Спартанский посол

Беда! По площадям

Мы бродим, сгорбясь, как факелоносцы;
Ведь женщины к их мирту не дают
Притронуться, пока мы не сойдемся —
Во всей Элладе мир установить.

Притан

На это дело всюду сговорились
Все женщины, как понял я теперь.
Ты у себя о мире объяви,
Сюда послов отправьте полномочных,
А от нас Совету предложу
Избрать послов, свой посох показав.

Спартанский посол

Лечу, лечу: ты все сказал отлично!

(*Расходятся в разные стороны.*)

Предводитель стариков

Нет нигде такого зверя, чтобы женщин превзошел;
Ни огонь, ни самка барса так не наглы, как они.

Предводительница женщин

Если ты так утверждаешь, что ж вступаешь в бой со мной?
Ведь вполне ты мог, несчастный, вечным другом стать моим.

Предводитель стариков

Никогда не перестану ненавидеть женщин я.

Предводительница женщин

Да когда угодно можешь! Но сегодня не хочу
Голышом тебя увидеть и смотреть, как ты смешон.
Но постой, тебе рубашку, подойдя, надену я.

(*Женщины помогают старикам надеть рубашки, которые те бросили в пылу спора.*)

Предводитель стариков

Зевс свидетель, вы не худо это все придумали!
Лишь от злости нестерпимой сбросил я тогда ее.

Предводительница женщин

Ты теперь вполне мужчина и к тому же не смешон.
Если б ты меня не гневал, я бы у тебя зверька,
Что засел в глазу, поймала и оттуда извлекла.

Предводитель стариков

Вот он, кто меня измучил, кто меня извел совсем!
Убери его скорее, но сначала покажи!
Видит Зевс, давно кусает он и ест мои глаза.

Предводительница женщин

Так и сделаю сейчас я, хоть и злющий ты старик.
(*Извлекает у него из глаза комара.*)
А теперь ты можешь видеть: вот он, жаливший комар,
Прилетел из Трикорисий[51], или ты не узнаешь?

Предводитель стариков

Зевс свидетель, помогла ты, он давно меня точил,
И теперь, хотя он вынут, слезы катятся ручьем.

Предводительница женщин

Я тебе и слезы вытру, хоть и скверный ты старик,
Расцелую...

Предводитель стариков

Ой, не надо!

Предводительница женщин

Расцелую все равно!

Предводитель стариков

Пусть не будет вам удачи! Все вы, женщины, льстецы.
Справедливо изреченье и не плохо говорят:
«Нет ни с женщинами жизни, ни без них, проклятых, нет».
Но теперь с тобой мирюсь я и уж больше никогда
Вам не сделаю плохого и от вас не потерплю.
Но, собравшись вместе, все мы песню звонкую споем!

(*Хоры стариков и женщин объединяются.*)

Хор

Строфа 5

Не намерены мы вовсе
Ни о ком из граждан, люди,
Слово дерзкое сказать,
Но совсем напротив, будем говорить и делать мы
Лишь приятное: довольно бедствий всяких без того!
Говори любой мужчина, да и женщина скажи:
Если кто деньжонок ищет

Мины две иль три занять,
Много денег
Мы таскаем в кошельках.
А когда настанет мир,
Если кто у нас получит
Ссуду на дом, —
То бери, не отдавай!

Антистрофа 5

Угостить хотим гостей мы
Из Кариста[52] благородных
Образованных людей.
Есть пшено, и поросенка я сегодня заколол,
Вы попробуете мяса: поросенок — первый сорт!
Приходите к нам сегодня, только надо на заре
Это сделать и умыться
И самим и деткам. Что ж,
В дом входите,
Не спросивши никого,
Но ступайте напрямик,
Будто вы к себе идете,
Преспокойно...
Дверь-то будет заперта!

Корифей

А вот и спартанские наши послы бредут и бороды тащат,
Как будто до бедер спустили они плетень поросячьего хлева.

Эписодий пятый

Входят спартанские послы.

Корифей

Желаем вам, лаконяне, здоровья,
Скажите, с чем вы прибыли сюда.

Спартанский посол

Что говорить нам с вами многословно?
Смотрите сами, с чем явились мы.

Корифей

Ой, ой, беда! Как натянулись жилы,
И вам смягчить их будет нелегко!

Спартанский посол

Нет слов сказать! И что слова! Скорее
Откуда хочешь подавай нам мир!

Корифей

И местное, как взглянешь, населенье —
Атлеты сплошь: от животов у них
Оттянуты плащи и всем заметно:
Болезнью атлетической больны.

Входят афинские послы во главе с Пританом.

Притан

Кто может нам сказать, где Лисистрата?
Вы видите, кто мы и каковы!

Корифей

За той болезнью следует другая...
На зорьке, верно, приступы ее?

Притан

Да. И, болея так, мы исстрадались,
Что, если не помирят нас теперь,
Пожалуй, мы отделаем Клисфена.

Корифей

В уме ли вы? Наденьте же плащи,
Чтоб вас гермокопид[53] не заприметил!

Притан

Свидетель Зевс, согласны!

Спартанский посол

Видят боги,
Ты истину сказал. Накинем плащ!

Притан

Лаконцы, ведь могла беда случиться.

Спартанский посол

Да, милый друг, я мог бы пострадать,
Когда б меня столь вздутым увидали.

Притан

Ну, что ж, лаконцы, объявите нам,
Зачем пришли сюда

Спартанский посол

О мире мы
Посольством.

Притан

Так и мы за тем же самым.
Тогда нужна немедля Лисистрата,
Которая одна помирит нас.

Спартанский посол

Скорее позовите Лисистрату!

Притан

Но, кажется, ее не надо звать:
Она сама, услышав, к нам выходит.

Выходит Лисистрата.

Корифей

О, здравствуй, храбрейшая женщина, ты теперь же должна постараться
Стать грозной, и доброй, и смелой, и злой, спокойной, и кроткой, и хитрой.
Из эллинов первые здесь собрались, твоему колдовству уступая,
Все явились, желая тебе поручить наболевшее общее дело.

Лисистрата

И дело будет легким, если только
Стремитесь вы друг к другу, но без войн.
Сейчас увидим. Ну-ка, Примиренье,
Возьми и подводи сперва лаконцев,
Но не тяжелой, грубою рукой,
Не так, как наши делали мужчины,
Но, как прилично женщине, нежней!
А кто руки не даст, веди за посох!
Теперь сюда афинян подводи!
Бери, за что позволят, и веди их!
Лаконцы станьте около меня,
А вы — сюда и слушайте спокойно!
Я — женщина, ума не лишена,
О нем была я неплохого мненья.
У старших и отца училась я
И многое полезное узнала.
А вас я собираюсь отругать

Всех поделом. Ведь из одной вы чаши
Кропите алтари, вы все близки, —
В Олимпии, и в Пилах, и в Пифосе[54], —
И где угодно, если продолжать!
А на глазах у варваров враждебных
Терзаете Эллады города.
Вот первое, что я хочу сказать.

Притан

А я терзаюсь прежнею бедою!

Лисистрата

Теперь, лаконцы, к вам я обращаюсь.
Забыли вы, как Периклид сюда
Пришел и сел, афинян умоляя,
У алтарей, весь бледный и в плаще.
Он войск просил: мессенцы шли на вас[55],
А Посидон поколебал вам землю.
Тогда четыре тысячи гоплитов
Кимоновых спасли Лакедемон[56].
Такую помощь получив в Афинах,
Вы губите спасителей страну!

Притан

Обидчики они, о Лисистрата!

Спартанский посол

Обидчики, но зад, ей-ей, хорош!

Лисистрата

И вас, афинян, тоже отругаю.
Я не забыла, как лаконцы вновь
Явились к вам, невольникам, с оружьем
И, многих фессалийцев перебив —
Союзников и Гиппия друзей, —
Одни, тогда придя на помощь к вам,
Свободу вам вернули, а затем
Плащ гражданина отдали народу.

Спартанский посол

А я не видел женщины пышней!

Притан

А я не видывал прелестней дельты!

Лисистрата

Зачем же, получивши столько благ,
Деретесь, не сдаваясь, в лютой злобе?
И помириться что мешает вам?

Спартанский посол

Согласны мы, но пусть и нам за это
Кружок дадут.

Лисистрата

Какой?

Спартанский посол

Да Пилос наш.
Мы по нему давно уже тоскуем.

Притан

О Посидон! Нет, этому не быть!

Лисистрата

Друг, уступи!

Притан

А где же нам прижать?

Лисистрата

Другое вы взамен просите место!

Притан

Ну, хорошо, отдайте, значит, нам,
Во-первых, Эхинунт, залив Малийский[57],
И ноги там мегарские еще.

Спартанский посол

О Диоскуры! Жаден ты, — не все!

Лисистрата

Оставьте, из-за ног не спорьте больше!

Притан

Раздевшись, целину пахать хочу я.

Спартанский посол

А я навозить поле на заре.

Лисистрата

Когда вы помиритесь, так и будет.
Ну, если решено, посовещайтесь
И, возвратясь, уведомьте Союз.

Притан

Зачем Союз? Мы одного желаем,
Ведь то же и союзники решат:
В постель и все!

Спартанский посол

Союзники мои
Согласны все!

Притан

И каристийцы также!

Лисистрата

Прекрасно! Но придется попоститься!
Пока мы вас, мужчин, не угостим
На славу всем, что наберется в сумках!
Вы клятвы верности друг другу дайте,
А после каждый забирай жену,
И с ней — домой! Итак, быстрей идемте!

Спартанский посол

Куда угодно!

Притан

Поскорей веди!

(Актеры уходят в Пропилеи.)

Строфа б

Первое полухорие

И покровов пестроцветных
И плащей, запястий разных
Золотых, какие есть.
Мне не жалко, не обидно предоставить детям нашим:
Пусть их носят, если дочка канефорою[58] пойдет.
Говорю я всем: берите
У меня из дома вещи.
Нет такой печати, чтобы
Не могли мы вскрыть ее
Распечатать,

Все, что дома есть, забрать,
Но увидеть не удастся
Ничего вам, —
Надо острый взор иметь!

Антистрофа 6

Второе полухорие

Если хлеба вам не хватит,
А у вас семья большая,
Куча маленьких ребят,
Мучку тонкого помола вы берите, если надо,
Да и хлебец с пылу, с жару, превосходный каравай.
Кто из бедных пожелает,
Пусть ко мне с мешком приходит
И корзиной, чтобы хлеба
Получить: уж мой Манес
Всех оделит!
Но, однако, в дверь мою
Лучше вам и не соваться:
Берегитесь,
Как бы пес не укусил!

(Оба полухория располагаются на склоне Акрополя.)

Эксод

Притан

(за сценой)

Эй, отвори же дверь!

(Появляясь в Пропилеях, к хору.)

Вы, прочь с дороги!
Чего уселись? Или мне светильней
Прижечь вас? Неохота драться мне,
Но, если это так необходимо,
В угоду вам готов я пострадать.

Афинянин

(выходит следом за ним)

И мы с тобою все стерпеть готовы.

Притан

(размахивая факелом)

Ступайте прочь! Пусть из дома лаконцы,
Наевшись до отвала, выйдут все!

(Старики и женщины разбегаются.)

Афинянин

Еще не видел я такого пира!
А как приятны были там лаконцы!
Но мы за кубком были всех острей.

Притан

Поистине, мы трезвые — безумцы.
Хотел бы я афинян убедить,
Пускай послами отправляют пьяных.
Теперь же, как приедем в Лакедемон
Мы трезвыми, напутаем безбожно.
Что скажут нам, совсем того не слышим,
А что не скажут, заподозрим все.
Дела одни, а говорим другое.
Теперь же все, как надо; даже если
Про Теламона вместо Клитагора
Затянут, мы готовы похвалить.

(Старики снова сходятся к Пропилеям.)

А эти снова сходятся толпою.
Ступайте прочь, а то побью бичом!

Афинянин

Да сгиньте вы, расходятся уж гости!

Стариков прогоняют. Выходят лаконцы в сопровождении флейтистов.

Лаконец

(флейтисту)

О милый друг, возьми-ка флейту ты,
Чтоб я прошелся в пляске и пропел
Афинянам и нам совместно песню!

Притан

Бери скорее флейту, видят боги!

(Лаконцу)

Пусть вашей пляской насладится взор!

Лаконец

(поет и танцует)

Вдохновляй
Наших бойцов, Мнемосина,
И Музу мою, которая
Помнит нас и афинян
В час, когда при Артемисии[59]
Вместе мы в битву ринулись
К лодкам и мидян разбили
Нас же тогда Леонид вел,
Нас, кабанов диких,
Злобно зубы востривших;
А пот обильно тек по лицу
И по ногам струился.
Было воинов персидских
Как песку у моря.
Ты, Артемида лесная,
К нам снизойди, охотница,
К нашему миру,
Его сохрани на долгие годы!
Ныне
Добрая дружба будь между нами
В крепком союзе,
А от коварства лисьего
Дай уберечься!
О снизойди к нам,
Охотница дева!

Притан

Теперь, когда все хорошо сложилось,
Возьмите жен себе, лаконцы,
Муж оставайся при жене, жена —
При муже, и, на радостях сегодня
Сплясавши в честь богов, остерегись
И в будущем не заблуждайся больше!

Выходит хор афинян в сопровождении афинских и спартанских женщин.

Хор

Хор выводи, пусть им правят Хариты,
И призывай Артемиду,
Ведущего хора, ей родного Иея[60],
А с ними и бога Нисейского[61]:
Вместе с менадами взором вакхическим

Блещет он;
Зевса зови, держащего молнию; вместе с ним
Зевса супругу счастливую.
После богов призывайте в свидетели,
Чтобы навеки запомнили
Мир наш благоразумный,
Кипрской богиней дарованный.
Радуйтесь, радуйтесь! Слава вам!
Ноги высоко подкинем все,
Как победители! Слава!
Эвай, эвой, эвай, эвой!

Притан

О новом новую запой, лаконец, песню!

Лаконец

(поет)

Милый и родной Тайгет покидая,
Муза лаконская, к нам снизойди прославить
Бога-красавца в Амиклах[62],
В медном чертоге Афину,
И Тиндаридов[63] могучих,
У брега Эврота играющих!
И бодро, смело,
Легко ступай ногою,
Славя Спарту гимном!
А Спарте Зевса хоры
И топот и пляски дороги!
Там молодые девы
Над волной Эврота
Бойко ноги поднимают
В быстрой пляске.
Кудри их, как у вакханок,
Дрогнут вдруг от взмаха тирсом.
И ведет их Леды дочь,
Корифей прекрасный хора.
Заплети же крепче кудри и ногами выступай,
Словно лань. Рукоплесканья с хором точно соразмерь
И могучую богиню в медном доме воспевай
Всепобедную...

(Пер. Д. Шестакова/
Под ред. Ю. Шульца)

[1]Самая блестящая из антивоенных комедий Аристофана, написана в 411 г. до н. э. спустя 10 лет после комедии «Мир», поставленной незадолго до заключения мирного договора между Спартой и Афинами в 421 г. до н. э. В 413 г. до н. э. возобновляется война между этими государствами, политическое положение Афин резко обостряется в результате провала Сицилийского похода. Аристофан вновь обращается к теме мира, находя новый комедийный поворот в ее решении. [2]*Генетилла, Колиада* — Афродита. [3]*Тимпан* — музыкальный инструмент типа бубна. [4]В Беотии ловили угрей, считавшихся лакомством. *Ахарнянки* — жительницы дема (района) Аттики — Ахарны. Первая антивоенная комедия Аристофана называлась «Ахарняне». [6]*Смрадов* — русифицированное в переводе название сельской местности возле Афин. [7]*Эвкрат* — командующий афинским войском во Фракии. [8]*Пилос* — порт спартанцев, захваченный афинянами. [9]Милет вышел из Афинского Союза в 412 г. до н. э. [10]Намек на миф о жене фессалийского царя Кретея Тиро, ставшей возлюбленной бога Посейдона и родившей ему в лодке двух сыновей. [11]*Ферекрат* — афинский комический поэт. [12]*Скифы* — рабы; охраняли порядок в Афинах. Здесь так называют женщин. [13]*Ликон* — афинянин, жена которого якобы вела себя непристойно. [14]В 508 г. до н. э. спартанцы под командой царя Клеомена, приглашенные афинскими аристократами на помощь в борьбе с тиранией Писистратидов, захватили Акрополь. [15]Характерный для древнеаттической комедии выпад против поэта Еврипида (ср. «Лягушки»). [16]*Четвероградье* — союз четырех областей Аттики, в состав которого входил Марафон (имеется в виду Марафонская победа в 490 г. до н. э.). [17]Намек на кузницу Гефеста, находившуюся по мифу на о. Лемносе. [18]*Самосский полководец* — речь идет об афинском флоте, который в 412 г. до н. э. поддержал демократический переворот на о. Самосе. [19]*Тритогения* — Афина. [20]*Гиппонакт* — ямбический поэт (см. раздел «Лирика VII—VI вв.»), *Бупал* — осмеянный им персонаж. [21]*Пробул* — член коллегии пробулов, созданной в Афинах в 411 г. до н. э. для пересмотра государственного устройства, и носившей олигархический характер (одним из 10 членов этой коллегии был Софокл). [22]*Сабазий* — фракийский бог, отождествлявшийся с Дионисом, так же, как и финикийский Адонис (см. словарь). Речь идет о празднике Адониса, с которым совпало начало Сицилийского похода. [23]*Демострат* один из инициаторов Сицилийской экспедиции 415 г. до н. э. [24]*Гоплиты* — тяжеловооруженные воины. [25]*Закинф* — остров на пути из Афин в Сицилию. [26]*Холозиг* — комедийное переиначивание Аристофаном родового имени Демострата Бузиг («холос» по-гречески «желчь»). [27]*Пандроса* — богиня росы, дочь Кекропа (см. словарь). [28]*Светлая дева* — Геката. [29]*Дева Тавриды* — Артемида. [30]*Град Краная* — Афины. *Кранай* — царь древней Аттики. [31]*Лисимах* — букв. «Прекращающий битву» (ср. Лисистрата — «распускающая войска»). [32]*Метеки* — свободные ремесленники, жившие в Афинах, но не имевшие гражданских прав. [33]*Гиппий* — тиран афинский, изгнанный из города с помощью отряда Клеомена, призванного Клисфеном. [34]*Аристогитон* — афинянин, вместе с Гармодием убивший тирана Гиппарха, брата Гиппия. В Афинах им была поставлена статуя. [35]*Арефора* — девочка, помогающая ткать пеплос для богини Афины. [36]Во время праздника в честь Артемиды, совершавшегося в местечке Бравроне, девочки изображали медведиц. [37]Девочка несла корзину в торжественной процессии (канефора). [38]Имеется в виду победа над персами. [39]*Котурн* — обувь с высокой подошвой, надеваемой актерами

в трагедии. [40]*Лепсидрий* — местность в Аттике, где обосновались противники тирании Гиппия. [41]*Артемисия* — царица Галикарнасса, участвовавшая в Саламинском сражении. [42]*Микон* — художник. [43]*Илифия* — богиня рожениц. [44]*Миронид* — афинский полководец во время войны с Персией (битва при Платее 479 г. до н. э.). [45]*Формион* — афинский полководец в Пелопоннесской войне (429 г. до н. э.). [46]*Тимон* — афинянин, отличавшийся мрачностью и нелюдимостью, современник Аристофана. [47]*Хлоя* — Деметра. [48]*Клепсидра* — священный источник. [49]*Герусия* — совет старейшин в Спарте. [50]*Конисал* — божество плодородия. [51]*Трикорисий* — болотистая местность близ Афин. [52]*Карист* — город на о. Евбее. [53]*Гермокопиды* — лица, совершившие накануне отплытия афинского флота в Сицилию осквернение герм — изображений бога Гермеса. [54]*Олимпия* — место Олимпийских игр, *Пилы* (Фермопилы) — место подвига трехсот спартанцев во главе с царем Леонидом, *Пифос* — Дельфы, где находился храм Аполлона. [55]Речь идет о помощи, оказанной афинянами в Спарте во время восстания мессенян. [56]Речь идет об отряде афинских воинов во главе с Кимоном, отправленным на помощь Спарте в ее войне с мессенянами, поднявшими восстание против спартанцев. Спартанцы, боясь, что афиняне могут встать на сторону мессенян, отказались от помощи. [57]*Эхинунт* — город в Фессалии, Малийский залив — в Фессалии; *мегарские ноги* — стены города Мегар, ведущие к порту. [58]*Канефора* — участница торжественной процессии, несущая на голове корзину со священными принадлежностями (см. прим. 37). [59]*Артемисий* — мыс на о. Эвбее, где произошло морское сражение с флотом персов (480 г. до н. э.). [60]*Ией* — Аполлон. [61]*Нисейский бог* — Дионис, родившийся на горе Нисе. [62]*Бог в Амиклах* — Аполлон, *Амиклы* — местность в Лакедемоне. [63]*Тиндариды* — Кастор и Поллукс (их смертный отец — Тиндар, царь Спарты).

ЛЯГУШКИ[1]

Действующие лица:

Ксанфий, раб.
Дионис, бог театра.
Геракл.
Покойник.
Харон, перевозчик в подземном мире.
Хор лягушек.
Хор посвященных в мистерии.
Эак, привратник в подземном мире.
Служанка Персефоны, богини подземного мира.
Две трактирщицы.
Еврипид, Эсхил } трагические поэты.
Плутон, бог подземного мира.

Пролог

Бог Дионис, одетый в львиную шкуру поверх пурпурного хитона, и Ксанфий, с поклажей на спине, верхом на осле, пересекают орхестру.

Ксанфий

Сказать, хозяин, шуточку такую,
Над чем привык театр хохотать?

Дионис

Какую хочешь, лишь не слово «давят»,
Его ты брось: оскомину набило!

Ксанфий

А остроту иную?

Дионис

Но не «жмут».

Ксанфий

А что-нибудь смешное?

Дионис

Можешь смело!
Лишь одного не говори!

Ксанфий

Чего ж?

Дионис

Что, груз такой взвалив, на двор ты хочешь.

Ксанфий

И что, кряхтя под тяжестью такой,
Когда не снимут с плеч, пойду до ветра?

Дионис

Молю, не продолжай, а то стошнит.

Ксанфий

Зачем же мне тяжелый груз таскать
И ничего не делать, что и Фриних
Привык творить, и Ликий, и Амипсий[2]?
У них рабы всегда таскают груз.

Дионис

Нет, этого не делай! Я, как зритель,
Когда такие трюки посмотрю,
То ухожу старее на год с лишним.

Ксанфий

О трижды злополучнейшая шея:
И тяжело и шутки не скажи!

Дионис

Не дерзость ли, не баловство ли это?
Я, Дионис, сын винного Бочонка,
Иду, терплю, отдав осла рабу,
Чтоб он не утомился, груз таская?

Ксанфий

Я ж сам несу!

Дионис

Несешь? Тебя везут!

Ксанфий

Но груз на мне.

Дионис

Как так?

Ксанфий

И очень тяжкий!

Дионис

Да разве не осел твой груз несет?

Ксанфий

Нет, что на мне, то сам я и таскаю.

Дионис

Таскаешь? Ты? Осел тебя везет!

Ксанфий

Не знаю, право, но плечо заныло!

Дионис

Ну если и осел тебе не впрок,
Возьми его, себе взвали на плечи!

Ксанфий

Зачем, бедняга, я не бился в море?
Тогда бы взвыл ты, право, без меня[3]!

Дионис

(останавливается перед домом Геракла)

Слезай, бездельник, мы уже пришли:
У этой двери надо нам теперь
Остановиться. Малый, отопри-ка!

(Стучится в дверь.)

Геракл

(выходит на стук)

Кто в дверь забарабанил? Грубо так
Кентавры прут! Скажи мне, что такое?

Дионис

(отскочив в сторону при виде Геракла, обращается к Ксанфию)

Эй, малый!

Ксанфий

Ну?

Дионис

Заметил ты?

Ксанфий

Да что там?

Дионис

Как струсил он?

Ксанфий

Боится — спятил ты.

Геракл

Клянусь Деметрой, не могу сдержаться,
Кусая губы, все равно смеюсь.

Дионис

Любезный, подойди! Ты нужен мне.

Геракл

Не удержусь от смеха я, увидев
На пурпурном хитоне шкуру льва.
Где смысл? Зачем котурн с дубиной вместе?
Где пропадал ты?

Дионис

Ехал на Клисфене.

Геракл

И воевал?

Дионис

Да, потопили мы
Судов врагов двенадцать иль тринадцать.

Геракл

Вы оба?

Дионис

Феб свидетель!

Ксанфий

...Тут проснулся я.

Дионис

И вот, когда читал я «Андромеду»,
На корабле мне вдруг внезапно страсть
Запала в сердце, знаешь ли какая?

Геракл

Большая страсть?

Дионис

С Молона[4] ростом будет.

Геракл

Страсть к женщине?

Дионис

Нет.

Геракл

К мальчику?

Дионис

Да нет!

Геракл

К мужчине?

Дионис

Ой-ой-ой!

Геракл

Ты спал с Клисфеном?

Дионис

Не смейся, брат! Мне очень тяжело,
Тоска такая мне терзает сердце...

Геракл

Какая же, братишка?

Дионис

Не могу
Сказать. Пожалуй, объясню сравненьем.
Когда-нибудь ты жаждал страшно каши?

Геракл

Конечно, в жизни десять тысяч раз!

Дионис

Так понял ты? Иль объяснить иначе?

Геракл

Про кашу? Нет, я сразу понял все!

Геракл и Дионис

Такая же грызет меня тоска
По Еврипиду.

Геракл

Но ведь он покойник!

Дионис

Меня никто не может удержать,
Иду за ним.

Геракл

Хотя б в Аид глубокий?

Дионис

Свидетель Зевс, и глубже я готов.

Геракл

Но для чего?

Дионис

Поэт искусный нужен,
Одних уж нет, а те, что живы, — дрянь.

Геракл

А Иофонт[5] не умер?

Дионис

Нет, живой он, —
Чего-нибудь и стоит, может быть
Но сам еще я не пойму, каков он.

Геракл

А не Софокл — он лучше Еврипида —
С тобой пойдет, коль надо выбирать?

Дионис

Нет, раньше Иофонта испытаю,
Что без Софокла может он создать?
К тому же Еврипид — великий плут.
Со мною улизнуть он может смело,
А тот уживчив здесь, уживчив там.

Геракл

Где ж Агафон[6]?

Дионис

Покинул он меня,
Друзей в тоске поэт оставил милый.

Геракл

Где, бедный, он?

Дионис

На пире у богов.

Геракл

Ну, а Ксенокл?

Дионис

Пусть сгинет, ради Зевса!

Геракл

Пифангел[7] как?

Ксанфий

(в сторону)

А про меня молчок,
Хоть я натер себе плечо до боли!

Геракл

А разве нет других молокососов,
Готовых сто трагедий накропать
И в сотни раз болтливей Еврипида?

Дионис

Все это пустоцветы, болтуны,
Хор ласточек и пачкуны в искусстве!
Исчезнут вмиг, едва получат хор,
Однажды на трагедию нагадив.
Ты днем с огнем поэта не найдешь,
Чтоб веское сумел промолвить слово.

Геракл

Как, веское?

Дионис

Да веское, чтоб он
Такую речь рискнул промолвить смело:
«Эфир — дом Зевса». «Времени стопа»,
Сказать про мысль, что не хотела лгать,
И про язык, солгавший против мысли.

Геракл

Ты любишь это?

Дионис

Я с ума схожу!

Геракл

Но это вздор, ведь сам ты понимаешь.

Дионис

Не лезь ко мне! Своим умом живи!

Геракл

Всё это отвратительно, конечно.

Дионис

Учи нас есть!

Ксанфий

(*В сторону*)

А про меня молчок!

Дионис

Пришел затем в твоей одежде я,
Чтоб ты назвал мне всех своих знакомых,
На всякий случай, с кем встречался ты,
Когда в Аид за Кербером спускался.
Все гавани припомни, бардаки,
Источники, лавчонки, перекрестки,
Харчевни и трактиры в городах,
Где нет клопов.

Ксанфий

(*в сторону*)

А про меня молчок!

Геракл

И ты дерзнешь сойти туда, несчастный?

Дионис

Мне не перечь! Дорогу покажи,
Как поскорей спуститься вниз, к Аиду,
Чтоб не было ни стужи, ни жары!

Геракл

Какую же дорожку вам назвать?
Вот есть одна, — веревка да скамейка...
Повеситься не хочешь?

Дионис

Душный путь.

Геракл

Есть краткая и торная дорожка:
Возьми-ка ступку!..

Дионис

О цикуте[8] ты?

Геракл

Вот именно.

Дионис

Нет, холодна и эта,
И ноги отморозишь по пути.

Геракл

Не хочешь ли дорожку вниз под гору?

Дионис

Пожалуйста, ведь я плохой ходок!

Геракл

Тогда плетись в Керамик[9].

Дионис

Ну, а дальше?

Геракл

И поднимись на башню!..

Дионис

А потом?

Геракл

Там с факелами бег увидеть сможешь.
И только крикнут зрители: пускать!
И ты пускайся.

Дионис

А куда же?

Геракл

Книзу.

Дионис

Но так мозги ведь могут разлететься —
Не нравится дорожка.

Геракл

Как же быть?

Дионис

Пойду твоим путем я.

Геракл

Плыть скучища!
Сейчас к болоту выйдешь ты большому,
Бездонному.

Дионис

А переехать как?

Геракл

На лодочке малюсенькой старик
Тебя перевезет за два обола.

Дионис

Как много всюду значат два гроша!
Они давно там?

Геракл

Со времен Тесея.
А после змей и страшных чудищ ты
Увидишь много.

Дионис

Не пугай, не струшу!
Не отступлюсь я!

Геракл

Непролазная
Грязища там и смрад, и в нем лежат,
Кто гостя оскорбил несправедливо,
Кто, с мальчиком сойдясь, не заплатил,
Кто обесчестил мать, отцу дал в зубы,
И ложною кто клятвой поклялся.

Дионис

Клянусь богами, к ним бы приобщить
Тех, кто пирриху[10] пляшет, как Кинесий[11],
Или стишок у Морсима[12] списал.

Геракл

Потом тебя дыханье флейт обвеет,
Увидишь свет, прекрасный, как земной.
Там рощи мирт, мужчин и женщин хоры
И радостных рукоплесканий звук.

Дионис

А кто же там?

Геракл

Собранье посвященных

Ксанфий

А я — осел под бременем мистерий.
Нести поклажу дальше не могу!

Геракл

Тебе укажут мисты всё, что надо;
Близехонько на самом на пути
Они живут и у дверей Плутона.
Прощай же, брат!

Дионис

Пусть Зевс тебя хранит!

(*Ксанфию*)

А ты опять бери свою поклажу.

Ксанфий

Ее и не снимал я.

Дионис

Ну, живей!

Ксанфий

Молю, постой! Кого-нибудь найми
Из тех, кто этой движется дорогой.

Дионис

А не найду?

Ксанфий

Тогда меня.

Дионис

Ну ладно.

Проносят покойника.

Да вот, как раз покойника несут.
Эй, ты, тебя зову я! Эй, покойник!

Носильщики останавливаются.

Поклажу не снесешь ли ты в Аид?

Покойник

(*приподнимаясь*)

А где она?

Дионис

Вся тут.

Покойник

Две драхмы дашь?

Дионис

А меньше, нет?

Покойник

(*ложится*)

Эй, вы, несите дальше!

Дионис

(*вслед*)

Постой, дружок, сойдемся может быть!

Покойник

Не дашь двух драхм, и рассуждать не стоит.

Дионис

Оболов девять?

Покойник

Чтоб воскреснуть мне!

Ксанфий

Ломаешься! Да пропади совсем!

Покойника уносят.

Я сам пойду.

Дионис

Ты честный раб и верный.

Продолжают путь.

Идем же к лодке!

На орхестру выезжает челн Харона.

〈...〉

[Путники переплывают на лодке Харона в царство Аида через озеро, где их сопровождает хор лягушек (отсюда название комедии).]

Эписодий первый

Дионис и Ксанфий подходят к воротам дворца Плутона

Дионис

Ну, как же постучаться мне? Скажи,
Как местные жильцы стучать привыкли?

Ксанфий

Ты не зевай, а бей сильнее в дверь,
Гераклом будь и с виду и на деле!

Дионис

Эй, малый!

Выходит Эак.

Эак

Кто там?

Дионис

Я, силач Геракл.

Эак

Ах негодяй! Бесстыдник и наглец!
Проклятый ты, треклятый, растреклятый!
Ты Кербера украл, собаку нашу,
Душил ее и с нею улизнул,
А я берег ее. Теперь попался.
Отныне Стикса черная скала,
Кровоточащий камень Ахеронта
И псы Кокита стерегут тебя.
Стоглавая Ехидна все нутро
Тебе порвет, а в легкие вопьется
Тартесская мурена*, остальное
Со всеми потрохами и в крови
Тифрасские Горгоны растерзают.
За ними я тотчас направлю бег.

(Скрывается.)

Ксанфий

(Дионису)

Эй, что с тобой?

---

* Хищная рыба

Дионис

Сходил. Зови же бога!

Ксанфий

Эх ты, трусишка! Ну, вставай скорей,
Пока никто не видел!

Дионис

Нету мочи!
Подай мне губку к сердцу приложить!

Ксанфий

На, приложи! О боги золотые!
Где сердце у тебя?

Дионис

Оно, струхнув,
На самый низ удрало, прямо в пятки.

Ксанфий

Ты из богов и смертных худший трус!

Дионис

Какой же трус, ведь губку попросил я?
Другой бы так не сделал.

Ксанфий

Что б он сделал?

Дионис

Лежал бы, да и нюхал, если трус.
А я не только встал, но и подтерся.

Ксанфий

Вот храбрость, Посидон!

Дионис

Свидетель Зевс!
А ты не испугался брани той
И злых угроз?

Ксанфий

Свидетель Зевс, нисколько.

Дионис

Ну, если ты такой храбрец лихой,
Гераклом будь, Возьми дубину эту

И шкуру льва, коль так отважен ты,
А я твоим носильщиком побуду.

Меняются одеждой.

Ксанфий

Ну, что ж, тащи! Послушен я тебе.
Но посмотри на Ксанфио-Геракла,
Не стану труса праздновать, как ты!

Дионис

Ты из Мелиты явный проходимец.
Давай взвалю поклажу на себя.

Из дворца Плутона выходит служанка Персефоны.

Служанка

Геракл, голубчик, здравствуй, — заходи!
Богиня, как узнала, что пришел ты,
Лепешек напекла, сварила каши
Горшка два-три, изжарен целый бык,
Есть пироги и пышки. Заходи же!

Ксанфий

(в одеянии Геракла)

Благодарю покорно!

Служанка

Не уйдешь,
Свидетель Аполлон! Готово мясо,
Поджарилась дичинка, есть печенье,
И смешано сладчайшее вино.
Пойдем со мной!

Ксанфий

Спасибо!

Служанка

Не стесняйся!
Не выпустим голодным! Ждет тебя
Флейтистка-прелесть, ждут и танцовщицы
Две или три.

Ксанфий

Что слышу? Танцовщицы?

Служанка

Девчоночки подбрилися сейчас.
Входи скорее! Повара вот-вот
Внесут копченья, стол стоит накрытый.

Ксанфий

Тогда ступай сначала к танцовщицам
И объяви, что я сейчас приду.

Служанка уходит.

Эй, малый, проходи за мной с поклажей!

Дионис

Остановись, не принимай всерьез,
Что в шутку я одел тебя Гераклом.
Довольно, Ксанфий, дурака валять.
Берись-ка и неси опять поклажу!

Ксанфий

Что ж это, право? Хочешь ты отнять,
Что сам же дал?

Дионис

Не хочешь, а уж отнял!
Снимай-ка шкуру!

Ксанфий

На такие муки
Пожалуюсь богам!

Дионис

Каким богам?
Ведь невозможно даже и представить,
Чтоб смертный раб Алкмены сыном стал!

Ксанфий

Ну ладно, получай! Но будет время,
Захочет бог, придешь меня просить.

Меняются одеждой. ⟨...⟩

Эписодий второй

Выбегает первая трактирщица.

Первая трактирщица

Сюда, Платана! Тот мошенник здесь,
Который, побывав у нас в харчевне,
Сожрал шестнадцать хлебов.

Вторая трактирщица

(выбегает на крик)

Видит Зевс!
Да, это — он!

Ксанфий

(в сторону)

Кому-то будет плохо!

Первая трактирщица

Да и жаркого двадцать съел кусков
По пол-обола.

Ксанфий

(в сторону)

Кто-то пострадает!

Первая трактирщица

Да пропасть чесноку.

Дионис

Болтаешь, баба,
Не знаю что!

Первая трактирщица

Ты думал, мне тебя
И не узнать, коль ты надел котурны?
Да что, я солонину позабыла!

Вторая трактирщица

Свидетель Зевс, и сыр отличный был,
Так он его уплел с плетенкой вместе.

Первая трактирщица

Когда же я потребовала денег,
Взглянул быком и замычал еще.

Ксанфий

Он это, он, и все его ухватки!

Первая трактирщица

И вынул меч, — точь-в-точь сошел с ума...

Вторая трактирщица

Всё так, бедняжка!

Первая трактирщица

Тут уж мы, дрожа,
На чердаке запрятáлись, под крышей,
А он удрал и тюфяки стащил.

Ксанфий

Его работа.

Первая трактирщица

(подумав)

Что ж, однако, делать?
Позвать сюда заступника — Клеона...

Вторая трактирщица

А встретится Гипербол, пусть придет!

Первая трактирщица

Чтоб вздуть его! С какой бы я охотой
Твои, обжора, выбила клыки:
Они у нас провизию пожрали!

Ксанфий

А я тебя охотно брошу в яму!

Вторая трактирщица

Серпом бы глотку взрезала тебе,
Которая у нас сожрала мясо!

Первая трактирщица

Зову Клеона. Он тебя сейчас
Порастрясет и всё возьмет обратно!

Уходит.

Дионис

Пусть пропаду, коль Ксанфий мне не друг!

Ксанфий

Э, знаю, понял, хватит пустословить!
Не стану вновь Гераклом.

Д и о н и с

Погоди,

Друг Ксанфушка!

К с а н ф и й

Да как же мне Алкмены
Назваться сыном? Смертен я и раб.

Д и о н и с

Да вижу, вижу, злишься, и по праву.
Ты хоть побей меня, не пикну даже.
Но, если я опять возьму одежду,
Пусть с корнем я, и дети, и жена
Погибнем все, и вместе с Архедемом!<…>

Эписодий третий

Э а к

(возвращается в сопровождении рабов)

Он пса украл! Связать немедля вора,
На суд его!

Д и о н и с

Кому-то будет плохо!

К с а н ф и й

(в одеянии Геракла)

Ко всем чертям! Не подходи!

Э а к

Ты драться?

Эй ты, Дитил! Ты, Скеблий и Пардок,
Живей сюда! А ну, схватитесь с ним!

Д и о н и с

Вот наглость, он еще и драться лезет,
Украв чужое!

Э а к

Стыдно и позорно!

Д и о н и с

Неслыханная дерзость!

Ксанфий

Видит Зевс,
Пускай погибну, если здесь бывал я
Иль твоего хоть на волос украл!
По-честному договорюсь с тобою:
Возьми раба вот этого — и в пытку,
А окажусь виновным я — казни!

Эак

А как пытать?

Ксанфий

Как хочешь. Подтяни
На лестницу, прижги, бичуй и шкуру
Спусти ему, и в нозри уксус лей,
И кирпичи наваливай — всё можешь,
Не бей его лишь травкою слегка!

Эак

Совет разумный. Если ж искалечу
Раба тебе, то цену возмещу.

Ксанфий

Не надо денег! Ты пытай бесплатно!

Эак

Здесь буду бить: пусть нам в глаза все скажет.
Снимай живей поклажу да смотри:
Ни слова лжи!

Дионис

Я заявляю прямо:
Не смей меня пытать! Бессмертный я.
Не то пеняй сам на себя!

Эак

Что слышу?

Дионис

Бессмертный я, сын Зевса, Дионис,
А это раб.

Эак

(Ксанфию)

Ты слышишь?

Ксанфий

Как же, слышу.
Но тем сильней его ты должен бить.
Когда он бог, то чувствовать не будет.

Дионис

И ты назвался богом! Что ж, тебе
Придется всыпать наравне со мною.

Ксанфий

Речь справедлива. Кто из нас двоих
Заплачет первым, чувствуя побои
Под пыткою, тот, значит и не бог.

Эак

Ты, сразу видно, человек достойный:
Стремишься к правде. Ну, одежды прочь!

Ксанфий

Как честно испытаешь нас?

Эак

Легко:
По разу всыплю каждому.

Ксанфий

Чудесно.
Смотри, нисколько я не шелохнусь!

Эак

(ударяет Ксанфия плеткой)

Ну, стукнул я?

Ксанфий

Нет, что-то незаметно.

Эак

Пойду того ударю.

(стегает Диониса)

Дионис

Что же ты?

Эак

Ударил раз.

Дионис

И глазом не моргнул я!

Эак

Не знаю. Вновь за этого возьмусь.<…>

Ксанфий

Не так ты бьешь. В подвздошье дай ему!

Эак

Да, видит Зевс! Эй, повернись-ка брюхом!

Дионис

О, Посидон!

Ксанфий

Что больно?

Дионис

На брегах
Эгейских ты царишь и в бездне моря!

Эак

Клянусь Деметрой, я не разберу,
Кто бог из вас? Вы вместе заходите!
Пусть мой владыка вас рассудит сам,
Ведь божества и он и Персефона.

Дионис

Вот правильно! Но ты б сообразил
Всё это прежде, чем устроить пытку!

Уходят.

Парабаса

Ода

Первое полухорие

Муза, в священные хоры вступи, наслаждаясь песней моею.

Целые толпы увидишь народа, где много
Умных сидит знатоков.

Все Клеофонта[13] достойней, а он на болтливых устах
Ласточку Фракии держит,
Песнь ее душу терзает
Варварским стоном своим.
Грустно поет соловьиную песнь: Клеофонту погибнуть,
Если в суде пополам голоса.

Эпиррема

Предводитель первого полухория

Хор святой по праву должен городу подать совет
И разумный, и полезный. Полагаем, что теперь
Уравнять всех граждан надо, уничтожить всякий страх.
Если Фриниха[14] ловушкой соблазнился кто-нибудь,
Утверждаю я, что можно заблудившимся тогда
В заблужденьях прошлых этих всем прощенье даровать,
Чтобы прав своих гражданских не терял уже никто.
Не позор ли? Кто сразился только раз в морском бою,
Вмиг становится платейцем, господином из раба, —
Говорю не в осужденье, а напротив, вас хвалю:
К сожаленью, только это вы и сделали с умом.
Но к тому же вы должны бы тем, кто с вами столько раз
Вместе на море сражался, кто родной и близкий вам, —
Вас они об этом просят, — их поступок извинить.
Так не гневайтесь отныне, вы, с рожденья мудрецы!
Всех и каждого охотно обнимите, как родных,
Возвратив права гражданства тем, кто бился на судах!
Если в гордости чванливо просьбой мы пренебрежем, —
Между тем в пучине бедствий утопает город наш, —
То позднее убедимся, что решили плохо мы.

Антода

Второе полухорие

Если способен понять я судьбу человека, который погибнет,

То уж недолго докучная эта мартышка,
Мерзостный карлик Клиген,

Банщик, владеющий смесью поддельной, из пыли с золою
Вместо хорошей селитры
Да Кимолийской землею[15]. —
Верно, недолго протянет.
Чувствуя это, он мира боится; ведь могут ограбить,
Коль без дубины он пьяный пойдет.

Антэпиррема

Предводитель второго полухория

Очень часто нам казалось, что Афины горожан,
И хороших и негодных, всех оценивают так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан.
Так старинную монету, неподдельную вполне,
Ту, что самой чистой пробы, лучшую из всех монет
И надежного чекана, что испытан много раз
На виду у всей Эллады и у варваров везде,
Не пускаем в обращенье, применяя медяки
Наихудшего чекана, те, что выбиты вчера.
Граждан тех, кто, как известно, благородны и умны,
Всех, кто строго безупречны и достойны похвалы,
И воспитаны в палестре, и сильны в искусстве Муз,
Тех мы гоним, а других-то — медных, рыжих и чужих,
И худых из самых худших, — всюду мы пускаем в ход.
Пусть последними явились, пусть недавно город наш
Искупительною жертвой не хотел бы их избрать.
Но отныне вы, безумцы, изменив обычай свой,
В ход пускайте благородных! И дела пойдут на лад,
А постигнет неудача, верно, скажут мудрецы:
«Что ж, на дереве хорошем и повеситься не жаль».

Эписодий четвертый

Эак и Ксанфий выходят из дворца.

Эак

Ну, видит Зевс, насколько благороден
Хозяин твой!

Ксанфий

А чем не благороден,
Он драться лишь умеет да блудить.

Эак

И, уличив, он не избил тебя,
Когда ты, раб, назвался господином!

Ксанфий

Ему б влетело!

Эак

Значит, долг раба
Исполнил ты? Люблю я шутки эти.

Ксанфий

Ты любишь?

Эак

Да, и счастлив, если я
Исподтишка ругаю господина.

Ксанфий

А любишь ты ворчать, когда плетьми
Из двери гонят?

Эак

Да, люблю и это.

Ксанфий

А всюду нос совать?

Эак

Всего милей!

Ксанфий

Родной наш Зевс! А речь господ подслушать,
Их болтовню?

Эак

Ведь это — страсть моя!

Ксанфий

А за дверьми все выболтать?

Эак

Ну, да.
Случится так — я наверху блаженства.

Ксанфий

Феб Аполлон! Пожми мне руку, друг,
И обними. Поведай ради Зевса,
Ведь он у нас единый во плетях,
Что значит этот шум внутри, и спор,
И брань?

Эак

Эсхил схватился с Еврипидом.

Ксанфий

Ну?!

Эак

Дело, дело заварилось тут
У мертвецов, и спор у них великий.

Ксанфий

О чем?

Эак

Такой тут действует закон
Для всех искусств высоких и достойных:
Кто превзойдет соперников своих,
Получит стол почетный в Пританее
И трон с Плутоном рядом.

Ксанфий

Понял все!

Эак

А явится другой, мудрей в искусстве,
То первый должен место уступить.

Ксанфий

Что так обеспокоило Эсхила?

Эак

Трагический он занимал престол,
Как великан в искусстве.

Ксанфий

Кто же ныне?

Эак

Когда сошел под землю Еврипид,
Стал представлять карманникам-ворам,
Отцеубийцам, взломщикам-бандитам, —
А их в Аиде пропасть. Услыхав
Его софизмы и хитросплетенья,
Все спятили, мудрейшим нарекли,
И, возомнив, он посягнул тогда
На трон Эсхила.

Ксанфий

А его не били?

Эак

Нет, но народ потребовал суда,
Чтобы решить, кто из двоих мудрее!

Ксанфий

Толпа мерзавцев?

Эак

Да. Поднялся крик!

Ксанфий

Союзники-то были у Эсхила?

Эак

Здесь честных мало, как и на земле.

Ксанфий

А сам Плутон, что предпринять намерен?

Эак

Устроить хочет состязанье он,
Их силу оценить в искусстве.

Ксанфий

Что же,
Не претендует ли Софокл на трон?

Эак

Не хочет он. Поцеловал Эсхила,
Сойдя сюда, он руку взял его,
А тот ему престол свой предоставил.
Теперь желает — Климедид сказал —

Он сесть вторым, и если одолеет
Эсхил, — то пусть! А если нет, тогда
Он станет состязаться с Еврипидом.

К с а н ф и й

И что же будет?

Э а к

Очень скоро здесь
Большое дело будет разбираться,
И на таланты[16] взвесят песни Муз.

К с а н ф и й

Что ж, на весы трагедию положат?

Э а к

И меры и линейки принесут
Для слов, отвесы...

К с а н ф и й

Разве будет кладка?

Э а к

Угольники и клинья. Еврипид
Слова трагедий измерять возьмется.

К с а н ф и й

Могу представить, как сердит Эсхил!

Э а к

Да, он быком смотрел, потупясь долу.

К с а н ф и й

А кто судья?

Э а к

Еще не решено.
Найти людей достойных очень трудно,
Не ладил ведь с Афинами Эсхил.

К с а н ф и й

Он полагал, что много там бандитов.

Э а к

Другие же не смыслят ничего,

Не им судить поэтов. Поручили
Все дело Дионису, знатоку
В искусстве. Но войдем! Ведь если бары
Поспорят здесь, достанется и нам.

(*Уходят.*)

Хор

Гневом ужасным сейчас воспылает поэт-громовержец,
Только увидит, что зубы оскалил болтливый соперник,
В то же мгновенье тогда, его взглядом окинув, сурово
Он посмотрит на него.
Спор шлемоблещущий слов, оперенных султаном, начнется,
Стружкой завертится острое слово искусной работы,
Лишь бы отбиться от мужа могучего мыслью,
От напыщенных речей.
Кудри густые до плеч распустив, он с рычаньем ужасным,
Грозные брови сведя, храпя и насупясь, извергнет
Сбитые крепко слова, и такие, что смогут
Снасти корабля сорвать.
После ценитель стихов, наметанный, липкий и хитрый,
Станет крутиться язык и завистливо двигать устами,
Хитросплетения слов разберет, чтобы легким
Их работу облегчить.

Эписодий пятый

Входят Эсхил, Еврипид и Дионис.

Еврипид

Не убеждай! Не уступлю я трона!
В искусстве нашем я сильней его!

Дионис

Эсхил, и ты молчишь? Его ты слышишь?

Еврипид

Сначала он — ни слова, как обычно;
В трагедиях он этим надоел.

Дионис

Мой друг, не говори высокомерно!

Еврипид

Его давно я знаю, раскусил;
С упрямством он творит людей свирепых.

Ни обуздать, ни затворить нельзя
Уста его надменные безмерно.

Эсхил

Взаправду, сын, богини деревенской
И собиратель всякой болтовни?
Творец бродяг, сшивающий тряпье,
Ты мне за все ответишь!

Дионис

Стой, Эсхил!
Не распаляй ты сердца жарким гневом!

Эсхил

Нет, я сперва творца хромых, его,
Изобличу. Какой наглец великий!

Дионис

Рабы, ягненка черного несите[17]!
Готова буря разразиться здесь.

Эсхил

О, критские сбиравший песнопенья,
Ты в песни Муз кровосмешенье ввел!

Дионис

Остановись, Эсхил мой многочтимый!
Ты, жалкий Еврипид, от града слов
Спеши скорей спастись, когда в уме ты.
Вот веским словом по виску тебя
Ударит он и выбьет прочь «Телефа»!
А ты, Эсхил, не с гневом, но спокойно
Суди, судись! Ругаться не к лицу
Поэтам, как торговкам на базаре.
А ты, как дуб зажженный, вспыхнул вмиг!

Еврипид

Не уклоняюсь, я готов кусаться,
И он пускай кусает, если хочет,
Стихи мои и песни, нервы драмы.
«Эола» и «Пелея» предоставлю,
«Телефа», «Мелеагра» вместе с ним.

Дионис

А ты, Эсхил, скажи, что хочешь делать?

Эсхил

Я не хотел бы препираться здесь:
Не равный спор у нас.

Дионис

Но почему же?

Эсхил

Я умер, но поэзия моя
Жива. Его же — вместе с ним скончалась.
Но если ты решил, то я готов.

Дионис

Мне фимиам подайте и огонь,
Чтоб, помолившись перед состязаньем,
По правилам искусства спор решить!
А вы пока пропойте песню Музам!

Хор

Зевсовы дочери, чистые девы,
Музы, вы цените умные и утонченные мысли, —
Их созидают поэты, когда, обличая друг друга,
В споре сойдутся они, ударом удар отражая.
Музы, придите, чтоб видеть могли вы
Силу двух уст и могущество слов,
Веских и вьющихся стружкой.
Спора великого мудрых назначенный час наступает.

Дионис

И вы молитесь, прежде чем начать!

Эсхил

Деметра, ты вскормила разум мой,
Дай мне предстать твоих достойным таинств!

Дионис

И ты свой фимиам готовь!

Еврипид

Иду.
Но я другим богам молиться буду.

Дионис

Особенным, чеканки новой?

Еврипид

Да.

Дионис

Иди, молись, своим богам особым!

Еврипид

Эфир, мой хлеб, и ты, язык мой гибкий,
И тонкий нюх, победоносно мне
Всю речь врага позвольте опровергнуть!

Агон

Ода

Первое полухорие

Вот и мы горим желаньем
Мудрецов услышать речи.
Закипит жестокий бой!
У обоих злой язык,
И равна отвага в сердце,
Мысль не дремлет неподвижно.
Смело можем ожидать,
Что один прекрасно скажет
Остроумнейшую речь,
А другой, с корнями вырвав,
Как деревья, изреченья
На противника обрушит,
Только пыль пойдет столбом.

Корифей

Так начинайте поскорей и говорить старайтесь
С умом, чтоб речи одного другим не повторялись.

Эпиррема

Еврипид

Я о себе самом скажу, как о поэте, после.
Теперь обманщика, его, изобличу сначала.
Хвастун известный и болтун, он зрителей дурачил
В искусстве глупеньких совсем, на Фринихе[18] вскормленных.
Бывало, тщательно укрыв, посадит он героя,
Ахилла иль Ниобу, им лица не открывая.
Трагические куклы — все как в рот воды набрали.

Дионис

Всё так, свидетель Зевс!

Еврипид

А хор, стуча ногами, песни
Четыре без конца бубнит, а те опять ни слова.

Дионис

Я так был рад молчанью их и тешился не меньше,
Чем болтовней новейших драм.

Еврипид

Ты был глупцом, и только
Поверь!

Дионис

Пожалуй, так и есть. Но он зачем так делал?

Еврипид

Из хвастовства, чтоб зрители сидели в ожиданье,
Пока Ниоба речь начнет, — а драма и проходит.

Дионис

Ах, он обманщик, вот ведь как обманывал меня он!

(Эсхилу)

Что мечешься, надулся что?

Еврипид

Боится обличений.
Пока он так дурачит вас — уж середина драмы.
Тогда он дюжину еще добавит слов ходульных,
Гривастых и нахмуренных, страшилищ невозможных,
Неведомых и зрителю

Эсхил

О горе мне!

Дионис

Молчи же!

Еврипид

Ни слова ясно не сказал.

Дионис

(Эсхилу)

Не скрежещи зубами!

Еврипид

Одни Скамандры, рвы кругом да на щитах звенящих
Грифо-орлы расселись в ряд; речь так высокопарна,
Что не легко ее понять.

Дионис

Клянусь богами, сам я,
Бывало ночи напролет и глаз сомкнуть не в силах,
Все думал, что за птица твой коне-петух златистый.

Эсхил

Невежда круглый! Знак такой на кораблях писали!

Дионис

А я-то думал, птица та — сын Филоксена, Эрикс[19].

Еврипид

Но кто ж выводит петухов в трагедиях на сцене?

Эсхил

А ты, враждебный всем богам, какие пишешь вещи?

Еврипид

Да не про коне-петухов и не про козо-ланей,
Каких мидийцы на своих рисуют покрывалах.
Но лишь искусство от тебя я принял, и сейчас же
Ему, распухшему от слов высокопарных, тяжких,
Убавил жару, посадив на строгую диету
Из легких слов, прогулочек, слабительного-свеклы.
Сок болтовни давал ему, настоенный на книгах,
Потом монодией кормил, смешав с Кефисофонтом[20].
И, наконец, что на язык взбредет, не говорил я.
Но, первым вышедший герой всем объяснял сначала
Род драмы.

Дионис

И клянусь, он был знатней тебя, поэта.

Еврипид

И после первых слов уже все действовали в драме,

И говорили у меня и женщина, и дева,
И господин, а также раб, старуха...

Эсхил

Да за дерзость
Такую смерти стоишь ты!

Еврипид

Клянуся Аполлоном,
Я поступал как демократ.

Дионис

Молчал бы лучше, милый!
Ты неудачно выступал на поприще подобном!

Еврипид

Потом болтать их научил.

Эсхил

Не спорю — это правда,
Но лучше б лопнуть пополам тебе от обученья!

Еврипид

Учил отвесом измерять стихи и угломером,
Обдумать, видеть, понимать, обманывать, влюбляться,
Подозревать повсюду зло и размышлять.

Эсхил

Согласен.

Еврипид

Я вывел в драму нашу жизнь, обычаи, привычки,
Меня любой проверить мог. Все понимая, зритель
Мог уличить меня, но я не хвастался напрасно.
Ведь разберется зритель сам, и не пугал его я,
Мемнонов, Кикнов выводя, звенящих бубенцами.
Учеников Эсхила ты сравни теперь с моими.
Фирмисий, Манес, Мегенет, что у него учились,
Все трубокопьеносные бородачи-дубины,
Мои же — тонкий Клитофонт[21] и Ферамен изящный.

Дионис

Как, Ферамен? Большой хитрец и мастер на все руки[22]!
А если попадет в беду, на волосок от смерти,
Вдруг извернется и — спасен! Кеосец, не хиосец.

Еврипид

Да и таким предметам я
Учил своих учеников.
В искусство ввел я мысли строй
И рассужденье, чтоб могли
Всё обсудить и всё понять
В делах житейских, чтобы дом
Вели получше, скажем, так:
«Как обстоят у нас дела?
Где эта вещь? Кто это взял?»

Дионис

Клянусь богами, возвратясь
Домой, афинянин любой
Кричит и спрашивает слуг:
«Найдите, где у нас горшок!
Эй, кто же голову отгрыз
У рыбы? Я горшок купил
Лишь год назад, а он пропал.
А где вчерашний мой чеснок?
И кто оливку откусил?»
А прежде — дурачье они,
Сидели — мамины сынки,
Как сахарные куклы!

Антода

Второе полухорие

Ахиллес, ты видишь это?
Что же ты на это скажешь?
Но смотри, чтоб гнев тебя
За оливы не увлек!
Страшны были обвиненья.
Только ты смотри, почтенный,
Волю гневу не давай.
Но, сложив сначала парус,
Осторожно распускай,
Шаг за шагом выплывая,
Хорошенько наблюдая,
Как бы ветер подходящий,
Постоянный уловить!

Корифей

(Эсхилу)

Ты же, первый поэт среди эллинов всех, взгромоздивший
слова величаво,
Изощривший трагической их болтовней, изливайся смелее
потоком!

Антэпиррема

Эсхил

Раздражен я такой переменой судьбы, да и сердце мое
негодует,
Что ему мне приходится здесь возражать. Но, чтоб слабым
меня не считал он,
Пусть ответит сейчас же, чем следует нам восхищаться
в великом поэте?

Еврипид

Наставленьями, речью правдивой его; ведь гораздо
разумней и лучше
Мы воспитывать граждан умеем своих.

Эсхил

Ну, а если ты делал не это,
Но почтенных и добрых душою людей обратил в
негодяев великих,
Наказанья какого достоин? Скажи!

Дионис

Умереть! И не спрашивай больше!

Эсхил

Посмотри же теперь, а людей-то каких от меня
получил ты в наследство,
Благородных и сажень косая в плечах, не боявшихся
службы народу,
Не базарных зевак, не лукавых шутов, как сейчас,
не обманщиков подлых,
Но дышавших копьем, и копья острием, и султанами
белыми касок,
Поножами и шлемами и, наконец, щито-мужеством семи-
воловым.

Еврипид

Надвигается страшное зло, и боюсь, он убьет меня
шлемами вскоре!

Дионис

(Эсхилу)

Отвечай же, чему ты людей научил, как они благородными
стали?
Объясни нам, Эсхил, своенравным не будь и во гневе
своем не упорствуй!

Эсхил

Боевую одну драму я написал.

Дионис

Но какую же?

Эсхил

«Семеро в Фивах».
Всякий, кто ее видел, любой гражданин загорался
воинственным пылом.

Дионис

Но вот в этом как раз ты, поэт, оплошал, вдохновив
своей драмой фиванцев
С еще большей отвагой в сраженье идти.
Получай-ка теперь по заслугам.

Эсхил

Вы ведь тоже могли закалиться в боях, но не к этому
вы устремились.
А затем уже «Персов» поставил, и в них я учил,
чтобы граждане наши
Все горели желаньем врагов побеждать; этим я
свою драму украсил.

Дионис

Был я рад посмеяться, когда услыхал о покойнике
Дарии вести;
Вышел хор и, сейчас же руками всплеснув, затянул
и заплакал: «Увы нам!»

Эсхил

Вот о чем позаботиться должен поэт! Обрати же
вниманье сначала:

Из поэтов полезны бывали всегда благородные сердцем поэты.
Совершение таинств открыл нам Орфей, запрещая пролитие крови.
Исцеленью недугов, пророчествам нас ведь Мусей научил, Гесиод же
Обработке земли, и уборке плодов, и посевам;
Гомер богоравный
Удостоился чести и славы за то, что учил он полезному делу:
И отваге в строю и оружью бойцов.

Дионис

И, однако, не смог он Пантакла[23]
Научить, дурака. Так, недавно, когда тот участвовал в шествии конном,
Шлем сначала напялил и только потом свой султан привязать попытался.

Эсхил

Научил он немало других храбрецов, среди них и героя Ламаха[24].
По примеру Гомера и я показал знаменитых героев немало:
И Патроклов и Тевкров — с душой, как у льва, чтобы тем пробудить гражданина
Всею силой стремиться за ними вослед, лишь услышит трубу боевую.
Зевс свидетель, что я представлять не хотел Сфенебей, да и Федр[25]-потаскушек,
И не скажет никто, чтобы где-нибудь я образ женщины создал влюбленной.

Еврипид

Зевс свидетель, ведь ты Афродиты не знал совершенно.

Эсхил

И знать не желаю!
Но за то на тебя и на близких твоих Афродита не раз нападала,
Сокрушила она и тебя самого.

Дионис

Видит Зевс, это сущая правда!
Что о женах чужих ты всегда сочинял, то тебя самого и постигло.

Еврипид

Чем, скажи, нечестивый, могли повредить государству
мои Сфенебеи?

Эсхил

Ведь достойным супругам достойных мужей ты губительный
яд приготовил:
Столь позорным считали увидеть они представление
Беллерофонтов.

Еврипид

Ведь не я же преданье о Федре сложил? Оно ранее
создано было.

Эсхил

Видит Зевс, это верно, но надо скрывать все позорные
вещи поэтам
И на сцену не следует их выводить, уделять им вниманья
не надо.
Как учитель детей наставляет на ум, так людей уже
взрослых — поэты.
Лишь полезное должен поэт прославлять.

Еврипид

Если ж слово твое Ликабетты[26]
Да Парнассы размером своим превзошло, ты прекрасному
нас поучаешь?
Быть должно человеческим слово твое!

Эсхил

Неизбежно ведь это, несчастный,
Чтоб для мыслей великих и доблестных дел создавались
высокие речи.
Да и кроме того, полубоги всегда говорят только
слогом высоким,
И одежда у них, если с нашей сравнить, и гораздо
пышней и богаче.
Это всё хорошо показал я, а ты всё испортил.

Еврипид

Но что же я сделал?

Эсхил

Да, во-первых, царей ты в лохмотья одел, чтобы жалкий
их вид состраданье
Мог в сердцах у людей вызывать.

Еврипид

Но скажи, что же этим я сделал
худого?

Эсхил

Быть не хочет никто триерархом[27] теперь из богатых
по этой причине,
Но, одевшись в лохмотья, он в голос ревет и кричит,
что всегда голодает.

Дионис

Но, Деметрой клянусь, под плащом у него есть рубашка
из шерсти отличной,
И едва он слезами обманет народ, направляется к
рыбному ряду.

Эсхил

И потом в болтовне упражняться пустой, в празднословии
всех обучил ты.
Потому опустели палестры совсем и изнежились юноши
наши,
Вздор болтают, сидят, протирая зады; и теперь уже всё
Побережье
И начальству и старшим перечит во всем. А они, когда
жил я на свете,
Не умели другого, как только поесть да воскликнуть:
«Наляжем на весла!»

Дионис

Да, клянусь Аполлоном и, ветер пустить прямо в рыло
гребцу помоложе,
И презрительно с ним обойтись за столом, да по берегу
грабить прохожих.
А теперь в словопреньях дошли до того, что гребут
то туда, то обратно.

Эсхил

Вот за сколько несчастий ему отвечать!
Он и сводней на сцене показывал нам,
И девиц, что в священных рожали стенах,
И девиц, что блудили хоть с братом родным
И твердили, что жизнь — это вовсе не жизнь.
От несчастий таких наш город родной
Крючкотворами полон теперь до краев
И толпою лукавых, негодных льстецов,

Надувающих вечно несчастный народ.
Да и факел никто не сумеет нести:
Позабыли гимнасии нынче.

Дионис

Видит Зевс, не сумеет! Смеялся до слез
Я на Панафинеях недавно, когда
Человечек один, весь согнувшись, бежал;
Был он белый да жирный, намного отстал,
А старался-то как! И в воротах потом
У Керамика стали его колотить
И в живот, и в бока, и под ребра, и в зад,
А уж он-то под градом ударов таких
Только ветер пускал
И свой факел задул, убегая.

Строфа б

Первое полухорие

В этом деле спор немалый, бой жестокий закипел!
Не легко нам разобраться: нападает смело первый,
А другой увертлив, может он противника отбить.
Не сидите же на месте.
Есть еще других немало ловких выпадов в борьбе.
То, о чем сказать хотите,
Обсудите и поспорьте
Об искусстве старом, новом,
Да рискните поумнее
И потоньше говорить!

Антистрофа б

Второе полухорие

Если ж вы еще боитесь, как бы не нашлось невежд
Среди зрителей, боитесь — тонкость речи не постигнуть,
Пусть вас это не тревожит, времена теперь не те!
Здесь сидит народ бывалый,
Каждый с книжкою под мышкой, каждый опытный судья.
От рождения способны,
Да еще и научились.
Вам ведь нечего бояться,
Говорите, что хотите:
Зритель — умница большой.

Еврипид

Сначала обращусь к твоим прологам,
Чтоб часть трагедий первую теперь
И рассмотреть и критике подвергнуть:
Они темны при изложенье дел.

Дионис

Какой пролог проверишь?

Еврипид

Что придется:
Из «Орестеи» первый прочитай!

Дионис

Так пусть умолкнут все! Эсхил, читай нам!

Эсхил

«Гермес подземный, страж отцовской власти,
Молю, спаситель будь мне и союзник!
Ведь я иду в сей край и возвращаюсь».

Дионис

Что здесь плохого?

Еврипид

Дюжина ошибок!

Дионис

Да тут всего ведь только три стиха!

Еврипид

Но в каждом есть по двадцати ошибок.

(Эсхил пытается возразить.)

Дионис

Эсхил, молчи, не то остерегись:
Он в трех стихах найдет грехов немало.

Эсхил

Молчать? Пред ним?

Дионис

Да, если мне послушен!

Еврипид

Чуть начал — и наврал он до небес.

Эсхил

Что ты болтаешь?

Еврипид

Что придет на ум!

Эсхил

Ошибки в чем?

Еврипид

Начни опять сначала!

Эсхил

«Гермес подземный, страж отцовской власти!»

Еврипид

Ведь так Орест над гробом говорит
Умершего отца?

Эсхил

Не спорю, правда.

Еврипид

Но как же он Гермеса — ведь отец
Пал жертвой козней, от руки жены —
Мог называть отцовской власти стражем?

Эсхил

Гермеса благодетеля подземным
Он называл Гермесом, поясняя,
Что от отца ему досталась власть.

Еврипид

Еще грубей ошибка, чем я думал,
Когда отцовским был подземный трон...

Дионис

Так, значит, был Орест гробокопатель.

Эсхил

Ты, Дионис, пытаешься острить!

Дионис

(Эсхилу)

Ну, продолжай!

(Еврипиду)

А ты ищи ошибки!

Эсхил

«Молю, спаситель буть мне и соратник!
Ведь я иду в сей край и возвращаюсь».

Еврипид

Два раза он одно и то же молвил.

Дионис

Два раза? Как?

Еврипид

Послушай, объясню!
Иду, он говорит, и возвращаюсь.
Иду ж и возвращаюсь — всё одно.

Дионис

Да, видит Зевс, как если бы сказать:
Сосед, подай мне чашку или миску!

Эсхил

Нет, не одно и то же, пустозвон.
Всё сказано и правильно и точно.

Еврипид

Как? Объясни мне, что ты говоришь!

Эсхил

Идет в страну, кто родину имеет
И кто разлуки с ней не испытал,
А изгнанный приходит, возвращаясь.

Дионис

Прекрасно, видит Феб!

(Еврипиду)

А ты что скажешь?

Еврипид

Скажу, Орест домой не возвращался,
А прибыл тайно, не спросив властей.

Дионис

Гермес свидетель, ловко, но не ясно!

Еврипид

Ну, стих другой скажи!

Дионис

Скажи скорее,

Эсхил

(Еврипиду)

А ты ошибки замечай!

Эсхил

«Зову отца я на холме могильном:
«Услышь, внемли!»

Еврипид

Опять одно и то же:
Услышь, внемли — одно и то же, ясно.

Дионис

Он с мертвым говорит, негодный ты,
А их и трижды звать — не дозовешься.

(Еврипиду)

А ты писал прологи как?

Еврипид

Скажу,
И, если ты заметишь повторенья
Иль слог один без смысла, плюнь в глаза!

Дионис

Ну, говори! Ведь я услышать должен,
Что за слова в прологах у тебя.

Еврипид

«Сперва Эдип счастливым мужем был...»

Дионис

Нет, Зевс свидетель, от роду несчастным!
И не родился тот, а Феб уже
Предрек, что должен он отца убить.
Так разве мог он быть вначале счастлив?

Еврипид

«Потом он стал несчастнейшим из смертных...»

Эсхил

Клянуся Зевсом, нет — всегда им был
И стать не мог; едва лишь он родился,
Его зимой подбросили в горшке,
Чтоб, выросши, не стал отцеубийцей.
Потом, хромой, он ковылял к Полибу,
Женился на старухе, молод сам,
К тому же он на матери женился
И ослепил себя затем.

Дионис

Вот счастье!
Уж лучше б шел с Эрасинидом в бой!

Еврипид

Все врешь. Прологи я пишу неплохо.

Эсхил

Свидетель Зевс, не стану по словцу
Трепать твои стихи; но если боги
Помогут — все флакончиком побью!

Еврипид

Флакончиком? Мои?

Эсхил

Одним-единым!
Ты пишешь так, что подойдет вполне
Хоть шкурка, хоть флакончик, хоть мешочек
К твоим стихам. Сейчас я докажу.

Еврипид

Докажешь? Ты?

Эсхил

Бесспорно.

Дионис

Говори же!

Еврипид

«Египет, как везде пошла молва,
С полсотней сыновей на корабле
Прибыв в Аргос...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Дионис

Что за флакончик это? Чтоб он лопнул!
Скажи другой пролог! Пускай он судит!

Еврипид

«Бог Дионис, в оленьей шкуре с тирсом
При свете факелов в Парнасских скалах
Ведущий хор...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Дионис

Ох, мы опять флакончиком побиты!

Еврипид

Ну не беда! Уж в этот мой пролог
Он ни за что флакончика не всунет.
«Нет смертного счастливого во всём:
Кто знатен родом, часто голодает,
Безродный, тот...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Дионис

Друг Еврипид!

Еврипид

Ну что?

Дионис

Спусти-ка парус!
Флакончик этот бурею грозит.

Еврипид

Клянусь Деметрой, не помыслю даже!
Сейчас я тот флакончик разобью.

Дионис

Ну, говори, да берегись флакона.

Еврипид

«Сидонский замок древле Кадм покинув
Агенорид...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Дионис

Бедняга, ты купи флакончик этот,
Чтоб не побил прологов он у нас!

Еврипид

Мне у него купить?

Дионис

И не упрямься!

Еврипид

Нет, есть еще пролог и не один,
Куда уж он флакончика не всунет.
«Тантала сын, Пелоп на конях в Пису
Примчавшийся...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Дионис

Гляди, опять он применил флакончик!
Но, милый мой, продай его скорее —
Ты за обол себе найдешь другой!

Еврипид

Нет, видит Зевс, еще прологов много!
«Эней с полей...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Еврипид

Ты дай сперва хоть стих промолвить целый!
«Эней, с полей сняв урожай обильный,
Молясь богам...»

Эсхил

Флакончик потерял.

Дионис

Молясь богам? Да кто ж его похитил?

Еврипид

(Дионису)

Оставь, мой друг! Я вот что прочитаю:
«Великий Зевс, как истина глаголет...»

Дионис

Стой! Скажет он: флакончик потерял.
Флакончик так пристал к твоим прологам,
Как на глазах больных сидит ячмень...
Призвав богов, ты песнь его исследуй!

Еврипид

Я докажу, что он поэт плохой, —
Одни и те же песни повторяет.

Строфа 7

Первое полухорие

Что ж теперь предпримет он?
Надо подумать крепко о том,
В какой он вине упрекнет
Мужа, так много творившего,
Лучшие песни создавшего
Из существующих песен?
И удивляюсь я, как же
Этого вдруг обличит он,
Вакховой силы поэта,
И трепещу за него я.

Еврипид

Да, превосходны песни! Вот увидишь,
Я все напевы к одному сведу.

Дионис

А я, взяв камушки, займусь подсчетом.

Еврипид

(поет в сопровождении флейты)

«О Ахиллес Фтиотийский, внимая губительной брани,
Что утомленным ты не поспешаешь на помощь?
Предка Гермеса мы чтим, Стимфалийского озера племя,
Что утомленным ты не поспешаешь на помощь?»

Дионис

Два утомленных, Эсхил, за тобой!

Еврипид

«Славный ахеец, внемли, многоцарственный отрок Атрея!
Что утомленным ты не поспешаешь на помощь?»

Дионис

Еще утомленный, Эсхил, за тобой!

Еврипид

«Тише! Откроют сейчас же прислужницы храм Артемиды.
Что утомленным ты не поспешаешь на помощь?
Властен мужам пожелать я надежд и дороги счастливой,
Что утомленным ты не поспешаешь на помощь?»

Дионис

Владыка Зевс! Как много утомленных!
Сказать по правде, в баню я хочу:
От утомленных печень распухает.

Еврипид

Ты песенный другой послушай строй,
Сработанный из номов под кифару!

Дионис

Ну, начинай, без утомленных лишь!

Еврипид

(цитирует)

«Как у ахеян двутронная власть, молодежь всей Эллады...
Флаттофраттофлаттофрат.
Сфинкса послал он, дней грозных предвестницу, птицу...

Флаттофраттофлаттофрат.
С пикой она и десницей карающей, грозная птица...
Флаттофраттофлаттофрат.
Ждет он с бесстыдными псами, в эфире парящими, встречи...
Флаттофраттофлаттофрат.
Сомкнулись ряды над Аяксом...
Флаттофраттофлаттофрат».

Дионис

Это что за «Флаттофрат»? Из Марафона?
Канатчика ты песню затянул.

Эсхил

Я из прекрасного в прекрасное
Их перенес, чтоб на лугу одном
Нам с Фринихом-поэтом[28] не топтаться.
А он, как девка, натаскал сюда
Песнь Карии, застольные Мелета[29],
Рыданья, пляски. Докажу сейчас.
Несите лиру! Впрочем, не нужна
Здесь лира. Подавайте мне трещотку
И бубенцы. О, муза Еврипида,
Под грохот надо песню петь твою!

Выходит исполнительница на бубне, обнаженная.

Дионис

Нет, с Лесбосом не зналась эта Муза[30].

Эсхил

(поет)

«Ваш, зимородки, у моря вечно живого
Щебет летит над волнами.
Вы обдаете прозрачными
Каплями крылья и тело.
А в уголках под крышей
Ме-е-е-е-дленно вьют пауки паутину,
Нити свои тягучие,
Лапками ткань создавая.
Под звуки флейт заиграл дельфин,
Неся за кормой темно-синею
Пророчества и расстояния...
Лоза, краса виноградника,
Гроздьями скорби целящая...
Дитя обними ручонками!»
Видишь, что за размер?

Дионис

Ну да!

Эсхил

Этот видишь ли стих?

Дионис

Ну да!

Эсхил

Такие вещи пишешь ты,
А наши смеешь порицать?
На двадцать поз Кирены все
Твои похожи песни!
Вот каковы они, но я хочу еще
Исследовать размер твоих монодий.[31]

(Поет)

«О черный сумрак ночи,
Какой ты сон несчастный
Шлешь из неведомой тьмы,
Из глубины Аида?
Сердце его бессердечно,
Он порождение ночи,
И страшно такое виденье
В мертвенно-черных одеждах,
С взором кровавым, кровавым.
Простершее грозные когти.
Живо зажгите светильник, прислужницы,
Черпайте влагу речную кувшинами, воду нагрейте,
Чтобы от этого сна мне отмыться!
О госпожа богиня!
Вы, соседи, смотрите все!
Что за напасть: схватив петуха,
Глика бежала.
Горнорожденные нимфы!
Ты, Маний, держи ее!
Я-то, несчастная,
Вся погрузилась в работу,
С веретеном все сижу я,
Ни-и-и-ти свивая
В круглый клубок,
Чтобы с зарею на рынок
Выйти продать.
А он упорхнул, упорхнул в Эфир

На крыльях своих воздушных,
Скорби, скорби оставив мне.
Слезы из глаз я, слезы
Роняла, роняла, несчастная.
Критяне, дети Иды,
Луки схватив, помогите,
Быстро кольцом окружите весь дом!
Ты, Артемида,
Охотница дивная,
С множеством псов обойди дом отовсюду!
Ты же, дочь Зевса, светильник двойной,
Яркий, Геката, подъемли рукой,
Чтобы я Глику
В доме поймала с поличным»!

Дионис

Довольно песен!

Эсхил

Мне уж надоело.
Хочу его я взвесить на весах.
Искусство наше оценить возможно,
Коль испытаешь вес самих речей.

Дионис

Сюда идите, ведь придется мне
Поэтов взвесить, словно сыр на рынке!

На орхестру вносят гигантские весы.

Антистрофа 7

Второе полухорие

Ум на выдумки горазд!
Вот и другое чудо идет,
Новое дивное диво
Кто мог придумать такое?
Клясться готов, если б это
Кто-нибудь встречный сказал,
Я б не поверил, подумав:
Он говорит чепуху.

Дионис

Так становитесь у весов!

Еврипиди Эсхил

Ну, стали.

(Становятся с обеих сторон.)

Дионис

Пусть каждый скажет стих, держа весы
До той поры, пока ку-ку не крикну!

Эсхил и Еврипид

Ну, держимся.

Дионис

Скажите ж по стиху.

Еврипид

«Когда б не мчался так корабль Арго!..»

Эсхил

«Поток Сперхей, и пастбища скота!»

Дионис

Ку-ку!

Эсхил и Еврипид

Пустили.

Дионис

И намного ниже
Эсхила чашка.

Еврипид

Что ж тому виной?

Дионис

Он реку положил, как продавец,
Что шерсть свою водой для веса мочит,
А ты сюда вложил крылатый стих.

Еврипид

Пускай еще другой он стих поставит!

Дионис

Беритесь оба!

Эсхил и Еврипид

Взялись!

Дионис

Говори!

Еврипид

«Нет у Пейфо святыни, кроме слова».

Эсхил

«Из всех богов даров не терпит — смерть».

Дионис

Пускайте!

Эсхил и Еврипид

Есть!

Дионис

Опять Эсхила ниже:
Он смерть вложил, тягчайшую из бед.

Еврипид

А я Пейфо, прекраснейшее слово.

Дионис

Легка Пейфо и мысли лишена.
Найди-ка стих еще, потяжелее,
Чтоб чаша перевесила твоя!

Еврипид

Какой же стих? Откуда?

Дионис

Подскажу я:
«Метнул Ахилл две кости и четыре».
В последний раз мы взвесим. Говорите.

Еврипид

«Железную он палицу схватил».

Эсхил

«На трупе труп, повозка на повозке».

Дионис

Опять тебя надул он.

Еврипид

Как же так?

Дионис

Повозки две, два трупа он поставил;
Египтян сотня не поднимет их.

Эсхил

Не по отдельным ты стихам суди;
Лезь на весы с женой, с Кефисофонтом,
С детьми садись, все книги прихвати,
А я лишь два моих стиха промолвлю.

Входит Плутон.

Дионис

Моим друзьям судьей не стану я.
Ни одному из них врагом не буду.
Один — мудрец, другой — отрада мне.

Плутон

Не выполнишь того, за чем явился?

Дионис

А если да?

Плутон

Тогда бери любого,
Кого решишь, чтоб не уйти ни с чем!

Дионис

Будь счастлив, друг! Так слушайте меня!
Сошел я за поэтом.

Еврипид

Для чего же?

Дионис

Чтоб, спасшись, город хороводы вел.
И, кто из двух даст городу совет
Полезнее, того возьму с собою.
Во-первых, об Алкивиаде[32] я
Спрошу у вас, ведь им болеет город.

Еврипид

А что о нем он думает?

Дионис

Как, что?
Тоскует, ненавидит, но стремится.
Но ваше мненье объявите мне!

Еврипид

Нет, тот не гражданин, кто не спешит
Помочь отчизне, торопясь вредить ей.
Себе — все блага, городу — весь вред.

Дионис

Прекрасно, Посидон! А ты что скажешь?

Эсхил

Не надо львенка в городе кормить,
А вырос он, так надо подчиниться.

Дионис

Спаситель Зевс, не знаю, как тут быть!
Да, тот красно сказал, а этот ясно.
Лишь об одном пусть каждый скажет мне —
В чем видит он для города спасенье.

Еврипид

Кинесья крылья Клеориту дай,
И понесет их ветер над волнами.

Дионис

Ну, был бы смех! Но в чем же мысль твоя?

Еврипид

Когда б они сражались на судах,
То кислотой в глаза врагам плеснули!
Я знаю и хочу сказать.

Дионис

Скажи!

Еврипид

«Сочтем когда мы верное неверным,
Неверное же верным...»

Дионис

Не пойму.
Ты говори попроще, пояснее!

Еврипид

Коль гражданам, которым верим мы,
Не верить больше, тем же, кто в загоне,
Дорогу дать, спасемся, может быть.
Уж, если мы сейчас страдаем, верно,
Спасемся, поступив наоборот.

Дионис

Прекрасно, Паламед, мудрец великий!
Кефисофонт иль ты придумал так?

Еврипид

Я выдумал, Кефисофонт сострил.

Дионис

(Эсхилу)

Что скажешь ты?

Эсхил

Сначала мне ответь,
В Афинах правит кто? Народ достойный?

Дионис

Нет, он в загоне.

Эсхил

А в почете дрянь?

Дионис

Да не в почете, поневоле это.

Эсхил

Но как же город этакий спасти?
Ни плащ ему, ни шкура не подходит.

Дионис

Придумай, если хочешь вновь на землю!

Эсхил

Сказал бы там, а здесь желанья нет.

Дионис

О нет, ты должен здесь принять решенье!

Эсхил

Пусть землю неприятеля сочтут
Своей землей, свою же землю вражьей,
Расход в доходах, а доход в морях!

Дионис

Но весь доход один судья проглотит!

Плутон

Решай скорей!

Дионис

Решенье таково:
Возьму того, кого душа желает.

Еврипид

Богов припомни, ими клялся ты
Меня на землю взять, возьми же друга!

Дионис

«Язык клялся»[33], но выбран мной Эсхил.

Еврипид

Что сделал ты, негоднейший из смертных?

Дионис

Решил, что победил Эсхил. Ведь так?

Еврипид

Бесстыжий, мне в глаза смотреть дерзаешь?

Дионис

Да в чем же стыд? И зритель мыслит так.

Еврипид

Злодей, ты что ж, меня оставишь мертвым?

Дионис

Как знать, а вдруг и жизнь и смерть — одно.
Дыхание — закуска, сон — подстилка.

Плутон

Прошу, ко мне войдите!

Дионис

Для чего?

Плутон

Хочу вас угостить перед отплытьем.

Дионис

Прекрасно! Видит Зевс, не откажусь.

(*Уходят во дворец Плутона.*)

Эксод

Строфа 8

Первое полухорие

Счастлив человек, имея
Тонкий и способный ум.
Знаю много я примеров.
Всеми признанный достойным,
Возвратится он домой
Всем согражданам на благо
И родным, себе на радость,
И друзьям — из-за того,
Что имеет светлый разум.

Антистрофа 8

Второе полухорие

Хорошо, кто не с Сократом
Вместе занят болтовней,
Позабыв про долг высокий,
Изменив искусству, Музам
И трагедии самой!
А в словах высокопарных,
В болтовне пустопорожней
Время праздно убивать —
Признак явного безумья.

Из дворца выходят Плутон, Эсхил и Дионис.

Плутон

Ликуй же, Эсхил, и на землю вернись,
И наш город родимый — Афины спасай.

Силой добрых советов воспитывай там
Неразумных людей, — их большое число.
Клеофонту снеси-ка вот этот кинжал,
Кто взимает налоги, тем петлю отдай,
Никомаху[34] с Мирмеком ее подари:
Этот яд от меня Археному[35] вручи!
Да скажи, чтоб явились немедля ко мне
И не мешкали более там, на земле.
А если не явятся вскоре, то я
Аполлоном клянусь, их отмечу клеймом
И, связав по ногам,
С Адимантом[36], сыном Левколофа, их всех
Отправлю под землю тотчас же.

Эсхил

Так и сделаю я. Ты же кресло мое
Поручи без меня здесь Софоклу беречь,
Мне его сохранить, ведь придется опять
Возвращаться сюда. А Софокла вторым
Из поэтов считаю по мудрости я!
И запомни, чтоб тот нечестивый злодей,
И обманщик, и лгун, и негодный фигляр
Никогда бы на кресло на это мое
Не посмел своевольно усесться!

Плутон

Зажигайте священные факелы вы,
Чтоб Эсхила на землю сейчас проводить.
Он уходит, и песней прославим его
Из его же напевов чудесных!

Корифей

Боги подземного царства, поэту даруйте счастливо
Пусть совершится, чтобы он возвратился спокойно на землю.
Городу нашему счастья и всяческих благ пожелаем.
Так поступив, от великих сумеем избавиться бедствий,
Воинских сборов с оружием. А Клеофонт и другие,
Если затеют войну, пусть дерутся на собственных землях!

(*Актеры и хор покидают орхестру.*)

(Перевод Ю. Шульца)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Комедия написана в 405 г. до н. э. вскоре после смерти Еврипида. Спор между Еврипидом и Эсхилом ставит важные проблемы, затрагивающие общественную роль искусства, и в частности, герои-

ческой трагедии. [2]*Фриних, Ликий, Амипсий* — современные Аристофану комедиографы. Рабы, участвовавшие в сражении при Аргинузских островах, были отпущены на свободу. [4]*Молон* — актер, отличавшийся высоким ростом. [5]*Иофонт* — трагический поэт, сын Софокла. [6]*Агафон* — трагический поэт, переселившийся к этому времени в Македонию. [7]*Ксенокл, Пифангел* — трагические поэты. [8]*Цикута* — яд. [9]*Керамик* — пригород Афин. [10]*Пиррриха* — танец. [11]*Кинесий* — афинский дифирамбический поэт. [12]*Морсим* — поэт. [13]*Клеофонт* — один из вождей афинской демократии, был обвинен в незаконном присвоении гражданства. [14]*Фриних* — один из вождей олигархической группировки (400 тиранов), захвативших власть в Афинах. [15]*Кимолийская земля* — известняк с о. Кимолоса. [16]*Талант* — мера веса (26,2 *кг*). [17]Подземным богам в жертву приносились животные черного цвета. [18]*Фриних* — один из первых трагических поэтов, старший современник Эсхила. [19]*Филоксен, Эрикс* — неизвестные лица. [20]*Кефисофонт* — друг Еврипида. [21]*Клитофонт* — аристократ. [22]*Ферамен* — родился на о. Кеосе. Хиосцы считались хитрецами. [23]*Пантакл* — неизвестное лицо. [24]*Ламах* — афинский полководец, осмеянный Аристофаном в «Ахарнянах». [25]*Сфенебея, Федра* — героини трагедий Еврипида (Сфенебея оклеветала Беллерофонта, Федра — Ипполита, отказавшихся разделить их любовь). [26]*Ликабет* — гора в Аттике. [27]*Триерарх* — начальник триеры корабля, строивший ее на свои собственные средства. [28]*Фриних* — трагический поэт. См. примечание 18. [29]*Мелет* — трагический поэт, современник Аристофана. [30]Имеется в виду поэт Терпандр родом с Лесбоса, или вообще лесбосская лирика. [31]*Монодия* — сольная ария актера в трагедии. [32]*Алкивиад* — известный политический и военный деятель конца V в. в Афинах, политический авантюрист. Возвращенный из изгнания в 406 г. до н. э. не был избран в стратеги и удалился в свое имение в Херсонесе. [33]Пародия на стих Еврипида из трагедии Ипполит: «Язык мой клялся, сердце не клялось». [34]*Никомах* — член избранной в 410 г. комиссии для пересмотра законов. [35]*Мирмек, Археном* — неизвестные лица. [36]*Адимант* — друг Алкивиада.

Новоаттическая комедия

МЕНАНДР

(ок. 342—292 г. до н. э.)

Биография Менандра мало известна. Он родился в Афинах, происходил из знатного рода и, по словам древних его биографов, «был человеком блестящего рода и блестящей жизни». Он был дружен с философом Эпикуром, и известным политическим деятелем, философом и оратором Деметрием Фалерским. Менандр был широко известен во всем эллинском мире. Его хотели видеть при своем дворе правители Македонии и Египта, но он остался верен Афинам.

Менандр написал более ста комедий, но, по свидетельству древних авторов, одержал победу на драматических состязаниях только восемь раз. Менандр практически единственный представитель жанра новой

аттической комедии, произведения которого дошли до нас[1]. Новая аттическая комедия долгое время была известна лишь по римским обработкам Плавта и Теренция, и только в начале XX в. были найдены и опубликованы подлинные тексты Менандра (две трети комедии «Третейский суд», половина комедии «Остриженная»). В 1958 г. была напечатана открытая в 1956 г. единственная полностью сохранившаяся пьеса Менандра «Брюзга».

Жанр новой аттической комедии отразил те существенные перемены в общественном сознании и социальном укладе, которые произошли в Афинах в IV в. до н. э. после утраты ими ведущей политической роли в эллинском мире, а затем — и политической самостоятельности. Изменения в общественной жизни привели к коренным переменам в театре — приходит в упадок жанр трагедии, меняет свой характер комедия, полностью утрачивая политическую направленность и сатирическую окраску, превращаясь в чисто бытовую комедию характеров и положений. В комедии этого типа выработался определенный круг сюжетов, вращающихся главным образом вокруг любовной интриги, появились традиционные персонажи — маски: влюбленный юноша, старый скупой отец, умный и ловкий раб, воин, парасит, сводник, девушка, освобождаемая от власти сводника, и т. п.

Менандр приобрел славу великого драматурга своим великолепным владением искусством психологической характеристики, позволяющим ему создавать индивидуализированные человеческие характеры, придавая традиционным маскам подлинно человеческие черты, разнообразить и углублять условные типажи театра масок. Современники говорили об исключительной жизненной достоверности комедий Менандра. Известны слова античного филолога: «О Менандр и жизнь! Кто из вас кому подражал?» Пьесы Менандра отмечены глубоко гуманистическим звучанием, гуманным отношением к человеку в духе этических взглядов философа Эпикура. Менандр пользовался в античности огромной популярностью, очень широко были распространены сборники его изречений (цитат из комедий), известные и в древней Руси. Комедия Менандра оказала большое влияние на последующее развитие мировой драматургии, прежде всего через римскую комедию, а через нее — и на всю европейскую.

Переводы комедий Менандра:

Менандр. Комедии. Город. Мимиамбы/Пер. Г. Ф. Церетели и С. Апта. М., 1964.

Менандр. Комедии. Фрагменты/Изд. подготовил В. Н. Ярхо. М., 1982.

Литература о Менандре:

Ярхо В. Н. У истоков европейской комедии. М., 1979.

В антологии текст комедии «Брюзга» приводится по изданию: *Менандр.* Комедии. Фрагменты. М., 1982.

---

[1] Новая аттическая комедия появилась к концу IV в. до н. э., придя на смену средней аттической комедии, от которой до нас не дошло ни одного произведения.

БРЮЗГА

Краткое изложение Грамматика Аристофана

Один брюзга, женившийся на женщине,
Уже имевшей сына, был за скверный нрав
Женой покинут и в деревне дочь растил.
Без памяти влюбленный в эту девушку,
Просить ее руки к брюзге Сострат пришел,
Но тот его — долой. Он к брату с просьбою —
А брат помочь не может. Вдруг возьми Кнемон
Да упади в колодец. Тут и выручи
Брюзгу Сострат. И вот старик, на радостях,
С женою помирился, за влюбленного
Дочь отдал замуж, пасынку же Горгию
Сестру Состратa, смилостившись, в жены взял.

Менандр поставил эту пьесу на Ленеях, в архонство Демогена, и одержал победу. В главной роли выступил Аристодем из Скарфы. Комедия имеет и другое название «Человеконенавистник».

Действующие лица:

Пан, бог.
Хэрея, парасит.
Сострат, влюбленный.
Пиррий, раб.
Кнемон, отец.
Девушка, дочь Кнемона.
Дав, раб Горгия.
Горгий, пасынок Кнемона.
Сикон, повар.
Гета, раб.
Женщина, мать Состратa.
Планго, его сестра (без слов).
Парфенида, флейтистка (без слов).
Симиха, старуха.
Миррина, мать Горгия (без слов).
Каллипид, отец Состратa.

Сцена представляет собой сельскую местность в Аттике. Видны дома Кнемона и Горгия и вход в пещеру — святилище Пана и нимф.

Действие первое

Из святилища выходит Пан.

Пан

(*к зрителям*)

Условимся, что это Фила в Аттике,
А та пещера, из которой вышел я,

Слывет великим храмом нимф у жителей
Скалистых этих и неплодородных мест.
А справа там — усадьба, где хозяином
Кнемон, крутой старик, из бирюков бирюк,
На всех он зол и людям никогда не рад.
Да что там рад! Ведь он словечка доброго
За весь свой долгий век и то не вымолвил
И первым никогда не заводил речей
Ни с кем — ну, разве — как-никак соседи мы —
Со мною, с Паном. Да и в этом тотчас же
Раскаивался, знаю. И такой брюзга
Взял женщину, недавно овдовевшую,
Себе в супруги, хоть от брака первого
Сын у нее остался, — тот был мал тогда.
Прескверно жил Кнемон. С женой он ссорился
Добро бы только днем — так нет, ухватывал
Часок и ночью. А с рожденьем доченьки
Совсем житья не стало. Горе горькое!
Беда такая, что и передать нельзя!
Пришлось жене в свой прежний возвратиться дом,
Где оставался сын ее: усадебку
Имел он по соседству, небольшой надел,
Которым, хоть и впроголодь, а кормятся
Теперь и сам, и мать, и, дому преданный,
Еще отцовский раб. Сынок стал юношей
Большого, зрелого не по годам ума:
Ведь лучшая наука — опыт жизненный!
Ну, а старик — он с дочерью один теперь
Да со служанкой старой. Все в трудах, в трудах:
То по дрова, то в поле. Всех решительно —
Жену, соседей, вплоть до дальних, в Хóларге,
Он люто ненавидит. Что ж до девушки,
То ей такое воспитанье впрок пошло:
Греха не знает. И меня почтительным
Радением о близких мне и родственных
Богинях-нимфах побудила девушка
Ей тоже порадеть. И вот устроил я,
Чтоб юноша один, — он сын богатого
Землевладельца здешнего и в городе
Всю жизнь провел, — чтоб, на охоту идучи,
Сюда случайно завернул с товарищем
И, девушку увидев, полюбил ее.
Вот существо событий. А подробности
Вольно самим увидеть. Соизвольте лишь!

Со стороны города появляется Состратиз и Хэрея.

Да кстати, легки на помине, вот они —
Влюбленный и приятель с ним, охотники, —
Как раз об этом деле разговор ведут,

(*Уходит в святилище.*)

Хэрея

Итак, Состратиз, ты девушку свободную
Увидел здесь — венки она плела для нимф —
И сразу же влюбился?

Состратиз

Сразу.

Хэрея

Быстро как!
Видать, влюбиться ты решил заранее.

Состратиз

Тебе смешно, а я-то ведь в беду попал.

Хэрея

Охотно верю.

Состратиз

Потому и помощи
Твоей прошу: ты друг мне и собаку съел
В делах подобных.

Хэрея

Да, Состратиз, в таких делах
Я вот каков. Положим, друг мой влюбится
В гетеру. Что тут делать? Поджигаю дом,
Краду ее немедленно, я времени
Не трачу на расспросы: лишь бы был успех!
Любовь растет от ожиданья долгого
И быстро гаснет, быстро получив свое.
Иначе я веду себя, коль речь идет
О браке со свободной: тут уж выясню
Род, состоянье, нрав ее. Ведь как ни кинь,

А другу до скончанья дней запомнится
Мое решенье дела.

Состра т

Это верно все.

(В сторону)

Да радости мне мало.

Хэрея

Вот и надо нам
Все разузнать сначала.

Состра т

Утром из дому
Я Пиррия-раба — мы с ним охотились —
Уже послал сюда.

Хэрея

К кому?

Состра т

К отцу ее
Или, вернее, вообще к хозяину
Усадьбы этой, кто б он ни был.

Хэрея

О Геракл!
Вот это новость!

Состра т

Я сглупил. Не стоило
Рабу такое доверять. Но трудно ведь,
Когда влюблен ты, действовать обдуманно.
Однако он замешкался. Давно уже
Пора ему вернуться: было велено,
Чтоб сразу шел домой, как разузнает все.

Со стороны усадьбы Кнемона на сцену вбегает Пиррий.

Пиррий

Прочь! Берегись! Беги скорей, покуда цел!
Как бешеный, он гонится!

Состра т

Да что с тобой?

Пиррий

Бегите!

Состратт

Что такое?

Пиррий

Закидал меня
Землей, камнями. Горе мне!

Состратт

Куда, злодей?

Пиррий

Отстал он, бешеный?

Состратт

Ну да.

Пиррий

Совсем?

Состратт

О чем
Ты говоришь?

Пиррий

Молю тебя, бежим!

Состратт

Куда?

Пиррий

Куда угодно, только бы подалее
От этой двери. То ли черножелчием
Страдает он, — о горе! — то ли бес какой
Попутал человека, в дом которого
Я, как назло́, был послан. На ногах ссадил
Себе я пальцы, спотыкаясь.

Состратт

Стало быть...

Пиррий

Чуть не убил меня. Сюда, наверное...

Сострат

Наверное, ты струсил...

Пиррий

Я пропал совсем,
Погиб я, барин. И тебе советую:
Поберегись. Ох, отдышаться дай сперва.
Все объясню. Так вот, я постучался в дверь,
Хозяина спросил. Карга какая-то
Выходит и отсюда, где сейчас стою,
Указывает вон на тот пригорочек.
Гляжу туда и вижу: препаршивые
Он груши собирает.

Хэрея

(*Сострату*)

То-то злой такой!

(*Пиррию*)

И что ж, голубчик, дальше?

Пиррий

На усадьбу я
Иду к нему и этак скромно, издали,
Ну как нельзя учтивей и приветливей,
Речь завожу и говорю: «По важному,
Отец, по делу, что тебя касается,
К тебе пришел я». В крик он сразу: «Ах злодей,
Да как же ты, такой-сякой, осмелился
Ступить на мой участок?» И без промаха
Комком земли в лицо мне изо всех-то сил!

Хэрея

Ах, пропади ты!

Пиррий

Не успел я вымолвить:
«Чтоб Посейдон тебя», он жердь предлинную
Схватил и стал учить меня. «У нас с тобой
Какие могут быть дела? Забудь, кричит.
Ко мне дорогу!»

Хэрея

Видно, окончательно
Рехнулся земледелец.

Пиррий

Он бежал за мной
Ну добрых полтора десятка стадиев,
Сперва вокруг пригорка, после — рощею,
И если под рукой другого не было,
То землю, камни, груши мне вослед кидал.
Такая дикость! Он злодей поистине,
Старик наш! — Умоляю, уходите.

Состратт

Трус!

Пиррий

Нет, вы его не знаете. Он мокрое
От вас оставит место.

Хэрея

Очень может быть,
Что нынче он не в духе. А поэтому,
Пожалуй, встречу лучше отложить, Состратт.
Любое дело надо делать, выбравши
Срок подходящий.

Пиррий

Верно!

Хэрея

Доброты не жди
От земледельца бедного. И наш старик —
Не исключенье. Завтра я чуть свет к нему
Схожу один, поговорю, тем более,
Что дом теперь я знаю. А пока ступай
Домой, Состратт, и жди. Все образуется.

(Уходит.)

Пиррий

Последуем совету!

Состратт

(*вслед Хэрею*)

Ишь как поводу
Он рад уйти. Ведь сразу было ясно: шел
Со мной он без охоты и намерений
Моих не одобрял.

(*Пиррию*)

Ты гнусный висельник,
И пусть пошлют тебе все боги правые
Собачью смерть.

Пиррий

Но в чем, Сострат, вина моя?

Сострат

Набедокурил кто-то там, наверное.

Пиррий

О чем ты! Я не крал.

Сострат

Избил, стало быть,
Тебя без основанья?

Со стороны усадьбы появляется Кнемон.

Пиррий

Вот и он идет.

(*В сторону Кнемона*)

Прощай, приятель.

(*Сострату*)

Сам с ним побеседуй ты!

(*Уходит.*)

Сострат

Нет, не могу! И так-то в красноречии
Я не силен. А тут не нахожу и слов.
Вид у него не очень-то приветливый,
Свидетель Зевс. И как спешит! Нет, лучше я
Посторонюсь от двери. Феб, он сам с собой
Вслух на ходу беседует. Мне кажется,
Он не в своем уме. Сказать по совести,
Я вне себя от страха. Что греха таить?

Кнемон

(*Входит, не замечая Сострата.*)

Ну, разве не был счастлив, и вдвойне притом,
Персей? Во-первых, обладая крыльями,
Он ото всех, кто землю топчет, скрыться мог,
А во-вторых, любого, кто в докуку был,

Мог в камень обратить. Вот если б мне теперь
Такой же дар! Лишь каменные статуи
Кругом стояли молча бы, куда ни глянь.
А то и жить нельзя, клянусь Асклепием!
Ведь до того дошло, что с разговорами
Ко мне на поле лезут. Я и так уже,
Спасаясь от прохожих надоедливых,
Свидетель Зевс, решил не обрабатывать
Часть поля, у дороги. Так они теперь —
Шасть на пригорок! Вот уж, право, спасу нет.

(Замечает Сострата.)

О горе, снова кто-то у дверей моих
Стоит, я вижу.

Сострат

(в сторону)

Неужели бить начнет?

Кнемон

Хотя бы даже ты решил повеситься,
И то нигде безлюдных не отыщешь мест.

Сострат

(в сторону)

Зол на меня.

(Кнемону)

Я жду, отец, приятеля:
Назначил встречу здесь.

Кнемон

Ну, вот, пожалуйста!
Что это, портик вам или торговый ряд?
Уж если вы свиданья назначаете
У дома моего, то поудобнее
Устраивайтесь: выстройте сидения,
А то и зал, пожалуй. О, несчастный я!
Как надоели люди, — просто мочи нет!

(Уходит в свой дом.)

Сострат

Да, это дело не из легких, видимо,
Не из простых. Здесь, милый мой, потрудишься.
Да как еще. А если сразу сбегать мне

За Гетою, рабом отца? Вот это мысль!
За что он ни возьмется, у него в руках
Горит любое дело. Он живехонько
Дурную эту хмурь со старика стряхнет!
Да, медлить при подобных обстоятельствах
Никак нельзя. Ведь многое меняется
И в день один. О боги, дверью хлопнули.

Из дома Кнемона выходит его дочь.

Дочь Кнемона

О горе мое, горе! О беда, беда!
Как быть теперь мне? Няня, воду черпая,
Ведро в колодец уронила.

Состpат

(*в сторону*)

Зевс-отец,
Феб-врачеватель, Диоскуры милые,
Как хороша она!

Дочь Кнемона

Домой придя, отец
Велел воды согреть мне.

Состpат

(*в сторону*)

Люди, как мне быть?

Дочь Кнемона

Узнает он о няниной оплошности —
Убьет старуху. Мешкать, видит Зевс, нельзя.
У вас воды взяла бы, нимфы милые,
Да помешать стесняюсь тем, кто, может быть,
Приносит жертву там!

Состpат

(*приближаясь к ней*)

Ты только дай кувшин
Я мигом наберу тебе полнехонький.

Дочь Кнемона

(*дает Состpату кувшин*)

Спасибо.

Сострат

Благородство есть какое-то
В дикарке этой. Боги многочтимые,
Кто бы меня от мук избавил?

(*Уходит в пещеру за водой.*)

Дочь Кнемона

Горе мне,
Я слышу шум. Мне кажется, отец идет,
Тогда беда: увидит — вышла из дому —
И быть мне битой.

Из дома Горгия выходит раб Дав. Первые слова он произносит в дверях, обращаясь к матери Горгия, которая находится внутри дома.

Дав

Все на побегушках я
Здесь у тебя. А землю он один копай!
Пойти к нему я должен. — Бедность мерзкая,
Зачем ты нас терзаешь столько лет подряд?
Зачем к нам в дом явилась и непрошеной
В нем поселилась гостьей?

Из пещеры выходит Сострат.

Сострат

(*дочери Кнемона*)

Вот кувшин с водой,
Возьми.

Дочь Кнемона

Давай сюда!

Дав

(*в сторону*)

Что нужно здесь ему?

Сострат

Держи, да знай получше за отцом ходи.

Дочь Кнемона уходит с кувшином в дом отца. Дав остается, наблюдая за Состратом.

Сострат

Как не везет мне! — Не горюй, Сострат:
Все обойдется.

Дав

Обойдется?

Сострат

Будь смелей,
Ступай скорей за Гетой, поподробнее
Все расскажи ему и с ним вернись назад.
(*Уходит.*)

Дав

Час от часу не легче! Дело скверное,
Добра не жди. Прислуживает девушке
Юнец какой-то. Я молю богов, Кнемон,
Чтобы тебе нелегкую послали смерть!
Ты оставляешь в полном одиночестве,
В безлюдном месте, без присмотра должного
Невинное дитя! Вот и проведал он,
Наверное, об этом, да и случаем
Воспользоваться рад. Нет, надо сразу же
Все брату рассказать ее, чтоб девушку
Заботливой опекой уберечь от зла.
Ну, что же, побегу к нему, тем более
Что вон и богомольцы Пана чествовать
Идут сюда, подвыпив, и, по-моему,
Сейчас не время с ними в разговор вступать.
(*Уходит.*)

Хоровая сцена

Действие второе

Дав возвращается вместе с Горгием.

Горгий

Ты, значит, в этом деле показал себя
Лентяем равнодушным?

Дав

Почему?

Горгий

О, Зевс!
Ты должен был поговорить с молодчиком,
Кто б ни был он, тогда же и сказать ему,
Чтоб навсегда дорогу к дому девушки

Забыл. А ты — в сторонку, словно это все
Дела чужие. Нет, от связей родственных
Нельзя отречься. Дав, и я по-прежнему
Забочусь о сестре. Пускай отец ее
К нам — как к чужим, а мы его злонравия
Перенимать не станем. Если грех какой
С моей сестрой случится, на меня падет
Ее позор. Ведь глазу постороннему
Не видно, кто виновен, а видна ему
Сама вина лишь.

Дав

Милый, старика боюсь.
Поймает вдруг у двери — и прости-прощай,
Повесит.

Горгий

Да, вступать с ним в словопрения —
Напрасный труд. Каким ни действуй способом —
Ни силу в ход пустив, ни уговорами —
(Его упорства злого) не сломить ничем.
Закон ему защита от насилия,
А от внушенья мирного — ужасный нрав.
(*Хочет уйти в поле.*)

Дав

Постой-ка, Горгий. Мы пришли не попусту:
Опять, как я и думал, он идет сюда.

Входит Состратт.

Горгий
(*Даву*)

Вот этот малый в тонком шерстяном плаще?

Дав

Он самый.

Горгий

Сразу видно по глазам — подлец.

Горгий и Дав отходят в сторону.

Состратт

Как на́зло, Гету дома не застал сейчас.
Мать жертву богу принести какому-то —

Не помню уж какому — собралась (она
Их каждый день приносит, все святилища
Подряд обходит в деме) и поэтому
Послала Гету повара нанять. А я
(Что мне до этой жертвы?) — я сюда пришел.
Довольно проволочек! Сам я выступлю
Ходатаем своим! Я постучу сейчас
В дверь к старику, чтоб больше не раздумывать.

Горгий

(*подходя к Сострату*)

Позволь, приятель, несколько серьезных слов
Сказать тебе.

Состpат

Пожалуйста, я слушаю.

Горгий

По-моему, у всех людей решительно,
И у счастливцев и у неудачников,
Какой-то свой рубеж есть, поворот судьбы,
И удаются все дела житейские
Счастливцу до тех пор, покуда может он
Своим прекрасным наслаждаться жребием,
Не совершая зла. А не удержится
От зла в хмелю богатства, — и дела его
Пойдут иначе, примут оборот дурной.
Зато и те из бедняков, которые
Зла не творят и незавидный жребий свой
С достоинством несут — они заслуженно
Дождутся лучшей доли — только срок им дай!
Так вот, и ты, коль ты богат, не очень-то
На это уповай и нас, хоть нищи мы,
Не презирай. Пусть видно будет всякому,
Что ты и впрямь достоин столь благой судьбы.

Состpат

Но в чем сейчас я виноват, по-твоему?

Горгий

Мне кажется, ты что-то нехорошее
Задумал: то ли девушку свободную
Подбить на грех речами, то ли выждать миг
И преступленье совершить, достойное
Премногих казней.

Состратт

Аполлон!

Горгий

Негоже, друг,
Чтоб мы из-за твоей страдали праздности,
Мы люди занятые. Нетерпимей всех —
Запомни навсегда — бедняк обиженный.
Сперва он жалок, а потом становится
Обидчив и чуть что — уж караул кричит.

Состратт

Дай бог тебе удачи, друг! Но выслушай
Теперь меня.

Дав

(*Горгию*)

Клянусь я счастьем собственным,
Ты молодец, хозяин!

Состратт

(*Даву*)

Помолчи, болтун.

(*Горгию*)

Так вот, я здесь в одну влюбился девушку,
И если это преступленье — спору нет,
Преступник я. Однако я пришел сюда
Совсем не к ней. Мне повидать хотелось бы
Ее отца. Свободный от рождения
И не бедняк, я в жены без приданого
Ее согласен взять, чтобы всю жизнь в любви
Прожить с ней. Если же мои намеренья
Нечестны, если замысел таю лихой,
Тогда пускай и Пан, и нимфы, юноша,
Меня параличом близ дома этого
На месте поразят. Я огорчен, поверь,
И очень, если ты не доверяешь мне.

Горгий

А если я в запальчивости лишнего
Наговорил чего-то, не сердись, прости.
Ты убедил меня и мне понравился.

А я ей не чужой. Я этой девушке
Одноутробный брат, так и запомни, друг.

Состратт

Клянусь, ты будешь мне полезен в будущем.

Горгий

Полезен? Чем?

Состратт

Ты человек порядочный.

Горгий

Не для того чтоб от тебя отделаться,
А чтоб ты правду знал, скажу: отец ее
Такой старик, что старика подобного
На свете нет и не было.

Состратт

Зол на весь мир?
Пожалуй, знаю.

Горгий

Это верх зловредности.
Здесь у него земли кусок, таланта в два
Ценою, где обычно в одиночестве
Он трудится, и никаких помощников —
Будь то раба, соседа иль наемника
Из здешних — знать не хочет. Все как перст один.
Его бы воля — он людей, наверно бы,
Совсем не видел. Часто, впрочем, с дочерью
Работает вдвоем. Он только с ней одной
И говорит, а с прочими — поди заставь!
Твердит, что лишь когда ему приглянется
Нрав жениха, он выдаст замуж дочь!

Состратт

Скажи,
Что никогда.

Горгий

Напрасными заботами
Не мучь себя, приятель. Предоставь уж нам,
Его родным, справляться со своей судьбой.

Сострат

О боги, неужели не влюблялся ты
Ни разу?

Горгий

Милый, мне нельзя.

Сострат

Но что, скажи,
Тебе мешает?

Горгий

Мысли непрестанные
О злополучье нашем, о житье плохом.

Сострат

Да, видно ты в таких делах неопытен
И впрямь, коль отступиться мне советуешь:
То воля бога, не моя.

Горгий

Так, стало быть,
Ты попусту страдаешь и пред нами чист.

Сострат

Как мне на ней жениться?

Горгий

Вряд ли женишься.
(Сам убедишься в этом), коль пойдешь со мной:
Он, кстати, здесь поблизости работает,
В долине.

Сострат

Как начать?

Горгий

Я завести могу
Речь о замужестве сестры. Заранее
Известно мне, что будет. Вот увидишь сам:
Он сразу всех на свете поносить начнет
За образ жизни. Но уж зверя лютого
Разбудит в нем холеный твой и праздный вид.

Сострат

(Указывая в сторону усадьбы Кнемона.)

Он там сейчас?

Горгий

Нет, но вот-вот отправится
В обычный путь.

Сострат

Ты говоришь, он девушку
С собой берет?

Горгий

Ну, это уж по-разному
Бывает.

Сострат

Я, куда ни повелишь, пойду.
Но помоги ты мне.

Горгий

Каким же образом?

Сострат

Любым. Пошли!

Дав

И что же, с нами рядышком
Вот так, в плаще, покуда мы работаем,
Стоять ты будешь?

Сострат

Почему бы нет?

Дав

Тебя
Землей он закидает, скажет: «Лодырь ты
Несчастный». Нет, копай уж с нами. Может быть
Тогда тебя хоть пожелает выслушать,
Решив, что ты бедняк, живущий собственным
Трудом.

Сострат

На все согласен я. Пойдем скорей!

Горгий

Зачем себя ты мучишь?

Дав

(*в сторону*)

Не худо бы
Сегодня поработать нам поболее,
Чтоб грыжу нажил он и после этого
Оставил нас в покое, не ходил сюда.

Состpат

Мотыгу принеси мне!

Дав

Ты с моей ступай.
А я, коль так, примусь ограду складывать,
Ведь это тоже нужно.

Состpат

Дай сюда.

(*Горгию*)

Меня
Ты спас.

Дав

Пойду, хозяин, ну, а вы — за мной!

(*Уходит.*)

Состpат

Одно из двух дано мне: или смерть принять,
Иль жить с любимой.

Горгий

Ну так, если искренни
Слова твои, будь счастлив.

(*Уходит.*)

Состpат
(*вслед Горгию*)

Видят боги все,
Когда ты отступиться мне советуешь,
С удвоенным упорством на своем стою.
Ведь если эта девушка воспитана

Не в женском окруженье и поэтому
От мамок и от теток всяким мерзостям
Не научилась, а, храня порядочность,
Со строгим и взыскательным отцом жила,
То встретиться с такою — счастье сущее!

(*Берет мотыгу.*)

Мотыга-то, однако, тяжелехонька.
Надсадишься! А впрочем — поднатужимся:
Уж раз взялся за дело, до конца ж держись!

(*Уходит.*)

Со стороны города входит повар Сикон с барашком на плечах.

Сикон

Ну и баран! Такого поищи поди,
Будь он неладен. Если на плечах несешь —
Зубами за смоковницы цепляется,
Обгладывает ветки, так и рвется вниз.
А если наземь спустишь — не идет вперед.
Опять морока. Из меня, из повара,
Он отбивную сделал. Все силком тащу.
Но вот уж наконец-то и святилище,
Где жертву принесем. Привет мой Пану. Эй,
Никак, совсем отстал ты, Гета?

Входит Гета.

Гета

Шутка ли,
Как добрых четырех ослов навьючило
Проклятое бабье меня.

Сикон

Народу тьма,
Видать, здесь будет. Ишь какую силищу
Подстилок тащишь.

Гета

То-то.

Сикон

Вот сюда клади.

Гета

Уж так заведено: как Пеанийского

Во сне увидит Пана, так и жертву мы
Приносим сразу.

Сикон

Кто ж такие видит сны?

Гета

Да ну тебя, отстань

Сикон

Нет, Гета, все-таки
Скажи мне — кто?

Гета

Хозяйка.

Сикон

Что же снилось ей?

Гета

Пристал! Ей снилось, будто Пан...

Сикон

(*Указывая на статую Пана.*)
Вот этот вот?

Гета

Он самый.

Сикон

Что же?

Гета

На Сострата будто бы...

Сикон

На этого красавца!

Гета

Кандалы надел.

Сикон

О Аполлон!

Гета

Затем ему овчину дал,
Вручил мотыгу и вот здесь, поблизости,
Велел вскопать участок.

Сикон

Бредни!

Гета

Жертву мы
Приносим, чтобы благом обернулся сон.

Сикон

Понятно. Так возьми же снова на́ плечи
Свой груз и в храм снеси. Циновки загодя
Расстелим, приготовим все, чтоб не было
Потом помех, на славу чтоб прошел обряд.
Напрасно ты состроил рожу кислую,
Мое попомни слово: нынче будешь сыт.

Гета

Что повар ты умелый, против этого
Не возражаю. Только веры нет тебе.

Сикон и Гета уходят в святилище. Хоровая сцена.

Действие третье

Кнемон выходит из своего дома. К святилищу приближается толпа богомольцев во главе с матерью Состратa.

Кнемон

(*Симихе, находящейся внутри дома*)

Запри, старуха, дверь, да никому, гляди,
Не отворяй, покуда не приду домой.
А я до ночи не вернусь, наверное.

Мать Состратa

Поторопись, Планго, уж совершать обряд
Пора бы нам давно.

Кнемон

(*в сторону*)

Что за напасть еще?
Идут оравой.

Мать Сострата

Парфенида, Пану песнь
Сыграй на флейте. Молча к богу этому,
Слыхала я, не ходят.

Из святилища выходит Гета.

Гета

Вот и прибыли.

Кнемон

(*в сторону*)

В недобрый час!

Гета

А мы уж столько времени
Сидим и ждем!

Мать Сострата

А все ли приготовлено
Для нас, как надо?

Гета

Ну, еще бы! Видит Зевс,
Барашек еле жив остался.

Мать Сострата

Бедненький!

Гета

Ждет не дождется вас.

Мать Сострата

Ну, что ж, в святилище
Ступайте, приготовьте приношения.
Корзины, воду.

Участники обряда направляются в святилище.

Гета

(*одному из рабов*)

Что разинул рот, болван?

Кнемон

Будь вы неладны. Из-за вас баклуши бей,
Сиди без дела. Ведь нельзя же бросить дом

На произвол судьбы. Соседство с нимфами —
Беда такая, что придется, видимо,
Дом разобрать и где-нибудь в других местах
Построить снова. Как они, разбойники,
Приносят жертву! Кружки, короба у них
Не для богов, а для себя. Лепешку бы
Да ладана принесть — и жертву полностью
Бог примет из огня. Так нет, богам суют,
Что несъедобно, — желчь, от костреца, кусок,
А прочее — себе в живот. Эй, старая,
Дверь отвори скорей! Видать, придется мне
С тобою домовничать, чтобы свой скарб сберечь.

(*Уходит в дом.*)

Из святилища выходит Гета.

Гета

Забыли, говоришь ты, котелок? Совсем
Вы протрезвились. Как же нам теперь-то быть?
Побеспокоить мне придется, видимо,
Соседей бога.

(*Стучит в дверь Кнемона.*)

Эй, вы, люди!

(*Пауза.*)

Нет, клянусь,
Прислуги хуже этой не найти нигде
На белом свете. — Эй, вы, люди! — Все бы им
В постели забавляться... — Эй, вы, слышите?..
Да на других клепать потом... Да выйди, раб!

Пауза.

Что за несчастье! Эй, рабы! Ужели там
Нет ни души? Вот кто-то наконец идет.

Входит Кнемон.

Кнемон

Зачем, паскуда, к двери подошел, ответь!

Гета

Не укуси, смотри.

Кнемон

Да я живьем тебя
Съем, видит Зевс.

Гета

Богов побойся, смилуйся.

Кнемон

Скажи мне, прощелыга, есть ли общие
У нас дела?

Гета

Дел никаких. Ведь я пришел
Не долг с тебя взыскать иль вызвать в суд тебя,
Нет, просто попросить я котелок хочу!

Кнемон

Что? Котелок?

Гета

Да, котелок!

Кнемон

Мерзавец ты!
Ты думаешь, я, как и вы, на жертвенник
Быков кладу?

Гета

Да ты улитки, думаю,
И той-то не положишь. Ну, прощай. К тебе
Мне приказали постучаться женщины.
Я так и сделал. Нет так нет. Пойду скажу,
Что котелка, мол, нет. О боги правые,
Гадюка здесь живет, а не старик седой,

(Уходит в святилище.)

Кнемон

Вот звери-душегубы! Словно в отчий дом
Ко мне стучатся. Если я кого-нибудь
Поймаю здесь у двери и другим в пример
Не проучу, меня считать вы можете
Таким же, как и все. Вот только этому,
Не знаю почему, но повезло сейчас.

(*Уходит в дом.*)

Из святилища выходит Сикон, обращаясь к оставшемуся внутри Гете.

Сикон

Будь ты неладен. Если он ругал тебя,
То, видно, плохо ты просил. Не каждому
Дано уменье это. Но уж я ловкач! —
Ведь скольких я обслуживаю в городе,
А все соседей их тревожу, всякую
Беру у них посуду. Просишь что-нибудь —
Заискивать умей. Старик мне дверь открыл —
«Отцом» или «папашей» старика зову.
Старухе — «мать» скажу, а выйдет женщина
Немолодая — жрицей величаю. Раб
Всегда «голубчик». Ну, а вас, невеж таких,
Повесить мало. Можно ли «рабы» кричать?
Нет, вот как нужно:

(*кричит*)

«Выйди, выйди, батюшка!»

Выходит Кнемон.

Кнемон

(*не глядя на Сикона*)

Опять пришел?

Сикон

Как так опять?

Кнемон

Повадился
Дразнить меня? Тебе же было сказано:
Не суйся на порог. Старуха, кнут!

(*Хватает его.*)

Сикон

О нет,
Пусти!

Кнемон

Пусти? Как бы не так!

Сикон

Молю тебя...

Кнемон

(*отпуская его*)

Приди еще!..

Сикон

Чтоб Посейдон...

Кнемон

Помалкивай!

Сикон

Горшок я попросить пришел.

Кнемон

Напрасный труд!
Нет ни горшка, ни топора, ни уксуса,
Ни соли у меня. И здешних жителей
Прошу я вообще не подходить ко мне.

Сикон

Меня ты не просил.

Кнемон

Так вот теперь прошу.

Сикон

Не очень-то любезно. А не скажешь ли,
Где бы его достать мне?

Кнемон

Повторяю: нет!
Заткнешься ли?

Сикон

Ну, будь здоров.

Кнемон

Плевать хотел
На ваши пожеланья.

Сикон

Так не будь здоров.

Кнемон

О горе мое, горе!

(*Уходит в дом.*)

Сикон

Он недурненько
Разделался со мною. Нет, не стоило
Просить его учтиво. Что ж, пойти теперь
К другим дверям? Но если люди здешние
Такие драчуны — беда. Не проще ли
Зажарить мне все мясо? Неплохая мысль!
Есть миска на худой конец. Чем кланяться
Филийцам[1], лучше миской обойтись одной.

Сикон и Гета уходят в святилище. Со стороны поля входит Состpат.

Состpат

Тот, кто до бед охотник, поохотиться
Пускай приходит в Филу. Я в тройной беде:
Бока, спина и шея — словом, тело все —
Моя беда. Я с превеликим рвением
Взялся за дело. Новичок неопытный,
Я принялся орудовать мотыгою,
Как землекоп заправский. Но надолго мне
Запала не хватило. Озираться стал,
Оглядываться — не идет ли с дочерью
Старик. Сперва я за бока украдкою
Хватался, но затем, поскольку времени
Прошло немало, совершенно скрючился
И одеревенел. А их все нет и нет.
А солнце припекает. На меня взглянув,
Увидел Горгий: как журавль колодезный,
С трудом я выпрямляюсь, а потом опять
Клонюсь к земле. И говорит: «Наверное,
Сегодня не придет она». — «Что ж делать нам?» —
Я говорю. А он: «Подстережем давай
Его мы завтра. А сейчас оставь!» И Дав
Сменил меня в работе. Вот как кончился
Наш первый приступ. Почему я снова здесь —
Того не знаю, боги мне свидетели.
Моя любовь сама меня влечет сюда.

Из святилища выходит Гета.

Гета

(*Сикону, который остался внутри*)

Вот наказанье! У меня, ты думаешь,
Сто рук, Сикон? То угли раздувай тебе,
(То мясо принимай,) да обмывай, да режь,

То хлеб меси, то разноси. (О, Пан святой,)
Дым все глаза мне выел! Вот так праздничек
Сегодня у меня!

Состратт

Эй, Гета, ты ли здесь?

Гета

(*оглядываясь*)

Кто кличет?

Состратт

Я.

Гета не узнает скрючившегося, одетого в овчину Состратта.

Гета

А кто ты?

Состратт

Иль не видишь?

Гета

Ба!
Хозяин!

Состратт

Вы зачем здесь?

Гета

То есть как зачем?
Сейчас мы жертву принесли и вам теперь
Обед готовим.

Состратт

Здесь ли мать?

Гета

Давно уж здесь.

Состратт

А где отец?

Гета

Мы ждем его. Ты в грот входи.

Сострат

Сначала отлучусь.

(*Размышляя вслух*)

Обряд сегодняшний,
Пожалуй, кстати. Поскорее сбегаю
За этим малым, приведу сюда его,
Да и раба с ним вместе. Угостятся пусть
На жертвенном пиру, чтоб впредь ретивее
Мне помогали оба в сватовстве моем.

Гета

Что? Ты позвать кого-то собираешься
К нам на обед? По мне хоть бы три тысячи
Гостей пришло. Ведь мне, я знал заранее,
Ни крошки не достанется. Откуда ждать?
Зовите всех: такая жертва славная,
Что просто загляденье. Но бабье, бабье —
Манеры хоть куда, а горсти соли ведь
От них, клянусь Деметрой, не дождешься.

Сострат

День
Удачным будет, Гета. Я решительно
Пророком становлюсь, хотя почтительно
Тебе, о Пан, молюсь неукоснительно.

(*Уходит в поле.*)

Из дома Кнемона выбегает старуха Симиха.

Симиха

О горе мне, о горе мне, о горе!

Гета

Тьфу, пропасть! Бабу принесла нелегкая
Из дома старика.

Симиха

Что будет? Вытащить
Хотела потихоньку от хозяина
Ведро я из колодца и, веревку взяв
Некрепкую, гнилую, привязала к ней
Мотыгу, дура, — ну, веревка сразу же
И порвалась. И так вот утопила я
Вдобавок и мотыгу... Ох, беда, беда!

Гета

Самой теперь туда осталось броситься.

Симиха

А он как раз навоз надумал выгрести
Сегодня со двора и перерыл весь дом,
Мотыгу ищет.

(*Прислушивается.*)

Дверью хлопнул, кажется.

Гета

Беги, карга, гляди, еще убьет тебя.
А то так сдачи дай.

Выходит Кнемон.

Кнемон

Где эта гадина?

Симиха

Нечаянно, хозяин, утопила.

Кнемон

В дом
Ступай скорей!

Симиха

Что сделаешь?

Кнемон

Что сделаю?
Спущу тебя в колодец.

Симиха

Пощади, молю!

Кнемон

На этой же веревке, бог свидетель мне.

Гета

Еще бы лучше, если б на гнилой совсем!

Симиха

На помощь Дава позову соседского.

Кнемон

Ах, Дава позовешь сюда, негодница?
А я кому сказал: домой?

Симиха уходит.

О горе мне!
Я обойдусь без посторонней помощи!
И сам спущусь в колодец. Что еще теперь
Мне остается?

Гета

А канат и прочее
Возьми у нас.

Кнемон

Пусть боги смертью страшною
Тебя накажут, если ты хоть раз еще
Со мной заговоришь!

(*Уходит в дом.*)

Гета

И поделом! Опять
Ушел, Несчастный! Нечего сказать, житье!
Вот настоящий землероб аттический:
С камнями, что шалфей лишь да чабрец родят,
Воюет, с горем дружит, а с удачей — нет!
Но вот идет, однако, и хозяин мой
Со званными гостями. Это, кажется,
Какие-то крестьяне. Что за новости!
Зачем он их ведет сюда, и где, чудак,
Знакомство с ними свел?

(*Уходит в святилище.*)

Со стороны поля входят Сострат, Горгий и Дав.

Сострат

(*Горгию*)

Нет, не отвертишься.
Всего у нас, поверь мне, вдоволь. Кто ж это,
Клянусь Гераклом, к доброму знакомому
Откажется на жертвенный обед прийти?
А я твой давний друг. Я стал им, в сущности,
До нашего знакомства.

(*Указывая на овчину и мотыгу.*)

Дав, как в дом снесешь
Вот это, приходи.

Горгий

Нет, мать, смотри одну
Не оставляй ты дома. Поухаживай
За ней немного. Скоро я и сам приду.

Сострат и Горгий уходят в святилище, Дав — в дом Горгия.

Хоровая сцена.

Действие четвертое

Из дома Кнемона выбегает Симиха.

Симиха

Спасите, помогите! Ах, беда, беда!
Спасите, помогите!

Из святилища выбегает Сикон.

Сикон

О Геракл святой!
Ради богов и духов сжальтесь, дайте нам
Закончить возлиянье! Все вы ссоритесь,
Деретесь и кричите. Что за странный дом!

Симиха

Хозяин наш в колодце!

Сикон

А зачем?

Симиха

Зачем?
Полез, чтобы ведро с мотыгой вытащить,
Да, поднимаясь, оплошал и — на тебе! —
Свалился.

Сикон

Это вздорный старикашка-то?
Отлично сделал, небом пресвятым клянусь,
Теперь, бабуся, дело за тобой.

Симиха

За мной?

Сикон

Возьми булыжник иль другой увесистый
Предмет любой и брось туда.

Симиха

Спустился бы
Ты, милый, право.

Сикон

Чтоб, как в басне, в бой вступить
С собакою в колодце? Нет, уволь, уволь.

Симиха

О Горгий, где ты?

Из святилища выходит Горгий.

Горгий

Вот он я. Но что, скажи,
Стряслось, Симиха?

Симиха

Что стряслось? Скажу тебе:
Хозяин наш в колодце.

Горгий

Эй, Сострат, сюда!
Поторопись!

(*Старухе*)

Веди меня скорее в дом!

Из святилища выходит Сострат и вместе с Горгием и Симихой уходит в дом Кнемона.

Сикон

Клянусь я Дионисом, в мире боги есть!
Ты отказался, святотатец скаредный,
Дать богомольцам котелок. Так выпей же
Всю воду из колодца, не делясь ни с кем!
Вот нимфы наконец по справедливости
Ему воздали. Кто обидел повара,
Уйти от наказанья не найдется, нет.
Священно наше ремесло. Не страшно лишь
Рабами помыкать, что блюда подают.

Не умер ли он там? Отца любимого
Там кто-то кличет с плачем. Ничего еще...
. . . . . .
Конечно, ...
Так вытащи . . . . . .
Ну, и хорош, клянусь богами . . . .
Сейчас он будет мокрый, изувеченный,
Дрожащий. Я б с великим удовольствием,
Клянусь вам Аполлоном, на него взглянул.
Так совершите возлиянье, женщины,
И помолитесь, чтоб старик был вытащен
Хромым, увечным: только так и станет он
Соседом безобидным богу этому
И богомольцам здешним. — Я пекусь о том
На случай, если снова здесь наймут меня.

(*Уходит в святилище.*)

Из дома Кнемона выходит Сострат.

Сострат

Друзья, клянусь Деметрой и Асклепием,
И прочими богами, никогда еще
Не видел я, чтоб кстати так и вовремя
Стал человек тонуть. Какой счастливый миг!
Как только в дом вошли мы, Горгий сразу же
Полез в колодец. Ну, а я и девушка
Остались наверху без дела. Правда ведь,
Чем мы могли помочь? Она лишь волосы,
Рыдая, на себе рвала и в грудь себя
Нещадно била. Я же — я поблизости,
Счастливый, этаким ее защитником
Стоял, моля красавицу утешиться,
И любовался ею. На тонувшего
Плевать мне было, хоть его вытаскивать
Как ни противно, все-таки пришлось.
Свидетель Зевс, я чуть не погубил его:
Веревку, заглядевшись на красавицу,
Я раза три, наверно, выпускал из рук.
Но Горгий как Атлант: он поднатужился
И старика извлек. Тогда, не мешкая,
Оттуда убежал я: ведь владеть собой
Не мог я больше и вот-вот бы девушку
Расцеловал. Так страстно я люблю ее
И уж вполне готов...

(*Прислушивается.*)

Однако ж, слышу, дверь
Там скрипнула.

На эккиклеме[2] появляются Кнемон, Горгий и дочь Кнемона, Сострат остается в стороне.

Что вижу я, о Зевс-отец!

Горгий

Чего, Кнемон, ты хочешь?

Кнемон

Что (сказать тебе?)
Мне худо.

Горгий

Не сдавайся.

Кнемон

Вот умрет Кнемон
И от докуки вас на веки вечные
Избавит.

Горгий

Вот что значит одиночество!
Ты видишь, ты на волосок от смерти был.
В такие годы надо под опекою
Дни коротать.

Кнемон

Я знаю, что дела мои
Нехороши. Ты, Горгий, мать зови сюда.
Уж так ведется, видно, — только горести
Воспитывают нас.

Горгий уходит в свой дом.

Тебя же, доченька,
Я попрошу помочь мне встать.

Сострат

Счастливейший
Ты человек!

Кнемон

(*заметив Состратa*)

А ты-то здесь зачем торчишь?

. . . . . .
. . . . . я хотел
. . . . . пусть Миррина, Горгий пусть
. . . . . предпочел.
. . . . . в этом никому из вас меня
Разуверить не удастся. В этом я, признаюсь, прав.
Но в одном я ошибался: думал я, что и один,
Обособившись от мира, преспокойно проживу,
А теперь, когда воочью смертный свой увидел час,
Понял я, как заблуждался, как от правды был далек.
Без помощника под боком человеку жить нельзя.
Но таким, Гефест свидетель, черствым стал я оттого,
Что на низость человечью, на корыстный ум людской
Нагляделся в жизни вдоволь. Я уверен был: никто
Никому на свете блага не желает. Это мне
И вредило. Только Горгий, да и то с большим трудом,
Мне глаза открыл, поступок благородный совершив.
Старика он спас, который на порог его пускать
Не велел, ни разу в жизни не помог ему ни в чем
И к нему с учтивой речью никогда не подходил.
Мог сказать бы он по праву: «Не велишь мне приходить —
Не приду к тебе; не хочешь помогать нам — ну, и я
Помогать тебе не стану». Знай же, мальчик, буду ль жив
Или, что всего вернее, — слишком скверно мне, — умру, —
Я тебя усыновляю, все имущество свое
Отдаю тебе отныне и тебе вверяю дочь.
Мужа ей найди. Ведь я бы, и поправившись вполне,
Не нашел его: никто мне все равно не угодит
Никогда! А мне позвольте жить, как я того хочу.
Сам веди теперь хозяйство: не обижен ты умом
И сестре защитник верный. Разделив добро мое
На две части, половину ей в приданое отдай,
А себе возьми другую, да корми меня и мать.
Помоги мне, дочь, улечься. Тары-бары разводить —
Не мужское это дело. Но одно запомни, сын:
О своем тебе я нраве вот что коротко скажу.
Если б все такие были, мы не знали бы вовек
Ни судилищ, ни узилищ, где томится человек,
Ни войны. Достаток скромный всех бы радовал тогда.

(*К зрителям*)

Но, как видно, вас другое привлекает. Что ж, пускай!
Вам мешать не будет больше надоедливый брюзга.

Горгий

Все исполню, как велишь ты. Так подыщем же с тобой
Жениха сестре скорее, с разрешенья твоего.

Кнемон

Что хотел сказать, сказал я. А теперь отстань, молю!

Горгий

Говорить с тобой желает...

Кнемон

Нет, нет, нет, отстань, молю!

Горгий

Он на ней жениться хочет...

Кнемон

Это дело не мое!

Горгий

Он спасал тебя...

Кнемон

Да кто же?

(*Сострату*)

Подойди сюда!

Сострат подходит.

Кнемон

Загорел неплохо, вижу. Земледелец?

Горгий

Да какой!
Не из тех он белоручек, что весь день баклуши бьют.

. . . . . .

Кнемон

В дом меня теперь катите...
Не моя — твоя забота.

Эккиклему с Кнемоном и его дочерью увозят в дом.

Горгий

Остается за тебя
Выдать мне сестру. Об этом сообщи своим, Сострат.

Сострат

Разрешит отец мне, знаю.

Горгий

Я тебе сестру свою
Отдаю, Сострат. За нею пред лицом богов возьми
То приданое, с которым ей положено уйти.
Дело вел ты без лукавства, ты с открытою душой
К нам явился. Белоручка, на любой тяжелый труд
Ты готов был ради свадьбы. Взял мотыгу, стал копать,
Не щадил себя. А в этом познается человек,
Если он, живя в достатке, стать на место бедняка
Не боится. Это значит, что превратности судьбы
Не страшны ему. Отлично ты себя нам показал.
Будь всегда таким.

Сострат

Пожалуй, постараюсь лучше стать.
Впрочем, это некрасиво — самому себя хвалить.
Вот идет отец мой кстати.

Входит Каллипид.

Горгий

Это что же, Каллипид —
Твой отец родной?

Сострат

Конечно.

Горгий

И богат, и справедлив,
И хозяин превосходный!

Каллипид

Я, как видно, опоздал?
Без меня барашка съели да, наверное, давно
Все домой ушли?

Горгий

О боги, он же голоден, как волк!
Сразу все ему расскажем?

Сострат

Нет, сначала пусть поест.
Мягче будет.

Каллипид

Вы, наверно, пообедали, Состpат?

Состpат

На твою осталось долю. Проходи.

Каллипид

Иду, иду.

(*Уходит в святилище.*)

Горгий

Если хочешь с глазу на глаз побеседовать с отцом,
То ступай за ним.

Состpат

Ты дома подождешь?

Горгий

Я никуда
Выходить не буду.

Состpат

Ладно. Скоро вызову тебя.

Состpат уходит в святилище, Горгий — в свой дом.

Хоровая сцена.

Действие пятое

Из святилища выходят Состpат и Каллипид.

Состpат

Не так, отец, как ждал я и надеялся,
Со мной ты обошелся.

Каллипид

Почему не так?
Я разве запретил тебе с любимой жить?
Наоборот я рад.

Состpат

На вид не очень-то.

Каллипид

Клянусь тебе богами, рад-радехонек.

Известно ведь, что если в годы юные
Жениться по любви, то будет прочен брак.

Состратт

Но если на сестрице парня этого
Женюсь я, — с нами породниться, стало быть,
Достоин он. Так почему не хочешь ты
Отдать ему мою сестру?

Каллипид

Иль я не прав?
К невесте нищей не желаю нищего
Брать жениха в придачу. Хватит с нас одной.

Состратт

О деньгах говоришь, а деньгам веры нет!
Добро бы знал ты, что на веки вечные
Они тебе достались — ну, тогда бы пусть
Берег их, не делясь ни с кем. А то ведь все,
Чем ты богат, подвластно не тебе — судьбе.
Так для чего ж, отец, скупиться, жадничать,
Когда судьба другому, недостойному,
Играя, может все твое добро отдать?
А потому, отец, покуда денежкам
Хозяин ты — щедрее и смелее трать,
Всем помогай и чаще по возможности
Твори благодеянья. Вот где кроется
Бессмертное богатство, вот где черпают
Уверенность и силы, коль беда придет:
Иметь гораздо лучше друга явного,
Чем потайной, зарытый в подземелье клад.

Каллипид

Ведь я всего добра, что мною нажито,
С собой в могилу не возьму — не так ли, сын?
Оно твое. Ты хочешь друга верного
Приобрести? Так сделай это в добрый час!
Зачем же поучать меня? Пожалуйста,
Отдай, раздай. На все тебе согласье дам.

Состратт

По доброй воле?

Каллипид

Можешь не тревожиться
По доброй воле.

Сострат

Горгия позвать пора.

Из своего дома выходит Горгий.

Горгий

Весь разговор ваш, от начала самого,
Я, выходя, случайно услыхал в дверях.
Что вам сказать? Тебя, Сострат, товарищем
Считаю верным я и от души люблю.
Но не хочу, и даже при желании
Не смог бы, Зевс свидетель мне, богаче жить.

Сострат

О чем ты, не пойму.

Горгий

Непозволительно
Женив тебя на собственной сестре, твою
Себе взять в жены!

Сострат

Почему?

Горгий

Не сладко мне
Чужим добром кормиться незаслуженно,
Свое нажить хочу.

Сострат

Какие глупости!
Ты недостоин, думаешь, ее руки?

Горгий

Руки ее достоин я, по-моему,
Но недостойно посягать, по-моему,
На многое, немногое имея.

Каллипид

Ты
Не в меру благороден.

Горгий

Почему?

Каллипид

Бедняк,
А хочешь слыть богатым. Но согласен я, —
Ты согласись.

Горгий

Ну ладно. Дважды жалок тот,
Кто беден, и, однако же, по глупости
Спасительный упорно отвергает путь.

Состратт

Теперь осталось только обручиться нам.

Каллипид

(*Горгию*)

Итак, я дочь отдам тебе, чтоб с нею ты
Детей родил законных. А приданого
Получишь три таланта.

Горгий

За моей сестрой
Приданого один талант.

Каллипид

Не слишком ли?..

Горгий

Но у меня еще земли участок есть.

Каллипид

Владей один им, Горгий. А теперь сюда
Мать пригласи с сестрою, чтобы к женщинам
Их отвести, что с нами здесь.

Горгий

Само собой.

Состратт

Мы все сегодня на ночь здесь останемся
И будем пировать. А завтра свадебный
Обряд исполним. Горгий, приведи сюда

И старика. Он все необходимое
У нас найдет скорее.

Горгий

Не захочет, нет.

Сострат

А ты уговори.

Горгий

Смогу ли?

(*Уходит в дом Кнемона.*)

Сострат

Славная
У нас, отец, попойка будет. Женщинам
Всю ночь не спать.

Каллипид

Как раз наоборот, мой сын:
Они-то будут пить, а вот не спать всю ночь
Придется нам. Пойду-ка приготовлю я
Что нужно.

Сострат

Будь так добр.

Каллипид уходит в святилище.

Впадать в отчаянье
Не должен человек, в котором разум есть:
Усердьем и трудом всего решительно
Достигнуть можно. Я живой пример тому:
Женитьбы, о какой и не мечтал никто,
Добиться удалось мне за один лишь день.

Из дома Кнемона выходит Горгий с матерью и сестрой

Горгий

Скорее проходите.

Сострат

Вот сюда, прошу.
Мать, принимай гостей! А что ж Кнемона нет?

Горгий

Он и старуху даже увести просил,
Чтобы остаться вовсе одному.

Сострат

О, нрав

Несносный!

Горгий

Невозможный. Ну, и пусть его!

Сострат

А мы пойдем.

Горгий

Поверь, Сострат, стесняюсь я:
Там столько женщин.

Сострат

Глупости! Ступай вперед.
Отныне это все дела семейные.

Сострат и Горгий уходят в святилище. Из дома Кнемона выходит Симиха.

Симиха

(*в дверях Кнемону, который остался дома*)

И я уйду, клянусь тебе. Ты здесь теперь
Лежи один, страдай за свой несчастный нрав.
Тебя просили люди в грот святой прийти —
Ты отказался. Вот увидишь, новая
Тебя постигнет, да еще страшней, беда.

Из святилища выходит Гета.

Гета

А ну-ка, погляжу, как там дела идут.

(*Музыканту, заигравшему на флейте.*)

Эй, перестань дудеть, балда! Еще я занят, видишь.
Меня послали в этот дом, чтоб навестить больного.

Симиха

Вот хорошо! Пусть кто-нибудь с ним посидит из ваших,
А я с питомицей своей хочу перед разлукой
Поговорить, проститься.

Гета

Что ж! Ступай себе, прощайся!
Я поухаживаю сам за стариком.

Симиха уходит в святилище.

Давно уж
Такого случая ищу. Ну, наконец, потешусь...
. . . . . .
. . . . . Эй повар,
Сикон, скорей сюда иди! О Посейдон владыка,
Мы славно время проведем!

Из святилища выходит Сикон.

Сикон

Ты звал меня?

Гета

А кто же?
За надругательство, скажи, ты рассчитаться хочешь?

Сикон

Кто надругался надо мной? Растак тебя разэтак!

Гета

Старик сейчас один и спит.

Сикон

А как его здоровье?

Гета

Плох, но не то чтоб умирал.

Сикон

Не может он, поднявшись,
Нас отлупить?

Гета

Подняться он и то едва ли сможет,

Сикон

Приятно слышать. Я сейчас вернусь к нему, да с просьбой
Какой-нибудь: сойдет с ума!

Гета

Давай сперва, приятель,
Наружу вытащим брюзгу, положим возле дома,
А после в дверь начнем стучать и просьбами подразним.
Потеха будет!

Сикон

Я боюсь, что нас застанет Горгий
За этим делом и задаст нам трепку.

Гета

Шумно в гроте.
Никто нас не услышит: пьют. И вообще нехудо
Кнемона малость приструнить. Ведь скоро породнимся
Через свойство, и если он останется таким же,
Придется, видно, туго нам.

Сикон

Старайся только тише
Его вытаскивать сюда.

Гета

Иди вперед.

Сикон

Немного
Еще, пожалуй, подождем. Меня не оставляй лишь.

Гета

Но, ради бога, не шуми.

Сикон

Не бойся, я тихонько.

Входят в дом и вскоре выносят постель со спящим Кнемоном.

Гета

Правей.

Сикон

Вот так.

Гета

Сюда клади. Теперь начнем, пожалуй.

Сикон

Я первым к дому подойду.

(Флейтисту)

А ты гляди и слушай.

Стучит в дверь Кнемона.

Эй, люди, эй, рабы, рабы!

Кнемон

(Просыпается)

О боги, умираю!

Сикон

(продолжая стучать)

Эй, люди, эй, рабы, рабы!

Кнемон

О боги, умираю!

Сикон

(Оборачивается и притворяется удивленным.)

А это кто еще? Ты здесь?

Кнемон

А где ж? Чего ты хочешь?

Сикон

Хочу у вас я котелок и тазик взять.

Кнемон

Подняться

Кто мне поможет?

Сикон

Есть у вас, ведь есть же это, знаю!
И семь треножников еще, ну и столов двенадцать!
Скорей к хозяевам, рабы! Спешу!

Кнемон

Пойми ты, в доме

Нет ничего.

Сикон

Да ну?

Кнемон

Сто раз тверди тебе.

Сикон

Прощай же!

(Отходит в сторону.)

Кнемон

О горе мне! Каким я здесь вдруг очутился чудом?
Кто перенес меня?

К нему подходит Гета.

И ты проваливай.

Гета

Я рад бы

(Стучит в дверь.)

Привратник, слуги, раб, рабы, рабыни!

Кнемон

Сумасшедший!
Ты дверь сломаешь!

Гета

Девять нам ковров, да поскорее
Вы одолжите!

Кнемон

Где их взять?

Гета

И покрывало тоже
Заморской ткани, футов ста в длину.

Кнемон

Добро бы было!

Гета

(Да, есть.)

Кнемон

Откуда? Где же ты, старуха?

Гета

Постучусь-ка
В другие двери.

Кнемон

Прочь, ступай. Симиха! Пусть же боги
Собачью смерть тебе пошлют.

К Кнемону снова подходит Сикон.

Зачем опять явился?

Сикон

За медной чашей для вина, большой.

Кнемон

Кто мне поможет
Подняться?

Гета

Есть она у вас. И покрывало тоже
Найдешь, папашенька!

Кнемон

О, Зевс, нет в доме у нас чаши!
Убью Симиху.

Сикон

Ты лежи, не хрюкай понапрасну.
Людей обходишь стороной, жену прогнал, не хочешь
Идти на праздник наш — ну, что ж! Тогда и не надейся
На помощь. Самого себя терзай теперь и мучай!
Все слушай по порядку . . . . . .
. . . . . .

(Кнемон

. . . . . Какая ж это радость
Жену и дочку в гроте ждет?)

Сикон

Объятья, поцелуи,
Рукопожатья. Это все приятные занятья.
А для мужчин уже давно обед отличный в храме
Я приготовил. Слышишь, дед? Не спи!

Гета

И не подумай!

Кнемон

О, горе!

Сикон

Не пойдешь туда? Ну, что же, слушай дальше.
Вот возлияние творят. Разложены циновки.

Столы готовы, — это я все приготовил. Слышишь?
Я повар, вспомни.

Гета

Присмирел наш старичок, однако.

Сикон

Один над чашей наклонил кувшин широкобокий
И Вакха пенную струю со влагой нимф сливает.
Другой обходит круг с ковшом и угощает женщин.
Рекою льется там вино. Ты слышишь? Дальше слушай!
Вот, захмелев, цветок лица красавица служанка
Прикрыла, пляску начала и песню затянула,
Стыдливо песней этой в лад покачивая станом.
А вот другая, руку ей подав, пустилась в пляску.

Гета

Теперь, несчастный, поднимись и попляши с гостями!

Сикон и Гета пытаются поставить Кнемона на ноги.

Кнемон

Чего еще вам, подлецы?

Гета

Сам лучше поднимись ты,
Дикарь.

Кнемон

Ах, ради всех богов!..

Гета

Ну, что ж, тогда придется
Внести тебя туда.

Кнемон

Зачем?

Гета

Чтоб поплясал.

Кнемон

Несите!
Уж лучше, верно, там, чем здесь.

Гета

Ты прав. Мы победили.

Мы победили! Эй, Донак, и ты, Сикон,
Его приподнимите и внесите в храм.
А ты, Кнемон, запомни: если вздумаешь
Опять дурить, тогда уже хорошего
Не жди от нас. Ну, а теперь пусть факелы
Дадут нам и венки.

Рабы приносят венки и факелы.

Сикон

(Гете)

Вот этот ты надень.

Гета

Надел. Итак, мужчины, дети, юноши,
Порадуйтесь, что старика несносного
Мы одолели, щедро нам похлопайте,
И пусть Победа, дева благородная,
Подруга смеха, будет к нам всегда добра.

Все уходят в святилище и уносят с собой Кнемона.

(Пер. С. Апта)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Филийцы* — жители Филы, аттического поселения (дема), где происходит действие комедии. [2]*Эккиклема* — театральная машина, платформа, выдвигаемая из глубины сцены, чтобы показать происходящее за сценой.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОГО ГОСПОДСТВА

В конце IV в. до н. э. греческие полисы теряют свою политическую самостоятельность и оказываются под властью Македонии. Это начало нового периода в истории Древней Греции — эпохи рабовладельческих монархий. После смерти Александра Македонского (433 г. до н. э.) его колоссальная держава распадается на несколько царств, крупнейшее из которых Египет, где утвердилась династия Птолемеев. Столицей нового государства становится Александрия, постепенно превращающаяся в культурный центр греческого мира (оставляя за Афинами роль лишь философского центра). Начинается период культурного взаимовлияния эллинского и восточного миров первоначально с перевесом греческого над восточным, что и определило название этой эпохи — эллинизм. Хронологические рамки ее определяются по-разному, но чаще всего с III по I век до н. э.

Культура эллинизма — это культура греко-македонского населения, переселившегося в новые центры Востока. Монархическая организация государства устраняла народ из сферы политической жизни. В результате неизбежно оскудевало общественное звучание искусства, утрачивавшего гражданский пафос и мировоззренческую глубину. Исчезновение гражданской активности, общественных интересов вело к сужению содержания произведений искусства, направляло его прежде всего в сферу личных, бытовых, семейных отношений. Этот процесс уже отчетливо виден в новой аттической комедии. Он еще более усиливается в александрийской литературе (как условно называется литература этого периода). Эта литература носит по преимуществу элитарный характер, ориентируясь на сравнительно узкий слой образованного населения эллинизированных городов Востока. В нем укрепляется культ формы, требующий тщательной, изощренной отделки произведения; важнейшими эстетическими принципами этого искусства становятся оригинальность, нетрадиционность произведения, малая его форма (отсюда — основные литературные жанры эпохи — эпиллий, эпиграмма, идиллия). Для литературы эллинизма с ее элитарными установками чрезвычайно типично специфическое использование мифологии, выразившееся в стремлении найти наименее известный, редкий, забытый вариант мифа и сделать произведение доступным лишь узкому кругу образованных читателей. В то же время искусство эллинизма — это и великие приобретения: в частности, углубленный интерес к внутреннему миру человека, способность увидеть и изобразить тончайшие движения души, что в классическом искусстве было доступно только Еврипиду — недаром он в эпоху эллинизма становится особенно популярен. Наиболее значительными писателями этого времени были поэты Каллимах, Аполлоний Родосский, Феокрит, Герод, поэты-эпиграммисты — Асклепиад, Леонид Тарентский.

Каллимах (310—240 г. до н. э.). Один из ведущих поэтов и ученых александринизма, родился в африканском городе Кирене, старинной греческой колонии, и вел свое происхождение от мифического основателя этой колонии Батта. Школьный учитель в Александрии, он становится известным деятелем александрийского Мусея. Ему принадлежит знаменитый каталог Александрийской библиотеки — 120 книг «Каллимаховых таблиц». Поэтическая деятельность была практическим выражением его теоретических взглядов на поэзию, главные художественные принципы Каллимаха — тщательная отделка произведения, оригинальность и небольшой размер. Из огромного литературного наследия (800 книг) поэта сохранилась ничтожная часть: несколько гимнов (6), эпиграммы, а также фрагменты других произведений, среди которых первое место занимают «Причины», четыре книги элегий, где говорилось о возникновении некоторых обычаев, празднеств, обрядов. Гимны Каллимаха — литературные произведения, подражающие старинному жанру. Каллимах привлекает редкие варианты мифов, и в то же время в трактовку мифологического сюжета включаются чисто бытовые моменты, придающие всему изложению иронический характер (см. например Гимн Артемиде). Для эллинистического придворного поэта весьма характерны мотивы лести правителю-царю Птолемею. Отличительные черты стиля Каллимаха — мифологическая ученость, усложненность образа, скрытые цитаты из древних авторов, использование образов и выражений гомеровской поэзии, особая выразительная роль детали. Его эпиграммы отличаются изяществом отделки, краткостью и меткостью выражения мысли, их можно считать первыми образцами этого жанра. Поэзия Каллимаха оказала огромное влияние на последующую литературу и, в частности, на литературу Рима — поэзию неотериков (Катулл) и эпохи Августа (Гораций, элегики).

Учеником и в то же время теоретическим противником Каллимаха был поэт **Аполлоний Родосский** (ок. 295—215 г. до н. э.), воспитатель царского сына и глава Александрийской библиотеки. Позднее ему пришлось покинуть Александрию и переселиться на о. Родос (отсюда его прозвище — Родосский). Аполлоний попытался вопреки принципам Каллимаха, провозглашавшим малую поэтическую форму единственно художественной, возродить героический эпос, включив его в новое, эллинистическое искусство. Он пишет большую (в 4-х книгах) эпическую поэму «Аргонавтика» о походе Ясона и его спутников на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном. Поэма изобилует мифологической, географической и этнографической ученостью, в ней упоминаются редчайшие варианты мифов, экзотические обряды и т. п., широко используется гомеровский язык и гомеровские формулы, вводится и божественный (олимпийский) план. В поэме чувствуется влияние новой эпохи: она отличается глубоким и тонким психологизмом (особенно в третьей книге, где рассказывается о встрече Ясона и Медеи и зарождении их любви). Чисто эллинистическими являются и многие олимпийские сцены, дающие ироническое изображение богов. (III кн.). Поэма Аполлония оказала значительное влияние на римскую литературу, в частности, на творчество Вергилия и его поэму «Энеида».

Феокрит (III в. до н. э.) Его биография почти неизвестна. Он родился, по-видимому, в Сицилии (г. Сиракузы), жил на о. Косе (принимал

участие в поэтическом кружке), а также в Александрии. Он является создателем нового жанра — идиллии, небольшой сценки, часто диалогического характера. Третью часть сборника его идиллий составляют произведения буколические, обязательными чертами которых было изображение пастушеской жизни на лоне природы, влюбленных пастухов, состязающихся в пении. Жанр буколики имел фольклорное происхождение, восходя к действительной пастушеской песне. Но у Феокрита это уже чисто литературное произведение, сознательно эстетизирующее и стилизирующее жизнь пастухов. Этому жанру было суждено большое будущее в мировой литературе, начиная с римской литературы, где он получает известность в творчестве Вергилия («Буколики»). В сборнике Феокрита встречаются кроме того и эпиллии, и хвалебные стихи в честь правителя, и мимы. Мим — это типично эллинистический жанр, дающий натуралистическую зарисовку действительности, в нем преобладают бытовые, житейские ситуации и мотивы (XV идиллия «Сиракузянки»). Некоторые мимы отличаются психологической глубиной и тонкой лирикой, как например, вторая идиллия, изображающая жалобы девушки, покинутой своим возлюбленным.

Жанр мима разрабатывался и другим александрийским писателем — **Геродом** (Герондом), также жившим в III в. до н. э. От него сохранилось несколько мимов, получивших название «Мимиамбов», так как они были написаны особым размером — холиямбом, созданным еще Гиппонактом. Натуралистический бытовизм, характерен для Герода, весьма типичен для эллинистической культуры вообще, он проявлялся также и в пластических искусствах. Мимы Герода написаны весьма архаичным языком (ионийским гомеровским диалектом), что представляет сознательный контраст с низменным, натуралистического характера содержанием, создавая особый эстетический эффект, не передаваемый переводом.

Огромное распространение в эллинистической литературе получила эпиграмма. Помимо Каллимаха в этом жанре проявили себя Асклепиад Самосский и Леонид Тарентский (III в. до н. э.). Первый был членом поэтического кружка на о. Косе, а второй — странствующим поэтом. Асклепиад разрабатывал преимущественно любовную эпиграмму, Леонид — посвятительную и надгробную. В его эпиграммах значительное место отведено изображению жизни простых людей тружеников: рыбаков, ткачих, крестьян и заметно влияние кинической философии, с ее интересом к простым людям и уважением к труду.

Переводы текстов писателей эпохи эллинизма:

Каллимах. Гимны, эпиграммы/Пер. С. Аверинцева. Александрийская поэзия. М., 1972.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика/Пер. Г. Ф. Церетели. Тбилиси, 1964.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика//Александрийская поэзия. М., 1972.

Феокрит, Бион, Мосх. Идиллии и эпиграммы/Пер. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1958.

Менандр. Комедии. *Герод.* Мимиамбы/Пер. Г. Ф. Церетели и С. Апта. М., 1964.

Асклепиад Самосский, Леонид Тарентский. Александрийская поэзия. М., 1972; Античная лирика. М., 1968; Греческие эпиграммы/Л. В. Блуменау. М., Л., 1935; Греческая эпиграмма/Под ред. Ф. А. Петровского. М., 1960.

Тексты в антологии приведены по: Александрийская поэзия. М., 1972.

КАЛЛИМАХ

ГИМНЫ

К ЗЕВСУ

К Зевсу за чашей воззвав, кого ж воспевать нам пристойней,
Как не его самого — вовеки державного бога,
Что Землеродных смирил и воссел судией Уранидов,
Зевса диктейского...так ли? Ликейского[1], может быть, скажем?
Сердце в сомненье: немалая тяжба о родине бога!
Молвят, о Зевс, будто свет увидал ты на Иде высокой,
Молвят, о Зевс, что аркадянин ты: так кто же солгал нам?
«Критяне все-то солгут»[2]; еще бы, и гроб сотворили[3]
Критяне, боже, тебе, — а ты пребываешь живущим!
Так, решено: на Паррасии[4] был ты рожден! Изобильно
Эта вершина одета густою листвой, и поныне
Свято блюдется: вовеки для дел Илифии ни самка
Зверя лесного туда не придет, ни женщина. «Реи
Древней Ложницей» зовет это место народ апиданов[5].
Вот разрешилось тобой роженицы почтенное чрево,
Вот она стала искать проточной воды, пожелавши
Скверну смыть и сама и тебе сотворить омовенье;
Но ведь тогда не струился еще ни Ладон величавый,
Ни Эриманф не катил чистейшие волны, и безводным
Весь был аркадский предел, что теперь многоводным зовется!
Так: ведь в оное время, как Рея пояс расторгла,
Много лелеял дубов в сухом своем русле Иаон,
Много повозок свой путь совершало по ложу Меланфа,
Много плодилось зверей в той самой лощине, где нынче
Сам Карион полноструйный течет, и шествовал путник
По каменистому дну Крафисы, по руслу Метопы[6],
Жажда терзала его — а вода под ногами таилась.

Этой нуждой стеснена, изрекла почтенная Рея:
«Матерь-Земля, роди же и ты: легки твои роды!»
Молвила так и, высоко воздев многомощную руку,
Камень жезлом поразила; разверзлась скала под ударом,
Брызнул обильный поток, и Рея омыла младенца,
После ж тебя, спеленавши, — о царь! — доверила Неде
Тайно доставить на Крит и воспитывать в месте надежном —
Неде, старейшей из нимф, что служили родильнице-Рее,
Самой почтенной в их сонме святом, кроме Стиксы с Фелидой[7].

Выслужить ей довелось большую награду у Реи:
Именем Неды богиня поток нарекла, что струится
Мимо града кавконов[8], а имя граду — Лепрейон,
Прямо во сретенье старца Нерея, и древнюю влагу
Черпает все и досель Ликаонской Медведицы[9] племя.
Вот уж и Фены прошла, на Кносс[10] свой путь направляя,
Неда с тобой на руках (поблизости Фены от Кносса);
Отче Зевес, пупок у тебя отпал в этом месте —
Дол и поныне зовут «Пуповым» с той поры кидонийцы[11].

На руки взяли тебя, — о Зевс! — корибантов подруги,
Нимфы диктейских лесов, а потом в колыбельку златую
Спать Адрастея сама уложила. Кормился младенец
Млеком козы Амальфеи, а после и лакомым медом,
Ибо внезапно открылись творенья пчелы «панакриды»
В тех Идейских горах[12], что Панакрами мы именуем.
Бурно кружились Куреты окрест твоей колыбели,
Громко бряцая оружьем, для Кронова чуткого уха
Звоном медяных щитов твой детский плач заглушая.
Зевс-миродержец, отменно ты рос и кормился отменно,
Быстро мужал, и скоро пушок осенил подбородок.
Даже и в детские лета была твоя мысль совершенна;
То-то и братья твои, пред тобой первородство имея,
Все же без спора тебе уступили небесные домы.

Речи старинных певцов не во всем доверья достойны:
Можно ль поверить, что жребий уделы Кронидам назначил?
Кто ж это стал бы делить Олимп и Аид жеребьевкой,
Кто, коль не вздорный глупец? О вещах равноценных пристало
Жребий метать; а здесь велико непомерно различье.
Я бы солгал, да никто ведь лжи такой не поверит.
Нет, не жребий владыкой богов тебя сделал, но длани,
Мощь и Сила твои, что держат дозор у престола.

Их ты в стражи избрал, а меж всех наилучшую птицу —
Для благовестий своих, что да будут с нами вовеки!
Так и среди человеков ты лучших избрал: не пучины
Влажной браздитель достался тебе, не певец, не
копейщик, —
Этих доверил ты меньшим богам в собранье блаженных,
Это другим поручил, а себе избрал градодержцев,
Властных царей; ведь у тех под рукой земледел, и воитель,
И мореход, и кого ни возьми — все служит владыке!
Медников мы прозывать навыкли Гефестовым родом,
Воины — люди Ареса, охотники — люди Хитоны[13],
Славной в лесах Артемиды, а лирники — Фебовы люди;
Но «от Зевса цари»[14], и нет божественней рода,
Нежели Зевсова часть: ты сам владык избираешь.
Им ты доверил блюсти города, а сам восседаешь
На высотах городских, надзирая, кто правит народом
Дурно, а кто исправляет расправу и суд правосудно.
Ты одарил изобильем царей; одарил их достатком,
Всех одарил — да не поровну дал; тому подтвержденье —
Наш государь: намного других владык превзошел он!
К вечеру он завершает деянье, что утром задумал,
К вечеру — подвиг великий, а прочее — только подумав!
Год на такое потребен иным, а иным — так и года
Мало: ты сам сдержал их порыв и отдал победу.

Радуйся много, всевышний Кронид, блаженства податель,
Здравья податель! Дела же твои я воспеть неспособен.
Кто же Зевса дела воспеть достойно способен?
Радуйся, отче, а нам ниспошли достаток и доблесть.
Доблести нет — и достаток не даст возрасти человеку,
Нет достатка — и доблесть не даст. Одари нас двояко!

К АПОЛЛОНУ

Слышишь, как зашептались листы Аполлонова лавра,
Как содрогается храм? Кто нечист, беги и сокройся!
Это ведь Феб постучался к нам в дверь прекрасной стопою.
Или не видишь? Нежданно согнулась делосская пальма, —
Но не от ветра! — а в воздухе лебедь залился напевом.
Вот уже сами собой засовы снялись, и раскрылись
Вот уже сами собой врата. О, бог недалече!
Юноши, время настало: усердие в пляске явите!
Зрим не для каждого царь Аполлон, но для славного мужа:
Кто его у́зрит, велик, а кто не у́зрит, тот жалок, —

Мы же, узревши тебя, Дальновержец, жалки не будем.
Но, коль скоро явился нам Феб, — о дети! — не должно
Вашим кифарам молчать или топоту ног прерываться,
Если хотите дожить до брака и старость увидеть,
Если желаете стенам стоять на древних устоях.
Так вот за это хвалю: я слышу, лира не праздна.
Ныне безмолвствуйте все, внимая песни о Фебе,

Ибо и море безмолвно, когда поют песнопевцы
Лук и кифару, прекрасный убор ликорейского Феба [1].
Горькие стоны Фетиды, тоскующей матери, молкнут,
Только заслышит она пэана, пэана напевы;
В оное время и камень от скорби своей отдыхает —
Слезоточивый утес фригийский [2], высоко подъятый
Мрамор, сковавший жену с разверстыми мукой устами.
Звонче пойте пэан! С богами спорить негоже.
Тот, кто спорит с богами, — с моим поспорь-ка владыкой!
Тот, кто спорит с владыкой моим, — поспорь с Аполлоном!
Но усердному хору воздаст Аполлон за усердье
Щедро; на то его власть — одесную сидит он от Зевса.
Ведь не один только день будет Феба хор славословить.
Впрочем, ну кто не поет Аполлона? Что славить приятней?
В золоте весь он: плащ золотой, золотая застежка,
Лира, ликтийский лук и колчан — все золотом блещет,
Как и сандалий убор. Аполлон ведь златом обилен,
Всяким богатством обилен, как сам ты увидишь в Пифоне.
Вечно он юн и вечно красив; вовек не оденет
Даже легчайший пушок ланиты нежные Феба.
Тихо по локонам книзу стекает елей благовонный, —
Нет, не масло струят святые власы Аполлона,
Но самое панакею. Во граде, где росы такие
Пали на землю однажды, вовеки недугов не будет.
Нет никого, кто бы столько искусств имел в обладанье:
Феба над лучником власть, и Феба власть над певцами,
Ибо его достоянье — и лук, и звучная песня;
Фебов удел — и пророки, и вещие камни; от Феба ж
Власть получают врачи отгонять врачеваньем кончину.
Феба зовем и Пастушеским мы, то время припомнив,
Как у Амфриссова брега[3] он блюл кобылиц быстроногих,
Жаркой любовью пылая к Адмету[4], подобному богу.
Скоро б возрос, и процвел, и умножился скот, и плодились
Козы без счета, когда бы сподобиться им Аполлона
Око иметь на себе; и овцы бы все зачинали,
Все бы метали ягнят и млеко струили обильно,
Каждая матка бы стала вдвойне и втройне плодовита.

Тот же Феб размерять города научил землемеров
В роде людском: возлюбил ведь Феб городов основанье
Новых, и первый камень своею рукой полагает.
Феб четырехгодовалым дитятей первый свой камень
В милой Ортигии[5] встарь заложил на береге озерном.
Роги ланей кинфийских[6] с охоты своей Артемида
Все приносила; и вот Аполлон, те роги сплетая,
Твердо сплотил основанье, потом из рогов же построил
Сверху алтарь, а вокруг рога́ расставил стеною.
Так-то Феб научился зачин полагать для строений!
Он же и земли отчизны моей для Батта[7] назначил:
Он и народ предводил, вступавший в Ливию, враном
Справа явившись вождю, и клялся город и стены
Роду наших владык даровать; и клятвы сдержал он.

Царь Аполлон, именуют тебя Боэдромием люди,
Кларием кличут тебя; имена твои многи повсюду.
Я же Карнеем[8] зову — таков мой обычай природный!
Ибо Карнею была обителью первою Спарта,
Фера за нею второй, а третьею — город Кирена:
Чада Эдипа в колене шестом из Спарты с собою
В Феру тебя привели, о Карней; а после из Феры,
Здравье найдя, Аристотель привел к земле Асбистийской[9];
Храм он отменный воздвигнул тебе, наказав горожанам
Из года в год обновлять торжества, при которых обильно,
О владыка! быки на помост припадают кровавый.
Иэ пэан! Многочтимый Карней! Ведь каждой весною
Твой алтарь цветами увит, каких только Оры
Ни ухитрятся взрастить под росистым Зефира дыханьем,
Каждой зимою шафраном украшен; на нем пламенеет
Неугасимый огонь, и пеплом не кроются угли.
Фебово сердце смеялось, когда приспели впервые
Сроки Карнейских торжеств и в кругу белокурых ливиек
Начали пляс, доспехи надев, брaноносные мужи
(В оное время дорийцы еще не черпа́ли влаги
Из Кирейской струи[10], но жили в долинах Азилы);
Празднество их увидав, Аполлон любезной подруге
Их показал с Миртусской скалы, с высот, где сразила
Дщерь Гипсеева льва, быков Эврипиловых гибель[11].
О, никогда еще Феб хоровода не видел священней,
И ни единому граду щедрее себя не явил он,
Нежель Кирене, подругу почтив; и Баттовы чада
Ни одного из богов не чтили вернее, чем Феба.

Иэ пэан, о, иэ пэан! — Мы внемлем припевам

Тем, что дельфийский народ измыслил в оное время,
Как на луке златом искусство явил Стреловержец.
Вот нисходил ты к Пифо[12], и предстал тебе в облике змия
Демон ужасный: но легкие стрелы в него ты направил
Быстро, одну за другой, и народ восклицал в изумленье:
«Иэ пэан! И *этой* попал! Защитником сильным
Матери будешь ты, бог!» — отсель и ведутся припевы.

На ухо раз Аполлону шепнула украдкою Зависть:
«Мне не по нраву певец, что не так поет, как пучина!»[13]
Зависть ударил ногой Аполлон и слово промолвил:
«Ток ассирийской реки обилен, но много с собою
Грязи и скверны несет и темным илом мутится.
А ведь не всякую воду приносят Деметре Мелиссы[14].
Нет, — но отыщут сперва прозрачно-чистую влагу
И от святого ключа зачерпнут осторожно, по капле».
Радуйся, царь! Да отыдет Хула — и Зависть прихватит.

К АРТЕМИДЕ

Артемиду, кого не к добру воспевать песнопевцу,
Мы воспоем, возлюбившую лук, и охоты, и травли,
И хоровод круговой, и пляски на горных высотах;
Петь же начнем от времен, когда еще девочкой малой,
Сидя на отчих коленях, она лепетала умильно:
«Папенька, ты подари мне дар вековечного девства,
Много имен подари, чтобы Феб не спорил со мною!
Дай мне стрелы и лук — или нет, отец, не пекися
Ты о луке и стрелах; скуют мне проворно киклопы
Множество стрел, и гибкою лук наделят тетивою.
Ты же мне светочи даруй в удел и хитон, до колена .
Лишь доходящий, дабы нагнать мне зверя лесного;
Дай шестьдесят дочерей Океановых, резвых плясуний —
Каждой по девять годов, и каждая в детском хитоне;
Дай в прислужницы мне два десятка нимф амнисийских[1] —
Пусть пекутся они у меня о сапожках и гончих
Псах, когда мне случится сражать оленей и рысей.
Горы мне подари, а вот город — какой пожелаешь
Мне уделить; не часто его посетит Артемида.
Жить на высях я буду, людей города навещая
Только по зову рожающих жен, что в пронзительных муках
Станут ко мне вопиять, мне в удел сужденные первый
Мойрою; им я должна помогать и нести избавленье,
Ибо не ведала мук, нося меня и рождая,

Мать, но безбольно на свет из родимой явила утробы».
Так говорила она и силилась тронуть с мольбою
Подбородок отца, но долго ручки тянула
Прежде, чем дотянулась. Отец же кивнул ей приветно
И, осклабляясь, сказал: «Когда бы таких мне рождали
Чаще богини детей, о гневе ревнующей Геры
Я бы и печься не стал. Прими же, дитя, в обладанье
Все, что сама пожелала! Но больше отец твой прибавит.
Тридцать дам городов, а к ним — укреплений немало,
Тридцать дам городов, из которых вовек ни единый
Бога иного не станет хвалить, по тебе именуясь;
Много притом городов Артемида разделит с другими,
На островах и на суше; и в каждом городе будут
Роща у ней и алтарь. И еще — все дороги отходят,
Гавани все под руку твою». Закончивши слово,
Он покивал головой. И в путь отправилась дева,
Критской взыскуя горы, ища лесокудрого Левка;
После пошла к Океану и нимф получила избранных —
Каждой по девять годов и каждая в детском хитоне.
Много ликуй, о Кэрата поток[2], и ты, о Тефиса,
Ибо своих дочерей Летоиде вы дали в подруги!

Но оттоль поспешила к киклопам она, обрела же
Их на острове том, что зовется Липарой, — Липарой
Ныне зовем мы его, но тогда он был Мелигунис, —
У наковальни Гефеста, великое дело свершавших:
Чашу ковали они, водопой Посейдоновым коням.
Как устрашилися нимфы, ужасных узрев исполинов,
Высям Оссы подобных! У каждого яро глядело
Из-под бровей единое око, огромностью схоже
С четверокожным щитом; к тому же звон наковален
В уши нимф ударял, и кузнечных мехов воздыхавших
Свист громогласный, и тяжкие стоны; охала Этна,
Охала с ней Тринакрия, жилище сиканов[3], а дале
Ахал Италии край, и эхом Кирн[4] ему вторил;
Между тем ковачи, вознося над плечами с размаху
Молоты, мощно в расплавленный ком железа иль меди
В лад ударяли и ухали шумно сквозь сжатые зубы.
Вот потому-то без слез не могли Океановы дщери
Ни на вид их взглянуть, ни шум ушами услышать,
Не мудрено: всегда ведь дрожат, киклопов завидев,
Дщери блаженных, даже и те, кому лет уж немало.
Ежели матери слушать не хочет девочка, тотчас
Мать в подмогу на дочь для острастки кличет киклопов —
Арга или Стеропа; тогда из укромного места

Кто выходит? Гермес, обличье вымазав сажей.
Живо он страх нагоняет на девочку; та, присмиревши,
Прячется к маме на грудь и глаза накрывает руками.
Ты же, о Дева, и раньше, трехлетней еще, не страшилась.
Было: Лето на руках принесла тебя в гости к Гефесту,
Что тебя пожелал повидать, одарив для знакомства.
Вот на крепких тебя Бронтей[5] лелеял коленях,
Ты же с пространной груди густые власы ухватила
Крепко и дернула с силой... Досель у него безволоса
Вся середина груди, как бывает, когда заведется
У мужчины в висках, оголяя кожу, лисица.
Так и на этот раз ты речь повела без смущенья:
«Эй, киклопы! Живей снарядите мне лук кидонийский,
Стрелы в придачу к нему и для стрел вместительный короб.
Ведь не один Аполлон — и я Лето порожденье!
Если же мне приведется добыть стрелою иль вепря,
Или зверя иного, то будет пир для киклопов».
Молвила; сделано дело — и ты получила доспехи ⟨...⟩

(*Пер. С. Аверинцева*)

ЭПИГРАММЫ

Кто бы ты ни был, прохожий, узнай: Каллимах из Кирены
Был мой родитель, и сын есть у меня Каллимах.
Знай и о них: мой отец был начальником нашего войска,
Сын же искусством певца зависть умел побеждать.
Не, удивляйся, — кто был еще мальчиком Музам приятен,
Тот и седым стариком их сохраняет любовь.

(*Пер. Л. Блуменау*)

* * *

Эти стихи Архилоха, его полнозвучные ямбы —
Яд беспощадный хулы, гнева кипучего яд...

(*Пер. Л. Блуменау*)

* * *

Баттова сына могилу проходишь ты, путник. Умел он
Песни слагать, а подчас и за вином не скучать.

(*Пер. Л. Блуменау*)

* * *

Кикликов стих ненавижу; дорогой идти проторенной,
Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу.

То, что нравится многим, не мило мне; мутную воду
Пить не хочу из ручья, где ее черпают все.
«Ах, как Лисаний красив, ах, дружок!» — не успеешь промолвить,
Ахнет и Эхо: «Ах, друг! Это другой уж сказал!»

(*Пер. М. Грабарь-Пассек*)

* * *

Новой дорогой пошел Феэтет. И пускай ему этим
Новым путем до сих пор, Вакх, не дается твой плющ, —
Пусть на короткое время других восхваляет глашатай, —
Гений его прославлять будет Эллада всегда.

(*Пер. Л. Блуменау*)

* * *

Ищет везде, Эпикид, по горам с увлеченьем охотник
Зайца иль серны следов. Инею, снегу он рад...
Если б, однако, сказали ему: «Видишь раненный насмерть
Зверь здесь лежит», — он такой легкой добычи б не взял.
Так и любовь моя: рада гоняться она за бегущим,
Что же доступно, того вовсе не хочет она.

(*Пер. Л. Блуменау*)

* * *

Кто-то сказал мне о смерти твоей, Гераклит, и заставил
Ты меня слезы пролить. Вспомнилось мне, как с тобой
Часто в беседе мы солнца закат провожали. Теперь же
Прахом ты стал уж давно, галикарнасский мой друг!
Но еще живы твои соловьиные песни; жестокий,
Все уносящий Аид рук не наложит на них.

(Пер. Л. Блуменау)

ПРИМЕЧАНИЯ

Гимн к Зевсу. [1]*Диктейский* — эпитет Зевса по имени Диктейской пещеры на Крите; *ликейский* («волчий») — эпитет Зевса (как и Аполлона) в Аргосе и Фессалии. [2]«Критяне все-то солгут» — поговорка. [3]Имеется в виду версия мифа, по которой Зевс умер и могила его находится на Крите. [4]*Паррасий* — область в Аркадии. [5]*Апиданы* — жители Пелопоннеса (древнее его название Апид, Апий). [6]*Ладон, Эриманф, Иаон, Меланф, Карион, Крафис, Метопа* — реки в Аркадии. [7]*Неда, Стикса, Фелида* — нимфы. [8]*Кавконы* — мифическое племя, жившее в Пелопоннесе. [9]*Ликаонской Медведицы (Гелики) племя* — аркадцы. [10]*Фены, Кносс* — города на Крите. [11]*Кидонийцы* — критское племя. [12]*Идейские*

горы (*Панакры*) — горы на Крите. [13]*Хитона* — эпиклеса Артемиды. [14]«От Зевса цари» — Гесиод «Теогония».

Гимн к Аполлону. [1]*Ликорейский Феб* — эпитет Аполлона по одной из вершин Парнаса близ Дельф. [2]*Слезоточивый утес* — Ниоба, обращенная в скалу. [3]*Амфрисс* — река в Фессалии. [4]*Адмет* — царь Фер, муж Алкесты, у которого Аполлон находился в рабстве, после того как убил Гиацинта. [5]*Ортигия* — о-в Делос. [6]*Кинф* — гора на Делосе, родине Аполлона и Артемиды. [7]*Батт* (другое имя — Аристотель) — мифический основатель Кирены, родины Каллимаха, считавшего его своим предком. [8]*Эпиклесы Аполлона* — Боэдромий, Кларий (по имени святилища Клароса в М. Азии), Карней (под этим именем Аполлон почитался в Спарте, Фере, Кирене) — Карнейские торжества. [9]*Асбистийская земля* — Кирена. [10]*Кирейская струя*, долина Азилы, Миртусская скала — местности в Кирене. [11]*Дщерь Гипсеева* — Кирена, возлюбленная Аполлона, дочь речного бога Гипсея, была перенесена в Ливию, где убила льва, уничтожавшего стада царя Эврипила (Эврипиловы быки) и стала царицей города Кирены. [12]*Пифо* — древнее название области Парнасса и Дельф. [13]Отражение литературной полемики Каллимаха и Аполлония Родосского. [14]*Мелисса* — жрица Деметры.

Гимн к Артемиде. [1]*Амнисийские нимфы* — Амнис, река на Крите. [2]*Кэрат* — река на Крите. [3]*Сиканы* — древние жители Сицилии (Тринакрии). [4]*Кирн* — о-в Корсика. [5]*Бронтей* — киклоп, брат Арга и Стеропа, сыновей Урана.

АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ

АРГОНАВТИКА

Песнь третья (*отрывки*)

Ближе ко мне, Эрато, помоги, скажи, как из Эи
Вывез Ясон золотое руно и в Иолк с ним вернулся
Через Медеи любовь[1]. Ведь ты сопричастна Киприде,
Ибо нетронутых дев обвораживать песнью умеешь.
Вот почему и пристало тебе твое милое имя! ⟨...⟩

[Гера и Афина приходят к Афродите, чтобы она приказала Эроту внушить Медее любовь к Ясону.]

Так говорила она. Отвечала обеим Киприда:
«Вас-то скорей, чем меня, он послушает, Гера с Афиной!
Может, в бесстыжих глазах у него, — ведь стыда он не знает, —
Будет хоть капля стыда, когда вас он увидит обеих.
Ну, а меня он не ставит ни в грош — дерзит и глумится.
Я была уж не прочь, возмущенная злом этим, вместе
С луком его заодно изломать и противные стрелы
Тут же пред ним. Ведь он пригрозил мне на днях, обозлившись,

Что, коль рук я держать от него вдалеке не желаю,
Воли гневу доколь не дает он, — раскаюсь в грядущем».

Молвила так. А богини, на то улыбнувшись, друг с другом
Переглянулись. Киприда же им сказала с печалью:
«Только смех возбуждает в других мое горе. Не след бы
Всем о нем говорить, — про себя его знать бы довольно.
Ныне ж, коль дело для нас, для обеих, желательно, надо
Вам порадеть: я сына смягчу, — он не будет ослушлив!»

〈...〉

Молвила, встала со стула, ей вслед поднялася Афина,
Обе в обратный путь пошли. Потом и Киприда
Тоже пошла по лощинам Олимпа на поиски сына.
Вскоре его в сторонке нашли в саду у Зевеса
Не одного: с ним был Ганимед, которого в небе
Вместе с богами Зевес поселил когда-то прельщенный
Дивной его красотой. Играли они в золотые
Бабки, как то подобает мальчишкам, сходным по нраву.
Бабок полную горсть, к груди ее крепко прижавши,
Левой рукою держал Эрот ненасытный, и прямо
Он во весь рост стоял, торжествуя, и милым румянцем
Рдели ланиты его. А товарищ на корточках рядом
Молча сидел, огорчен: у него лишь две бабки остались.
Бросил одну за другой, рассердившись на хохот Эрота,
Он, но и их потерял невдолге, как и все остальные.
Прочь смущенный пошел Ганимед с пустыми руками
И подходившей не видел Киприды. Она ж против сына
Стала и, щеку ему ущипнув, промолвила слово:
«Ты, несказанное зло, почему смеешься? Иль снова
Глупого ты обманул и нечестной гордишься победой?
Ну-ка, теперь ты мне услужи, сделай то, что велю я.
Диво-игрушку за то от меня ты в подарок получишь:
Зевсу ее смастерила кормилица Адрастея, —
Был он ребенком когда неразумным — в пещере
Идейской, —
Быстро кружащийся мяч! Другого лучше подарка
Даже из рук Гефеста, пожалуй, ты не получишь.
Весь из колец золотых он сноровлен; двойные ободья,
Каждое вкруг охватив из колец его обегают;
Швов незаметно совсем; поверх колец и ободьев
Пояс идет темно-синий; когда тот мяч ты подбросишь,
Он, как звезда, по воздуху след оставляет блестящий.
Мяч я тебе подарю, если дочь Эита стрелою
Ранишь и страсть ей внушишь к Язону. Но только не медли.
Ибо иначе моя благодарность тебе будет меньше!»

Молвила так, и ему эту речь было радостно слышать.
Выбросил бабки он все и обеими крепко руками
Стал за богини хитон там и сям, где придется, хвататься;
Мать умолял он, чтоб мяч отдала ему сразу, она же
Гладила щеки ему и, обняв, целовала и, нежным
Словом голубя его, отвечала сыну с улыбкой:
«Знай же не хуже; чем я, удержи это в милой головке:
Этот подарок тебе я вручу, и обмана не будет,
Если Эитову дочь своей ты поранишь стрелою».
Молвила; он же, собрав свои бабки и все сосчитав их,
Бросил все до одной на блестящее матери лоно.
Сразу колчан свой — стоял у него он к стволу
прислоненным —
Через плечо на ремне золотом перекинул и гнутый.
Лук он взял и пошел через Зевсов сад плодоносный ⟨...⟩
Тою порой прилетел через чистый воздух незримо
Злобный Эрот. Так в лугах на юных коров налетает
Овод, — его пастухи «коровьим слепнем» именуют.
Став под дверным косяком в притворе и лук свой
согнувши,
Свежую вынул стрелу многостонную он из колчана,
Легкой стопою затем на порог с косяка ниспустился,
Зорко глазами водя и вплотную к Язону прижавшись,
На тетиву он зарубку стрелы наложил посредине
И, руками обеими лук напрягши сильнее,
Стрелкой в Медею попал. Онеменье ее охватило,
Он же обратно домой из чертога с высокою кровлей,
Громко смеясь, улетел. А стрела, вонзившись глубоко,
Прямо под сердцем у девы горела, как пламя. И часто
На Эзонида Медея блестящие взоры кидала,
Сердце в груди у нее волновалось, и в сладкой
Таяла муке душа, обо всем ином позабывши ⟨...⟩

⟨...⟩ Цвет ланит ее нежных менялся,
И против воли ее то бледнели они, то краснели ⟨...⟩

⟨...⟩ И пошли из чертогов герои,
Сын Эзона средь них выдавался всех больше, блистая
Стройностью и красотой. На него украдкой смотрела
Из-под блестящей фаты неотрывно Эитова дева,
Сердце ей жгла тоска, и мысль, словно плавно скользящий
Сон, устремилась вослед уходящему мужу.
И, опасаясь навлечь Эита гнев, Халкиопа
В свой поспешила чертог удалиться вместе с сынами.
Также пошла и Медея к себе. Ей на ум приходило
Много такого, о чем побуждают нас думать Эроты.

Все, что видала она, пред очами снова витало:
Сам он, каким был тогда, и в какое одет был он платье,
Что говорил, и как на кресле сидел, и как вышел
Он из дверей. И в тревоге казалось ей, что едва ли
Сыщется равный ему герой; в ушах раздавался
Голос его и сладкие речи, что им говорились;
И трепетала она, что загублен он будет быками
Или Эитом самим; и по нем причитала, как будто
Был он почившим уже, и струились от жалости к мужу
И от тревоги у ней по ланитам отрадные слезы.
Тихо сетуя, молвила вслух она слово такое:

«Ах, почему эта скорбь меня, несчастную, мучит?
Лучше ли, хуже ли он других героев, — но если
Должен погибнуть он, пусть погибает. О, если б он спасся!
О Персеида[2], богиня-владычица, так пусть и будет!
Пусть он вернется домой, избежавши участи горькой.
Если ж ему суждено от быков погибнуть, то пусть он
Знает, что доле его печальной я рада не буду!» ⟨...⟩
Ночью Медею, едва она к ложу приникла, глубокий
Сон от скорбей отрешил. Но ее, огорченную, стали
Сразу манить и дразнить сновиденья обманные, злые.
Снилось ей: чужестранец за подвиг взялся богатырский
Не потому, что овна руно увезти он желает,
И что совсем не за этим ко граду Эита поспешно
Прибыл герой, но лишь для того, чтоб ввести ее в дом свой
Юной супругой. И дальше казалось ей, будто с быками
Бьется она сама и труд легко совершает,
Но что родные ее не хотят исполнять обещанья,
Так как быков запрягать ему самому, а не деве
Велено было. И вот началась обоюдная ссора
Между отцом и гостями. И спор решить поручили
Ей, чтобы все, как она направит разумом дело,
Было; родных не щадя, предпочла она чужестранца,
Тех же безумная скорбь обуяла, и громко вскричали
В гневе они. А ее, чуть лишь крик раздался, покинул
Сон, и в страхе вскочив, оглядывать стала Медея
Стены светлицы, и лишь постепенно в себя приходило
Сердце в груди у нее, и громко дева сказала:
«Бедная я! эти страшные сны, как они напугали!
Я опасаюсь, чтоб тяжкого зла нам прибытье героев
Не принесло. У меня же за гостя волнуется сердце!
Пусть там вдали у себя на ахейской он женится деве,
Мне же девство мое и родные мои остаются!
Дерзкое сердце смирив, без сестры ни за что я не буду

Делать попыток. Быть может, сама начнет Халкиопа
Помощи нашей просить, о своих сыновьях сокрушаясь.
Это в груди бы моей и боль и скорбь угасило».

Молвила, встала она и дверь отворила светлицы,
Полуодета, босая. И страстно идти ей хотелось
В терем к сестре, и она за порог на шаг уж ступила,
Но задержалась и долго стояла у входа в светлицу, —
Стыд ей идти не давал, — и затем повернула обратно,
К выходу снова пошла, и внутрь опять отступила.
Так бесполезно туда и сюда ее ноги носили, —
Только лишь сделает шаг — и стыд толкает обратно,
Стыд удержит — а дерзкая страсть идти заставляет.
Трижды пыталась идти — и трижды сдержалась;
в четвертый
Раз вернувшись назад, на ложе ничком она пала.
Как в терему молодая жена по муже цветущем
(Отдал ее за него иль отец или братья) рыдает,
И ни с одной из прислужниц делиться горем не хочет,
Ибо разумность и стыд ей мешают, но тайно горюет,
Зная, что мужа сгубила судьба; надеждами оба
Не насладились еще, и она, хоть терзается скорбью,
Слезы в молчании льет, взирая на ложе пустое,
Дабы не стали смеяться над ней пересмешницы жены, —
Так же Медея в тот час рыдала. Но тут подглядела
Как она плачет, случайно идущая мимо служанка,
Девушка юная, — та, что за ней постоянно ходила, —
И Халкиопе о том возвестила немедля. Сидела
Та с сыновьями, вся в думы уйдя, как сестру умолить ей.
Все ж равнодушной она не осталась, когда от служанки
Слово нежданное вдруг услыхала, но в страхе, поспешно
Бросилась прямо из терема в терем к сестре, где лежала
В скорби глубокой она, ланиты терзая руками.
И, увидав, что слезами полны ее очи, сказала:

«Горе мне, о Медея, почто проливаешь ты слезы?
Что приключилось? Душою твоей что за скорбь овладела?
Или ниспосланный богом недуг по членам блуждает,
Иль от отца услыхала ты грозное слово какое
И обо мне, и о детях моих? Ни отчего дома
Лучше бы мне не видать, ни города, но в отдаленье
Жить где-нибудь на земле, где б и имени не было колхов».

Так говорила она. А у той покраснели ланиты,
Долго ей девственный стыд мешал отвечать, как хотелось.

То уж на самый конец языка поднималося слово,
То в глубочайшую глубь груди отлетало обратно;
С милых уст не однажды оно прозвучать собиралось, —
Но прозвучать не могло. Наконец промолвила дева
Слово лукавое, ей внушенное дерзким Эротом:
«За сыновей за твоих, Халкиопа, волнуется сердце, —
Как бы отец наш и их не сгубил с чужестранцами вместе!
Только что краткой дремотой забылась я и такие
Страшные видела сны! Пусть сбыться им бог не дозволит!
Пусть не коснется тебя печаль и кручина о детях!»
Так говорила она, пытая сестру, не начнет ли
Первою та умолять, чтоб она помогла ее детям.
А Халкиопа при слове таком — нестерпимою скорбью
Дух захлестнуло у ней от страха — так отвечала:
«Я и сама, поразмыслив об этом, к тебе обращаюсь
С просьбой, не можешь ли помощь какую, придумав, наладить,
Но поклянись и Ураном и Геей, что все, что скажу я,
В сердце своем сохранишь и мне соучастницей будешь.
Я заклинаю тебя богами, тобой и родными,
Сделай, чтоб мне не пришлось погибших жалкою смертью
Видеть сынов! Иль вместе с детьми я умру и в грядущем
Буду являться тебе из Аида Эринией грозной!»

Молвила так, и обильные слезы у ней полилися.
Снизу колени Медеи она обхватила руками,
Голову ей опустила на грудь, и тогда они обе
Жалобный подняли плач одна за другой. И пронесся
Нежный по горнице звук: то они в печали рыдали.
С грустной речью к сестре обратилась первой Медея:

«Бедная! Что мне за зелье сготовить? Вот ты о проклятьях
И об Эриниях злых говоришь мне! О, если б под силу
Было мне всех твоих сыновей из опасности вырвать!
Колхов страшнейшую клятву, которой меня заставляешь
Клясться, я дам: пусть знает Уран и лежащая ниже
Гея, праматерь богов, что, насколько мне силы достанет,
Я порадею тебе, раз ты просишь, во всем, что возможно».

Молвила. А Халкиопа такой ответила речью:
«А для пришельца — и он ведь в беде — не дерзнешь ли какую
Хитрость придумать иль дать совет в этом деле нелегком
Ради моих сыновей? По его поручению прибыл

Арг, побуждая меня попытать, не окажешь ли помощь, —
Идя к тебе, я пока что его у себя задержала».

Так говорила она. У Медеи запрыгало сердце
Радостно. Ярким румянцем покрылась нежная кожа
И от восторга в глазах потемнело. В ответ она молвит:
«Я, Халкиопа, для вас все, что вам по сердцу придется,
Сделаю. Пусть для меня не сияет больше денница,
Пусть лишь недолго меня живою видеть ты будешь,
Если что-либо дерзну я души твоей выше поставить
Или твоих сыновей, — для меня они братья родные,
Сверстники мне и племянники милые. Я и сама ведь
Прямо скажу, не только сестра для тебя, но и дочка:
Ибо меня, как своих сыновей, вскормила ты грудью,
Крошкой когда я была, — часто мать мне про то говорила!
Выйди теперь и услугу мою прикрывай ты молчаньем,
Чтобы тайком от отца я могла обещанье исполнить.
А на заре принесу от быков в храм Гекаты я зелье
[Чтоб его гостю снести, из-за коего брань возгорелась]».
Тут из светлицы ушла Халкиопа и детям про помощь,
Что обещала сестра, поведала. Снова Медею,
Чуть лишь осталась одна, и стыд и страх охватили:
Как против воли отца на такое пошла она дело?
Ночь наступила меж тем и на землю мрак опустила,
На Орион, на Гелику глядели в морях мореходы
С быстрых судов. В этот час начинает и сторож и путник
Жаждать сна; даже к матери, малых детей потерявшей,
Крепкий нисходит сон и смежает усталые вежды.
Не было слышно по городу лая псов; многозвучный
Говор затих; молчалив был ночи мрак непроглядный.
Только Медея не в силах сладким сном позабыться:
Страсть к Эзониду в душе у нее пробуждала заботы.
Страшны ей были быки и сила их, от которой
Должен злосчастный герой погибнуть на ниве Ареса.
Сердце в груди у нее от волненья часто стучало,
Словно как солнечный луч, отраженный водой, что
в подойник
Только что на́лили, или в котел, по горнице дома
Прыгает взад и вперед и в стремительном круговращенье
Носится с места на место, туда и сюда устремляясь,
Так и в девичьей груди, трепеща, волновалося сердце;
Слезы лились из очей от жалости, и непрестанно
Мучила скорбь и по телу огнем разливалась, внедряясь
В нежные жилы и в нижнюю часть головы до затылка,
Там где всего ощутимее боль, едва лишь Эроты

Неутомимые в сердце людское забросят кручину.
То говорила она про себя, что волшебное зелье
Даст, то опять, что не даст, но и жить не останется тоже,
И через миг, что и зелья не даст, и сама не погибнет,
Но что спокойно сносить судьбу свою скорбную будет.
Села на ложе потом и в сомненье так говорила:

«Слева и справа беда! Что ж мне делать несчастной?
Выхода ум не отыщет никак, и сил не хватает
Муку избыть, которая жжет меня непрестанно!
О, если б легкой стрелой меня Артемида сразила,
Прежде чем я узрела его, чем сыны Халкиопы
В землю ахеян отплыли. Оттуда привел чужеземцев
Бог ли, Эриния ль нам на печаль и на многие слезы.
Пусть он погибнет в бою, если гибель на ниве судила
Злая судьба! Как смогу я тайком от родных изготовить
Зелье ему? И с какими я к ним обращуся словами?
Хитрость какая, какое коварство тогда мне поможет?
Или к нему подойти, одного, без друзей, повидать мне?
Жалкая я! Нет надежды на то, что, когда он погибнет,
Я отдохну от скорбей. Нет, тяжкое горе нахлынет
Чуть лишь он жизни лишится. Так прочь, девичья стыдливость!
Блеск моей жизни, прости! Пусть, моим измышленьем спасенный,
Он невредимым уедет туда, куда сердце запросит.
Я же в тот самый день, как свершит он подвиг свой трудный,
Смерть готова принять, иль повесившись в горнице дома,
Или же зельем себя опоив, разрушающим душу.
Но и по смерти меня осыпать насмешками будут,
Будет весь город кричать о горькой доле Медеи,
И, на устах мое имя неся, колхидские жены
Будут одна за другой измываться над тою несчастной,
Что, все заботы отдав иноземному мужу, погибла
И опозорила дом и родных любострастью в угоду.
Есть ли на свете позор, что моим позором не будет?
О, моя злая судьба! Насколько было бы лучше
Нынче же ночью здесь в чертоге жизнь оборвать мне
Смертью нежданной и так избежать обличений постыдных
Прежде, чем дело свершу несказанное, полное срама».
Молвила так, и к ларцу подошла, где у ней находилось
Много целебных и душу снедающих трав. На колени
Ларчик поставив, рыдать она стала, и, не преставая,
Грудь орошала слезами себе, и текли в изобилье

Слезы у ней, горевавшей о доле тяжелой. Хотела
Душу губящие травы она отобрать, чтоб вкусить их.
Вот уж ремни разрешать у ларца она стала, желая
Травы оттуда достать, злополучная, но ниспустился
Лютый страх пред Аидом незапно на душу Медеи.
В оцепенении долго она пробыла. Представлялись
Ей то и дело заботы, отраду дающие жизни.
Вспомнились радости ей, что бывают порой у живущих,
Вспомнила — дева сама — и круг отрадный ровесниц.
Солнца свет ей отраднее стал, чем прежде казался,
Правильно если она обо всем пережитом судила.
Снова на землю с колен опустила свой ларчик Медея,
Помыслы, думы ее, изменясь по внушению Геры,
Уж не двоились. Она ждала лишь восхода денницы
Чтобы, едва засияет она, волшебное средство
По обещанию дать и лицом с ним к лицу повстречаться.
Часто затворы с дверей поднимала она, чтоб увидеть,
Брезжит ли свет. И желанное ей вдруг метнула сиянье
Эригения[3], и вмиг движеньем наполнился город ⟨...⟩

[Медея встречается с Язоном около храма Гекаты.]

Вскоре Язон показался и пред нетерпеньем томимой
Девою быстро предстал, словно Сириус из Океана,
Что и прекрасным и ясным для всех восходит на небо,
Но несказанные беды на коз и овец насылает.
Так же и к ней Эзонид подошел, красотой ослепляя,
Но, появившись, воздвиг нежеланную в сердце кручину.
Сердце упало в груди у Медеи; затмились туманом
Очи ее; и залил ей ланиты горячий румянец;
Шагу ступить ни назад, ни вперед не была она в силах,
Словно к земле приросли стопы онемевшие девы.
Все между тем до одной отошли подальше служанки.
Оба, и он и она, стояли долго в молчанье,
Или высоким дубам, или стройным соснам подобны,
Что среди гор, укрепясь на корнях, недвижимо спокойны
В пору безветрия, но и они, если ветра порывы
Их заколеблют, шумят непрестанно. Так точно обоим
Много речей предстояло вести под дыханьем Эрота.
Понял Язон, что на деву ниспослано свыше несчастье
Волей богов, и, льстя ей, промолвил слово такое:

«Дева, зачем предо мной — я один! — ты трепещешь так сильно?
Я ведь совсем не таков, как иные хвастливые мужи,
Не был и прежде таким, пока оставался в отчизне!

Пусть поэтому стыд чрезмерный тебе не мешает,
Дева, меня расспросить иль сказать мне о том, о чем
хочешь.
Если сошлись мы, питая друг к другу добрые чувства,
В месте священном, не с тем, чтобы делом греховным
заняться, —
Прямо со мной говори и расспрашивай, словом любезным
Не прикрывая обман: ведь сама сестре обещала
Первая ты, что дашь для меня подходящее зелье.
Я заклинаю тебя и Гекатой самой, и родными,
И Громовержцем, что руку простер над молящим
и гостем, —
Я, который и гостем явился сюда и молящим,
Чтоб умолять в безысходной нужде. Ведь без помощи
вашей
Не одолеть мне вовек многотрудной этой работы.
Я же в грядущем воздам за помощь тебе благодарность
Ту, что могу, как то подобает живущим далёко,
Доброю славой возвысивши имя твое. И другие
Будут герои тебя прославлять, воротившись в Элладу,
Будут и жены, и матери их, которые ныне
Горько рыдают о нас, на морском берегу восседая, —
Ибо поступком своим ты их тяжкие скорби рассеешь.
Некогда ведь и Тезея, в борьбе ему злой помогая,
Блага желая ему, Ариадна спасла Миноида,
Дева, что рождена Пасифаей, Гелия дщерью.
Мало того, когда гнев Миноса смирился, отчизну
Бросив, она отплыла на судне вместе с Тезеем.
Боги любили ее, и в знак того средь эфира
Звездный сияет венец, что «венцом Ариадны» зовется,
Целую ночь напролет средь небесных вращаясь подобий.
И для тебя от богов такая же будет награда,
Если стольких спасешь ты славных мужей. Ты прекрасна
Так, что не можешь не быть непременно и кроткой
и доброй».

Так, ее славя, он молвил. Она же, потупивши очи,
Дивно ему улыбнулась. Восторга исполнилось сердце,
Дух поднялся от похвал, и она на Язона взглянула.
Но не могла для беседы найти она первого слова,
Ибо о том и о сем говорить ей сразу хотелось.
Тут, отказавшись от слов, из душистого пояса зелье
Вынула просто она. Он же с радостью взял его в руки.
Дева готова была б для него свою вычерпать душу
И с восхищеньем отдать, если б этого он домогался:

Нежное пламя такое от русой главы Эзонида
Мощный Эрот разливал, и блестящие девичьи взоры
Властно он влек за собой, и душа согревалась Медеи
Тая, как капельки тают росы на розах цветущих,
Чуть лишь солнца лучи на заре начнут согревать их.
То опускали к земле они оба стыдливые очи,
То друг на друга опять бросали робкие взгляды,
Из-под веселых бровей светло улыбаясь друг другу.
И наконец через силу промолвила вот что Медея:

«Слушай с вниманьем теперь, как тебе уготовлю я
помощь ⟨...⟩».

[ст. 1027—1062 — наставления Медеи Язону о том, как он сможет избежать грозящей ему опасности и овладеть золотым руном.]

Молвила так, и в молчании, долу глаза опустивши,
Щедро горячей слезой она оросила ланиты,
Плача о том, что по морю один, от нее в отдаленье,
Будет блуждать он, и снова к нему, удрученная скорбью,
С речью такой обратилась она, его длани коснувшись,
Ибо уже далеко от очей улетела стыдливость:

«Помни, коль в отчий тебе удастся дом воротиться
Имя Медеи. Но также и я о тебе, о далеком,
Память в душе сохраню. Ты же мне расскажи
дружелюбно,
Где ты живешь и отсюда куда понесешься по морю
На корабле. В Орхомен ли теперь поплывешь ты богатый
Или на остров Ээю[4]? Скажи мне также о деве,
О многославной, чье имя назвал ты, — про дочь Пасифаи,
Той, что отцу моему родною придется сестрою».

Молвила. И на Язона, что девы слезами был тронут,
Грозный Эрот снизошел, и герой, прервав ее, молвил:
«Нет, никогда я тебя — ни ночью, ни днем не забуду,
Если, гибели злой избежав, и вправду отсюда
Я невредимым в Ахею уйду и если нам новой,
лейшей работы владыка Эит не назначит коварно.
Если ж угодно тебе узнать и о родине нашей,
Я расскажу: и меня к тому мой дух побуждает!
Есть страна, — окружают ее высокие горы,
Пастбищ на ней и овец изобилье. Отпрыск Япета
Там родил Прометей многославного Девкалиона, —
Первым тот град основал и храмы оздвигнул

Для присносущных богов, и над смертными первым
царил он.
Край тот зовут Гемонией все, кто живет по соседству.
Есть в нем Иолк, мой город родной, других населенных
Много есть городов, где по имени даже не знают
Остров Ээю. Преданье гласит, будто Миний оттуда —
Миний, рожденный Эолом, — ушел и город свой создал,
Тот Орхомен, что лежит недалеко совсем от Кадмеи.
Но для чего обо всем я об этом без толку болтаю,
И о жилище своем, и о славной везде Ариадне,
Дщери Миноса, — зовут тем именем дивно-прекрасным
Деву, милую всем, о коей меня вопрошаешь?
О, если б так, как тогда Минос сговорился с Тезеем
Об Ариадне, и твой бы отец нам сделался другом!»

Так он сказал, улещая ее заманчивой речью.
Сердце у ней между тем нестерпимая скорбь волновала,
И обратилась она к Язону со словом печальным:
«Это Элладе, пожалуй, к лицу заключать договоры,
Царь же Эит не такой человек, каким по рассказам
Был Пасифаи супруг, Минос; и можно ль равняться
Мне с Ариадной? Не думай, что можешь ты стать ему
другом, —
Лишь обо мне вспоминай, когда до Иолка доедешь,
Я ж тебя, вопреки даже воле родных, не забуду.
О, когда бы ко мне иль молва издалека домчалась,
Или же вестница птица, едва обо мне ты забудешь,
Либо меня самое быстролетные ветры чрез море
Прямо умчали в Иолк, унесли туда из Колхиды,
Чтобы, представ пред тобой, я в глаза тебя упрекнула,
Вспомнить заставив о том, что моим ты спасен
измышленьем.
О, если б в доме твоем неожиданно я очутилась!»

Так говорила она; по ланитам ее заструились
Скорбные слезы, а он в свой черед Медее ответил:

«Странная ты! Предоставь буйным ветрам блуждать
понапрасну,
Также и вестницам птицам летать, — говоришь ты без
толку!
Ведай, коль в землю Эллады и в наши места ты приедешь,
Будешь у жен и мужей ты в почете и в уваженье,
И, словно бога, тебя будут чтить все они, потому что
Волей твоей у одних сыновья домой воротились,
А у других в свой черед или родичи их, или братья,

Или мужья в цвете лет избежали беды неминучей.
А у меня в терему ты супругой законной разделишь
Ложе мое, и другое ничто наш союз не расторгнет,
Кроме как смерть, что согласно судьбе нас с тобою постигнет».
Молвил он: сердце у ней от слов его таяло сладко,
Но и пугало ее совершенье зловредного дела.
Бедная! Не соглашаться на то, чтоб уехать в Элладу,
Ей предстояло недолго. Давно задумала Гера,
Чтобы в священный Иолк прибыла из Эи царевна,
Край свой родной навсегда, на погибель Пелию, бросив.

Вот уже стали служанки, ее поджидавшие, молча
Скукой томиться, и требовать начало время дневное,
Чтобы скорее домой воротилась к матери дева.
Но о возврате она и не мыслила, — тешилось сердце
И красотою Язона, и нежно-ласкающей речью,
Но, наконец, Эзонид осторожно промолвить решился:
«Нам разойтись пора, — а не то закатится солнце,
Опередив нас, и все станет ясно для глаз посторонних.
Мы же с тобой еще раз здесь сойдемся и свидимся снова!»

Нежною речью они испытали друг друга довольно
И разошлись. Язон в обратный путь устремился,
С радостью в сердце спеша на корабль возвратиться,
Дева к служанкам пошла. ⟨...⟩

(Пер. Г. Церетели)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аполлоний Родосский «Аргонавтика» (кн. 3-я). В первых двух книгах описывается плавание греческих героев во главе с Ясоном на корабле «Арго» (аргонавтов) в Колхиду за шкурой золотого барана (золотым руном). Прибыв в Колхиду, Ясон встречается с дочерью колхидского царя Ээта (Эита) Медеей. Встреча с Медеей составляет основное содержание III песни. [2] *Персеида* — Геката (по Гесиоду — дочь Персея и Астерии). [3] *Эригения* — Эос, богиня утренней Зари. [4] *О. Ээя* — Эя, остров Кирки (Цирцеи), сестры царя Ээта (Эита), отца Медеи.

ФЕОКРИТ

ИДИЛЛИИ

1. Тирсис, или песня

Тирсис

Сладостным шелестом веток сосна свою песнь напевает
Там, над ручьем наклоняясь; но сладко и ты на свирели
Песню ведешь, козопас; вторую за Паном награду
Ты бы забрал. Коль козла б длиннорогого взял он в подарок,
Ты получил бы козу; если ж матку, то ты б однолетку —
Козочку взял; у козы недоившейся славное мясо.

Козопас

Слаще напев твой, пастух, чем рокочущий говор потока
Там, где с высокой скалы низвергает он водные струи.
Если бы ярочку взять захотели Музы в подарок,
Взял бы ягненка ты в дар; но если бы им приглянулся
Жирный ягненок, тогда бы себе ты оставил овечку.

Тирсис

Друг козопас, ради нимф, не сыграешь ли мне на свирели?
Там на пригорке мы сядем, где клонятся вниз тамариски[1];
Ты мне сыграл бы, а я той порой присмотрел бы за стадом.

Козопас

В полдень не время, пастух, на свирели играть нам, не время,
Пана боимся: с охоты вернувшись, об эту он пору
Ляжет в тени отдыхать; ведь знаешь — уж больно он вспыльчив:
Едкою желчью налившись, раздуются ноздри от гнева.
Так не споешь ли мне, Тирсис, сказанье о Дафниса[2] муках?
Ты высоко залетать научился за Музой пастушьей.
Против Приапа[3] и нимф родниковых под вязом мы сядем;
Будто на троне сидим, на пастушьем, на этом пригорке
Между деревьев густых. И когда пропоешь ты мне песню, —
Ту, что недавно ты пел, состязаясь с ливийцем Хромином[4],
Трижды удой я отдам от козы, родившей мне двойню:
Хоть и двоих она кормит, — я два получаю ведерка.

Кубок большой подарю, благовонным воском покрытый, —
Ручки с обеих сторон — он словно резцом еще пахнет!

Видишь, по краю вверху извивается плющ
темнолистый,
Вплелся бессмертник в него, на плюще же по нижнему
краю.
Густо украшены стебли гроздями плодов золотистых.
Женщина дивной красы посредине изваяна кубка;
В пеплос одета она и в повязку. А рядом — мужчины,
Оба с кудрями густыми; они с раздраженьем взаимным
Спорят между собой, — ее же не трогает это.
То одному из них бросит, прельщая, и взгляд и улыбку,
То вдруг отдаст предпочтенье другому; и оба, разжегшись,
С полными кровью глазами, упорно и тщетно ярятся.

Дальше на кубке — старик рыболов; на утесы крутые,
Видишь, он тащит с трудом тяжелые сети для лова.
Бедный старик! Посмотри, мне кажется сильно устал он.
Мышцы свои он напряг от натуги, что мочи хватило,
Так что с обеих сторон надуваются жилы на шее.
Волосы, правда, седые, но силой он юношам равен.

Дальше немного взгляни: за старцем, от ловли уставшим,
В пышных синеющих гроздьях роскошный лежит
виноградник.
Там на терновой ограде уселся мальчик-малютка:
Сад сторожит он; за ним две лисицы меж лозами бродят.
Первая спелые грозья ворует, а к брошенной сумке
Ловко подкралась другая, решив, что не раньше оставит
Завтрак мальчишки в покое, чем сумка не станет пустою.
Он же из тоненьких прутьев чудесную сетку сплетает.
Вяжет осокой ее; забыл он и думать о сумке,
Да позабыл и о лозах, одною лишь сеткой занявшись.
Всюду по кубку кругом завиваются ветки аканфа[5].
Кубок завидный, взгляни со вниманьем, — на диво
сработан.
Мне перевозчик его перепродал, как плыл я с Калидна[6].
Козочку дал я ему да круг белоснежного сыра.
Но никогда не касался я этого кубка губами.
Не был он мной обновлен; его уступлю я охотно,
Если споешь мне, мой друг, ты напев этой песни чудесной,
Право же, я не шучу, начинай! Ты едва ли захочешь
Песнь для Аида сберечь, где ее навсегда позабудешь.

Тирсис

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Тирсис я, с Этны я родом, и сладок у Тирсиса голос.
Были вы где, когда Дафнис кончался, где были вы, нимфы?
Там, где струится Пеней? Иль, быть может, на Пиндских высотах?
Вас в этот день не видали могучие струи Анапа,
Этны крутая скала и священные Акиса[7] воды.
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Выли шакалы над ним, горевали и серые волки,
Лев из дремучего леса над гибнущим горько заплакал,
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
К самым ногам его жались волы и быки молодые,
Тесно столпившись вокруг, и коровы и телки рыдали.
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Первым Гермес, с вершины спустившись, спросил его: «Дафнис,
Что так терзает тебя? Кого ты так пламенно любишь?»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Все пастухи, что коров стерегут, или коз, иль овечек,
Все вопрошали его, от какого он горя страдает.
Следом явился Приап и промолвил: «Что, Дафнис ты, бедный,
Таешь? А дева твоя исходила и рощи и реки, —
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы! —
Ищет тебя лишь, — а ты, неудачник, уж больно неловок.
Ты ведь погонщик быков, а страдаешь, как козий подпасок.
Он, увидав на лугу, как козы, блея, резвятся
Глаз не спускает, грустя, что козлом он и сам не родился.»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Так же и ты, услыхав, как звонко смеются красотки,
Их поедаешь глазами, вмешаться в их круг не умея.»
Но не ответил ни слова пастух им на все эти речи.
Горькой исполнен любовью, до смерти был року покорен.
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
С нежной улыбкой к нему тогда явилась Киприда;
Сладко она улыбалась; но на сердце гнев затаила;
Молвила: «Хвастал ты, Дафнис: над Эросом ты насмеешься.
Что же? Не ты ли осмеян безжалостным Эросом нынче?»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Гневно ей Дафнис сказал: «О жестокая, злая Киприда!
О ненавистная мне Киприда, враждебная смертным!
Думаешь, злоба моя отойдет с моим солнцем последним?

Дафнис, сошедший в Аид, — для Эроса злейшее горе».
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Дафнис Киприде сказал: «Ступай поскорее на Иду,
Прямо к Анхису беги; под дубами там травы душисты.
Там над поляной цветущей гудят неумолчные пчелы.»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Да и Адонис красив — он пасет свое стадо барашков,
Зайцев он мастер ловить и за зверем по лесу гоняться.»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Может еще Диомеду навстречу пойдешь с похвальбою:
«Дафнис-пастух побежден, — не сразишься ль со мною ты снова?»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Волки, шакалы, медведи, живущие в горных пещерах!
Дафнис, пастух ваш, отныне бродить уж не будет по рощам,
Ни по дремучим лесам, ни по чащам. Прости, Аретуса[8]!
Светлые реки, простите, бегущие с высей Тимбрийских[9]!»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Да, это я, это Дафнис, быков своих здесь стороживший,
Дафнис, гонявший волов и коров своих здесь к водопою.»
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Пана, Пана зову я. Живешь ты на скалах Ликея
Иль на Майнале крутом[10]. Приди же на брег Сицилийский!
К нам ты явись, покинув могильную насыпь Гелики,
Ликаонида курган[11], богам возведенный на зависть».
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«О, появись властелин! Возьми ты свирель; прилегают
Плотно к губам ее трубки, облитые воском душистым.
Эрос меня увлекает, я чувствую бездну Аида».
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Пусть же аканф и колючий терновник рождает фиалку.
Пусть в можжевеловых ветках нарциссы красуются гордо.
Будет пусть все по-иному, пусть груши на соснах родятся,
Псов пусть загонит олень, пускай с соловьями сравнится
Филин пещерный в напевах, лишь только Дафнис погибнет».
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Вымолвив это он смолк; и тщетно его Афродита
К жизни пыталась вернуть: перерезали нить его Мойры.
Волны умчали его, и темная скрыла пучина.
Дафниса, милого нимфам, любимого Музами мужа.
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Ну, приведи мне козу, да кстати уж дай и подойник.

Музам обряд совершу. Многократный привет вам, о Музы!
Буду напевы и впредь вам слагать я, и лучше, чем этот.

Козопас

Медом хотелось бы мне уста твои, Тирсис, наполнить!
Сладостным медом из сот, виноградом от лоз на Айгиле[12].
Право, куда же искусней поешь ты, чем звонкий кузнечик.
Вот тебе кубок; понюхай, мой друг, как он пахнет чудесно,
Словно его в роднике сполоснули рукой своей Оры.
Эй, Киссайта, сюда! Подои ее сам; да постойте,
Козы, козла берегитесь! Не прыгайте — мигом пристанет.

II. Колдуньи[1]

Где ж это лавр у меня? Фестилида! А где ж мои зелья?
Кубок теперь обмотай поплотнее ты шерстью пурпурной.
Так же связать я б хотела жестокого милого друга:
Суток двенадцать прошло, а все он ко мне не приходит.
Даже не хочет узнать, умерла иль живу я на свете;
В двери, злодей, и не стукнет. Ах, Эрос, и ты, Афродита,
Снова, наверно, к другой увлекли вы легкое сердце.
Завтра его повидать я пойду к Тимагету в палестру;
Горько его упрекну за все, что он сделал со мною.
Нынче ж заклятьем и жертвой свяжу я его; ты, Селена,
Ярче сияй! И к тебе обращаюсь я, дух молчаливый,
К мрачной Гекате глубин, лишь заслышавши поступь которой
В черной крови меж могил дрожат от страха собаки.
Страшной Гекате привет! До конца будь мне верной подмогой,
Зелье мне сделай страшней, чем яды напитков Цирцеи,
Ядов Медеи страшней, Перимеды[2] отрав златокудрой.
Вновь привлеки, вертишейка[3], под кров мой милого друга!
〈...〉

Дельфис меня оскорбил — для Дельфиса лавр я сжигаю.
Так же, как ветка в огне разгорается с треском вначале,
Вспыхнет внезапно потом, даже пепла нам не оставив, —
Так же пусть в прах на огне рассыпается Дельфиса тело.
Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого друга!

Так же, как воск этот мягкий с мольбою я здесь растопляю,

Так пусть от страсти растает немедленно
Дельфис-миндиец.
Как под рукой Афродиты кольцо это быстро вертится, —
Так же пускай повернется к дверям моим Дельфис тотчас
же.
Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга! ⟨...⟩
Бездна морская молчит, успокоились ветра порывы,
Только в груди у меня ни на миг не умолкнет страданье,
Вся я сгораю о том, кто презренной несчастную сделал,
Чести жены мне не дав и девической чести лишивши.
Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга! ⟨...⟩

Вот я осталась одна, — но как же любовь мне оплакать?
Как мне, откуда начать? Кто меня этой мукой карает?
Эвбула дочь, Анаксо, меж девушек, несших корзины[4],
В храм Артемиды пошла; в честь богини в тот день
привели к нам
Множество диких зверей — была даже львица меж ними.
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

Вдруг Тевхаридова нянька, фракиянка, — жили мы
рядом, —
Та, что на днях умерла, приходит — и молит и просит
Вместе пойти поглядеть, а я — ах, мой жребий
злосчастный! —
С нею идти согласилась. Хитон мой нарядный из бисса[5]
Быстро накинула я и закуталась в плащ Клеаристы.
Как моя страсть началась, послушай, царица Селена.

Я половину дороги прошла, но у дома Ликопа
Дельфиса встретила я; с Эвдамиппом он шел мне
навстречу.
Вился пушок их бород, золотистей цветка златоцвета
Блеском их грудь отливала; он ярче тебя был, Селена.
Шли из гимнасия оба, покончив со славной работой.
Как моя страсть началась, послушай, царица Селена.

Глянула, — дух занялся, будто в сердце мне что-то
вонзилось,
Краска сбежала с лица, — я о празднестве больше
не помню;
Даже не помню, когда я и как в свой дом воротилась.
Знаю одно, что меня пожирала болезнь огневая,

Десять ночей на постели и десять я дней пролежала.
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

Кожу на теле как будто покрасили в желтую краску,
Падал мой волос густой, и скоро остались от тела
Кожа да кости одни. И как я в ту пору лечилась!
Скольких старух я звала, что лечили от сглаза шептаньем!
Легче не стало ничуть мне, а время все дальше летело.
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

Молвить служанке моей я правдивое слово решилась:
«Средство скорее достань, Фестилида, от тяжкой болезни.
Всей мной, несчастной, владеет миндиец; и ты поскорее
Стань, карауля его, у ворот Тимагета палестры.
Часто заходит туда; там бывать ему, видно, приятно».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Выждешь, чтоб он был один, и, кивнув головой потихоньку,
Скажешь: «Симайта зовет», — и ко мне его тотчас
проводишь.
Так я велела; и вот за служанкой послушною следом
Дельфис пришел белокожий; а я-то, лишь только
заслышав,
Как он к порогу дверному притронулся легкой ногою, —
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

Вся я застыла, как снег, и холодные капельки пота
Лоб мой покрыли внезапно, подобные влажным росинкам.
Рта я открыть не могла и ответить хоть лепетом слабым,
Даже таким, что малютка к родимой во сне обращает;
Тело застыло мое, я лежала, как кукла из воска.
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Он на меня поглядел, и, безжалостный, очи потупив,
Тихо на ложе присев, он молвил мне слово такое:
«Да, сознаюсь, забежала вперед ты немного, Симайта,
Так же, как давеча я обогнал молодого Филина[6]:
В дом свой меня пригласила ты раньше, чем я собирался».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

«Да, я и сам бы пришел, в том клянусь я Эросом сладким!
Трое иль четверо нас; мы сегодня же ночью пришли бы,
Яблоки, дар Диониса, припрятавши в складках накидок,
В светлых венках тополевых; священные листья Геракла[7]
Мы бы украсили пышно, пурпурною лентой обвивши».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
«Коли б меня приняла, то и ладно бы; ловким красавцем,

Право, меж юношей всех меня почитают недаром.
Только б коснулся тогда поцелуем я губок прекрасных.
Если б меня оттолкнула, засовами дверь заложивши,
С факелом, с острой секирой тогда бы я в дом твой
ворвался».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

«Первое дело теперь — я Киприде воздам благодарность.
Ну, а потом — и тебе. Ты спасаешь от огненной пытки,
Милая, тем, что меня пригласила сегодня на ложе;
Я ведь почти что сожжен; ах, губительно Эроса пламя!
Жарче палить он умеет, чем даже Гефест на Липаре[8]».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
«Девушек чарами злыми он манит из девичей спальни,
Жен новобрачных влечет с неостывшего мужнина ложа».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.

Вот, что он мне говорил, и впивала я все легковерно.
За руку взявши его, я на ложе к себе привлекала.
Тело приникнуло к телу, и щеки от счастья горели
Жарче и жарче, и сладко друг с другом мы тихо
шептались.
Многих я слов не хотела б терять, о Селена благая,
Как до предела дошел он, и вместе мы страсть разделили.
Вплоть до вчерашнего дня он не мог бы мне сделать
упрека,
Также и я б не могла. Вдруг знакомая нынче приходит —
Мать Меликсо́ и Филисты, искусной флейтистки
самийской, —
Рано, едва рассвело, и чуть на небо кони взбежали,
Что розоперстую Эос несут из глубин Океа́на.
Много она наболтала, и, кстати, как Дельфис влюбился:
Снова он страстью пылает, но к девушке или к мужчине,
Точно не знает она; во имя любви своей новой
Чистым вином возлиянья свершив и не кончив пирушки,
Он поспешил убежать, чтобы двери венками украсить[9].
Вот что сказала мне гостья, и знаю я — все это правда.
Прежде ко мне приходил он на дню по три раза и чаще,
В склянке дорийскую мазь оставлял он, как дома, нередко;
Нынче двенадцатый день, как я его больше не вижу.
Видно, нашел себе радость иную, меня позабывши.
Нынче его волшебством я свяжу, но Мойрой клянусь я:
Коль оскорбит он опять — стучать ему в двери Аида!
В этом вот ларчике здесь сохраняются страшные зелья.
Мне ассириец-пришелец поведал, что делают с ними.

Ныне прощай же, царица, коней поверни к Океану!
Я же опять понесу, как несла, мое горе доныне.
Светлой Селене привет! И привет вам светлые звезды,
Вслед за небес колесницей плывите вы, спутники ночи!

III. Козопас, или Амариллис

Песню сейчас я спою Амариллис, а козы покамест
Бродят пускай по горам! Сторожит их мой Титир, подпасок.
Титир, послушай, дружок дорогой, ты за стадом присмотришь
И к водопою сведешь; да построже за тем пригляди-ка
Старым ливийским козлом: он бодается, будь осторожен!
Прелесть моя, Амариллис, ну что же ты в сумрак пещеры
Милого друга к себе не поманишь? Иль стал я немилым?
Иль я, красотка, вблизи показался уж очень курносым
Иль длиннолицым тебе? Вот увидишь, я, право, повешусь!
Яблок десяток принес я с собою, и там, где велела,
Их постарался набрать; да и завтра я столько ж добуду.
Видишь ты муки мои. Как хотелось бы мне обернуться
Пчелкою, звонко жужжащей! Проникнуть я мог бы в пещеру,
Плющ раздвинув густой, за которым от глаз ты укрылась.
Эроса нынче узнал я: жесток он. Как видно, недаром
Львиным вспоен молоком и воспитан он в чащах дремучих[1]:
Пламенем жжет он меня и до мозга костей пробирает.
Глянь же, краса-чернобровка! Ах! Вся ты — как свежее сало!
К сердцу прижми ты меня, козопаса, — уж как расцелую!
В деле пустом — в поцелуях, — а сколько же радости сладкой!
Видно, заставишь сейчас разорвать ты на мелкие клочья
Этот венок, Амариллис моя, для тебя принесенный:
Плющ обвивает бутоны, и с ним — сельдерей ароматный.
Горе мне! Что я терплю! Ты, злодейка, и слушать не хочешь?
Сброшу я шкуру с плеча и в пучину с берега прыгну,
С места, где Ольпис-рыбак на тунцов свои сети раскинул.
Если я там утону, тебе это будет на радость.
Давеча вспомнил тебя и подумал, что больше не любишь.
Маковым хлопнул листом и увидел, что лист, не порвавшись,
К локтю прилип моему и тотчас же без силы свернулся.
Правду недавно Гройо́ мне сказала, на сите гадая.
Молвила то ж Парабайтис, которой все травы знакомы:
Полон тобою я весь, ты ж со мной не считаешься вовсе.

Козочку белую я воспитал тебе с двойней козляток.
Знаешь служанку Мермона? Просила не раз уж, смуглянка,
Ей подарить. И отдам, коли ты меня так презираешь.
Правый мой глаз замигал; это значит — ее я увижу.
К этой сосне прислонясь, запою-ка я новую песню;
Может быть, взглянет она — неужель ее сердце стальное?
«Как захотел Гиппомен[2] получить себе девушку в жены,
Яблоки взял он с собой; Аталанта же, с ним состязаясь,
Глянув, лишилась ума, да и прыгнула к Эросу в бездну.
Пригнано стадо Мелампом[3] — кудесником с Отриса[4] в Пилос
И в награжденье за это в объятья попала к Бианту
Дева, что матерью стала разумнейшей Алфесибеи.
Что же? Адонис — пастух, свое стадо по высям гонявший,
Разве не смог он разжечь Киферею до страстного пыла,
Так что от трупа его она оторваться не может?
Эндимиону завидую я, уснувшему крепко,
И к Язиону я чувствую зависть, моя дорогая,
Знавшему много такого, чему даже трудно поверить».
Ах, как болит голова! Что тебе до того? Вот не стану
Петь я, в траву упаду — пусть съедят меня волки на месте!
Слаще, наверно, чем мед, тебе моя будет погибель!

IV. Пастухи, или Батт и Коридон

Батт

Чьих же коров ты пасешь, Коридон? Это стадо Филонда?

Коридон

Стадо Айгоново это; пасти его мне он оставил.

Батт

То-то, должно быть, тайком ты их по́д вечер всех передоишь!

Коридон

Что ты? Старик к ним приводит телят и за мной наблюдает.

Батт

Ну, а пастух-то пропащий, не знаешь, куда же он делся?

Коридон

Ты не слыхал? На Алфей взял Моло́н[1] его вместе с собою.

Батт

Что же, хоть глазом единым видал он, как мажутся маслом[2]?

Коридон

Он, говорят, хоть с Гераклом проворством и силой сравнится

Батт

Мне ж моя мать говорит: Полидевка[3] он много слабее.

Коридон

Взял он лопату с собой да еще два десятка баранов.

Батт

Должен он был и волков пригласить, чтобы стадо прибрали!

Коридон

Грустным мычаньем о нем надрываются эти телушки.

Батт

Бедные жалко мне их! Ведь пастух-то их больно неважен.

Коридон

Правда, уж как-то печальны, что даже и траву не щиплют.

Батт

Да, у коровки вон той остаются лишь кожа да кости.
Верно, росою она насыщается, словно кузнечик.

Коридон

Зевсом клянусь, это ложь! Когда угощу на Айсаре[4]
И поднесу ей особо вязанку душистого сена,
То-то запрыгает, глянь, на Латимне[5] по склонам тенистым.

Батт

Тоже и этот бычок рыжеватый не слишком-то жирен.
Дем Ламприадов[6], пожалуй, охотно б для жертвы богине
Гере его приобрел: ведь у дема пусто в кармане.

Коридон

Нет, к Стомалимну[7] гоняю его и на выгоны Фиска,
Также к затонам Неайта[8]; а там-то уж выгон на славу —
Козья мука, сухостебель и много душистой медвянки!

Батт

Жалко мне, жалко коров! Ведь придется, Айгон злополучный,
Им отправляться в Аид. За пустой ты победой погнался!
Плесень покрыла свирель, которую славно ты сладил.

Коридон

Нимфой клянусь я, — ну, как не надумал он, в Писуу[9] собравшись,
Мне хоть ее подарить? Играть-то я больно охотник.
Главки напевы я славно играю и песенки Пирра.
В песнях пою про красивый Кротон, про Закинф[10] поминаю
И про Ликиний[11] восточный пою, где Айгон наш могучий
Восемь десятков лепешек один проглотить ухитрился.
Раз он, бычину большого стащив там с гор за копыта,
В дар Амариллис поднес; с перепугу все женщины разом
Подняли гомон и крик, а пастух только громко смеялся.

Батт

Прелесть моя, Амариллис! Хоть нет уж тебя меж живыми,
Помню тебя лишь одну; милей ты всех коз — и угасла!
Горе! Какой это бог поразил меня так беспощадно?

Коридон

Батт, приободрись, дружок! Вдруг завтрашний день улыбнется:
В жизни надежда не гаснет, одни мертвецы — без надежды.
Зевс лучезарен подчас, подчас же и дождь посылает.

Батт

Правда твоя. Но телят прогони-ка ты! Вот негодяи!
Вот они — гложут побеги маслин. Ну, серый, смотри ты!

Коридон

Ну-ка, Кимайта, поближе к пригорку! Как? Слушать не хочешь?
Паном клянусь, доберусь я — тогда тебе плохо придется,
Коли назад не вернешься. Смотри-ка ты, снова туда же!
Где ж это посох с крюком запропал мой? Отдую на славу!

Батт

Слушай, взгляни, Коридон, ради Зевса! Мне, верно, колючка
Только что в пятку впилась; до чего ж они входят глубоко!
Что за противный терновник! Подохнуть бы этой корове!
Я на нее зазевался. Ну что же, ты видишь занозу?

Коридон

Да, ухватился уже я ногтями. А вот она — глянь-ка!

Батт

Ранка-то чуть лишь заметна, а сладила с этаким парнем!

Коридон

Батт, коли в горы пойдешь, так идти ты не вздумай разутым:
Есть держи-дерево там, и боярышник пышно разросся.

Батт

Кстати, скажи, Коридон, к Эротиде-то твой старикашка
Все еще льнет, к чернобровой? Он здорово ею разжегся.

Коридон

Страсть как пылает, бедняжка! К примеру, — то давеча было —
В хлев я случайно вошел и застал его прямо за делом.

Батт

Ах, старикашка бесстыжий! Ну, впрямь он мог бы сравняться
С родом веселых сатиров и Пана родней козлоногой.

XI. Киклоп

Против любви никакого нет, Никий[1], на свете лекарства;
Нет ни в присыпках, ни в мазях, поверь мне, и малого прока.
В силах одни Пиериды помочь; но это леченье,
Людям хоть и приятно, найти его — труд не из легких.
Ты его, может, и знаешь, — ты врач, да к тому ж, мне известно,
Издавна были все Музы особо к тебе благосклонны.
Только от этого средства полегчало будто Киклопу;
Старый наш друг Полифем был в ту пору влюблен в Галатею,
Только лишь первый пушок у него на щеках появился.
Он выражал свою страсть не в яблоках, локонах, розах —
Вовсе лишился ума; все же прочее счел пустяками.
Стадо овечек в загон возвращалось с тех пор без призора
Часто с зеленых лугов. Собираясь воспеть Галатею,
Там, где морская трава колыхалась, усевшись, он таял —
Только лишь солнце взойдет, — страдая от раны под сердцем,
Мощной Киприды стрела ему в самую печень вонзилась.
Средство нашел он, однако; взобравшись высоко на скалы,
Вот что пропел он, свой взгляд направляя на волны морские.
«Белая ты Галатея, за что ты влюбленного гонишь?
Ах! Ты белей молока, молодого ягненка ты мягче,
Телочки ты горячей, виноградинки юной свежее.
Тотчас приходишь сюда, только сладкий мной сон овладеет;

Тотчас уходишь назад, только сон меня сладкий покинет.
Ты, как овечка, бежишь, что завидела серого волка.
Я же влюбился, голубка, тотчас же, как, помнишь, впервые
С матерью вместе моей захотела цветов гиацинта
Ты поискать по горам, — это я показал вам дорогу.
Видел тебя с той поры я не раз и со страстью расстаться —
Нет, не могу. А тебе будто вовсе нет дела, ей-богу.
Знаю я, знаю, красотка, за что ты меня избегаешь.
Верно, за то, что лицо перерезано бровью мохнатой;
Тянется прямо она, пребольшая, от уха до уха;
Верно, за глаз мой единый, быть может, за нос плосковатый.
Все же тысченкой овечек владеть это все не мешает;
Славное я молоко попиваю домашних удоев,
Сыра хватает всегда: и летом, и осенью поздней,
Даже и лютой зимой никогда не пустуют корзины.
Кто же из здешних киклопов играет, как я, на свирели?
Все я про нас, про двоих, о, сладкое яблочко, песни
Позднею ночью слагаю. Одиннадцать юных оленей
С белою лункой кормлю я тебе, четырех медвежаток.
Только меня навести — сполна тебе все предоставлю.
Брось свое море! О скалы пусть плещутся синие волны!
Слаще в пещере со мной проведешь ты всю ночь до рассвета:
Лавры раскинулись там, кипарис возвышается стройный,
Плющ темнолистый там есть, со сладчайшими гроздьями лозы.
Есть и холодный родник — лесами обильная Этна
Прямо из белого снега струит этот дивный напиток.
Могут ли с этим сравниться пучины и волны морские?
Если же сам я тебе покажусь уж больно косматым,
Есть и дрова у меня, и горячие угли под пеплом, —
Можешь меня опалить; я тебе даже душу отдал бы,
Даже единый мой глаз, что всего мне милее на свете.
Горе, увы! С плавниками зачем меня мать не родила?
Коль бы ты губ не дала! Белоснежных принес бы я лилий
Как бы нырнул я к тебе, поцелуями руку осыпал,
Нежных бы маков нарвал с лепестками пурпурного цвета.
Лилии в стужу цветут, а в зной распускаются маки,
Так что не мог бы, пожалуй, я все это вместе доставить.
Все ж, моя крошка, теперь ты увидишь, я выучусь плавать.
Эх, кабы только сюда чужеземец на лодке явился!
Сразу бы я разузнал, зачем вам в пучинах селиться.
Если б ты на берег вышла! Забыла б ты все, Галатея,
Так же, как я позабыл, здесь усевшись, про час возвращенья.
Ах, захотеть бы тебе пасти мое стадо со мною,
Вкусный заквашивать сыр, разложив сычуги по корзинам!

Мать виновата во всем, на нее я в ужасной обиде:
Разве не может она про меня тебе слово замолвить?
Видит, как день ото дня я худею и чахну все больше.
Ей я скажу: на висках у меня будто жилы надулись,
Также в обеих ногах; пусть страдает, когда я страдаю.
Эх ты, Киклоп, ты Киклоп! Ну, куда твои мысли умчались
Живо корзину ступай заплети да зеленые стебли
Овцам снеси поживей — самому тебе время очнуться!
Ту подои, что под носом стоит, — не гонись за бегущей.
Право, найдешь Галатею, а может, кого и получше.
Много красоток меня зазывают на игры ночные;
Так и хихикают все, как только на зов их откликнусь;
Ясно, что в нашем краю я считаюсь не самым последним».

Так успокоил любовь Полифем, слагая напевы.
Стоило это дешевле, чем если б лечился за плату.

XV. Сиракузянки, или Женщины на празднике Адониса

Горго

Что, у себя Праксиноя?

Праксиноя

Горго! Где пропала? Войди же!
Диво, как ты добралась. Ну, подвинь-ка ей кресло, Эвноя,
Брось и подушку.

Горго

Спасибо, чудесно и так.

Праксиноя

Да присядь же!

Горго

Ну, не безумная я? Как спаслась — сама я не знаю.
Вот, Праксиноя, толпа! Колесницы без счета четверкой!
Ах, от солдатских сапог, от хламид — ни пройти,
ни проехать.
Прямо конца нет пути — нашли же вы, где поселиться!

Праксиноя

Все мой болван виноват: отыскал на окраине света

Прямо дыру, а не дом — чтоб с тобой мне не жить по соседству.
Назло, негодный, придумал: всегда вот такой он зловредный.

Горго

Ты муженька бы, Динона, бранить погодила, голубка:
Крошка ведь здесь, погляди, — с тебя же он глаз не спускает.
Зопирион, дорогой мой, она не про папу — не думай!

Праксиноя

Все понимает мальчишка, клянусь.

Горго

Ах, папочка милый!

Праксиноя

Давеча папочка этот (для нас-то все «давеча», впрочем)
Соды и трав для приправы пошел мне купить на базаре,
Соли принес! А верзила — тринадцать локтей вышиною!

Горго

То же у нас. Диоклид мой — деньгам перевод, да и только:
Взял он овчинок пяток за семь драхм — словно шкуры собачьи
Или обрывки мешков. Сколько ж будет над ними работы!
Плащ ты теперь надевай поскорей и с пряжками платье,
Вместе пойдем мы с тобою в палаты царя Птолемея!
Праздник Адониса там. Говорят, что по воле царицы
Все там разубрано пышно.

Праксиноя

Ну да, у богатых — богато!

Горго

Все, что увидишь, о том перескажешь тому, кто не видел.
Время, пожалуй, идти.

Праксиноя

Кто без дела, всегда ему праздник.
Пряжу, Эвноя, возьми, положи ее снова, лентяйка,
Там посередке. Ведь кошки охотнее дремлют на мягком.
Ну, поживее! Воды принеси! Раньше воду мне нужно —
Мне она мыло несет. Впрочем дай. Вот уж меры не знает!
Воду мне лей! Ах, злодейка! Хитон ты мне весь замочила.

Стой же! Ну вот и умылась — не важно, как боги послали.
Где ж это ключ от ларя от большого? Мне дай поскорее!

Горго

Ах, Праксиноя, к тебе это, право, со складками платье
Очень идет. Но скажи, во что тебе ткань обошлася?

Праксиноя

Страшно и вспомнить, Горго: затратила две или больше
Чистых серебряных мины; в покрой же — всю душу вложила.

Горго

По́ сердцу вышло зато.

Праксиноя

Конечно, что правда — то правда.
Плащ принеси мне и шляпу подай, да приладь покрасивей!
Детка, тебя не возьму я. Там страшно — кусает лошадка.
Нет, сколько хочешь реви, — не хочу, чтоб хромым ты остался.
Что же, идем! Ты, Фригия́, малютку возьми позабавить.
В дом ты собаку впусти; наружную дверь — на задвижку.

Боги, какая толпа! Ах, когда бы и как протесниться
Нам через весь этот ужас! Без счета — ну впрямь муравейник!
Много ты сделал добра, Птолемей, с той поры, как родитель
Твой меж богами живет[2]. Никакой негодяц не пугает
Путника мирного нынче по скверной привычке египтян.
Прежде ж недобрые шутки обманщики здесь учиняли;
Все на один были лад — негодяи, нахалы, прохвосты.
Что же нам делать, Горго, дорогая? Смотри, перед нами
Конницы царской отряд. Любезный, меня ты раздавишь!
Рыжий-то конь — на дыбы! Погляди, что за дикий! Эвноя!
Словно дворняжка смела! Не бежишь? Он же конюха топчет.
Как же я рада, что дома спокойно малютка остался!

Горго

Ах, Праксиноя, смелей! Гляди, мы уж выбились. Кони
Стали на место свое.

Праксиноя

Ну вот я опять отдышалась
С детства я страсть как боюсь лошадей, да от кожи змеиной
Дрожь пробирает. Но живо! Толпа нам уж валит навстречу.

Горго

Матушка, ты из дворца?

Старуха

Из дворца, мои детки!

Горго

Пробраться
Можно туда?

Старуха

Пробрались лишь терпеньем ахеяне в Трою.
Так-то, красотка. Терпеньем свершается всякое дело.

Горго

Вишь, изрекла, как оракул, старуха! Отправились дальше!

Праксиноя

Все-то нам, бабам, известно — как Гера и Зевс поженились.

Горго

Глянь, Праксиноя, — в дверях! Смотри, какая толкучка!

Праксиноя

Ужас! Дай руку, Горго. Ты, Эвноя, возьми Эвтихиду,
За руку крепче держи. Берегись, не отбейся! Все вместе
Мы протеснимся. Держись покрепче за нас ты, Эвноя.
Ах, злополучная я! Мое летнее надвое платье
Разорвалось. Ах, дружок, ради Зевса, коль хочешь ты
счастья,
Можешь ли ты последить, как бы мне и плаща не порвали?

Зритель 1-й

Хоть не в моей это власти, но я постараюсь.

Праксиноя

Ну, давка!
Словно как свиньи толпятся.

Зритель 1-й

Смелее! Ну вот и пробились.

Праксиноя

Быть же тебе, мой голубчик, счастливым теперь и навеки!

Нас охранил ты. Не правда ль, прекрасный, любезный
мужчина?
Где же Эвноя? Пропала? Несчастная, крепче толкайся!
«Наши вошли», — молвит сват, запирающий дверь
новобрачных.

Горго

Ну же, вперед, Праксиноя! Гляди, что ковров разноцветных!
Ах, как легки, как прелестны! Как будто богини их ткали!

Праксиноя

Мощная дева Афина! Каких же ткачей это дело?
Кто они, те мастера, что узоры на них начертали?
Люди стоят, как живые, и кружатся, будто бы живы,
Словно не вытканы. Ах, до чего ж человек хитроумен!
Там — вот так диво для глаз — возлежит на серебряном
ложе
Он, у кого на губах чуть первый пушок золотится,
Трижды любимый Адонис, любимый и в тьме Ахеронта.

Зритель 2-й

Да перестаньте трепать языком бесконечно, сороки!
Что за несчастье! Убить они могут — разинули глотки!

Праксиноя

Что это? Кто ты такой? Что тебе-то, что мы разболтались?
Слуг заведи и учи. Ты учить сиракузянок вздумал!
Да, чтоб ты знал: из Коринфа мы родом, а знаешь, оттуда
Беллерофонт[3] был; и мы говорим по-пелопоннесски.
Мы, полагаю, дорийки, дорийская речь нам пристала.
Нет, не родился никто, кто бы нас пересилил, клянусь я,
Разве что царь. Очень нужен ты мне! Не болтай по-пустому.

Горго

Тише, молчи, Праксиноя. Во славу Адониса песню
Хочет пропеть уроженка Аргоса, искусная в пенье,
Та, что и в прошлом году погребальную песню всех лучше
Спела и нынче, наверно, споет. Она уж готова.

Певица

О госпожа, ты, что любишь душою и Голг и Идалий,
Эрика[4] горный обрыв, Афродита, венчанная златом!
Друга Адониса снова из вечных глубин Ахеронта
После двенадцати лун привели легконогие Оры.

Медленней движетесь, Оры благие, вы прочих бессмертных;
Людям желанны вы все же за то, что дары им несете.

О Дионея Киприда[5]! Из тленного тела к бессмертью
Ты воззвала Беренику, как нам повествует сказанье,
Каплю за каплей вливая амброзии сладкой ей в сердце.
Ныне ж во славу тебе, многохрамной и многоименной,
Дочь Береники сама, Арсиноя[6], Елене подобна,
Пышно Адониса чтит и его осыпает дарами.

Вот золотые плоды, что деревьев вершины приносят;
Вот словно сад расцветает в серебряной пышной корзине;
С мирром душистым сирийским сосуды стоят золотые;
Кушаний много на блюдах — их стряпали женщины долго,
Сладкие соки цветов с белоснежной мешая мукою;
Эти — на сладком меду, а иные — на масле душистом.
Все здесь животные есть, и везде здесь крылатые птицы.
Вот и зеленая сень, занавешена нежным анисом,
Ввысь вознеслась; а над нею летают малютки Эроты,
Словно птенцы соловьев, что, порхая от веточки к ветке,
В кущах высоких дерев упражняют некрепкие крылья.
Золота сколько, резьбы! Из слоновой точеные кости
Мощные Зевса орлы виночерпия юного держат.
Сверху пурпурный покров, что зовется «нежней
сновиденья», —
Так их в Милете зовут, и самосцы зовут скотоводы.
Рядом с престолом твоим красавца Адониса место:
Это — Киприды престол, здесь сидит Адонис румяный.
Он девятнадцати лет иль осьмнадцати, твой новобрачный.
Нежен его поцелуй — пушком обросли его губы.

Ныне, Киприда, ликуй, обладай своим мужем любимым!
Завтра же ранней зарей, по росе мы, все вместе собравшись,
К волнам его понесем, заливающим пеною берег.
Волосы с плачем размечем и, с плеч одеянья спустивши,
Груди свои обнажив, зальемся пронзительной песней.

Ты лишь один, полубог, что являешься к нам и нисходишь
В мрак Ахеронта опять, ты один, — даже сам Агамемнон
Доли такой не стяжал, ни Аянт, что во гневе был страшен,
Также ни старший из тех двадцати, что родила Гекуба,
Или Патрокл, или Пирр, что домой из-под Трои вернулся,
В древнюю пору лапифы иль Девкалиона потомки,
Иль Пелопидов семья, иль Аргоса сила — пеласги[7].

Милостив будь к нам, Адонис, в грядущем году благосклонен.
Дорог приход твой нам был, будет дорог, когда ты вернешься.

Горго

Ах, Праксиноя, подумай, не диво ли женщина эта?
Знает, счастливица, много и голосом сладким владеет.
Время, однако, домой. Диоклид мой не завтракал нынче.
Он и всегда-то, как уксус, а голоден — лучше не трогать!
Радуйся, милый Адонис, и к нам возвращайся на радость!

(Пер. М. Грабарь-Пассек)

ПРИМЕЧАНИЯ

1-я идиллия. [1] *Тамариск* — кустарник. [2] *Дафнис* — мифический пастух, герой сицилийского пастушечьего фольклора. [3]Речь идет об изображениях бога Приапа, ставящихся в садах и виноградниках. [4] Предполагают, что если Тирсис, сицилиец — сам Феокрит, то Хромин, возможно, Каллимах, родившийся в Кирене (Африка). [5] *Аканф* — растение, изображение которого часто использовалось в искусстве (напр., коринфская капитель). [6] *Калидн* — остров. [7] *Анап, Акис* — реки в Сицилии. [8] Здесь: *Аретуса* — источник у Сиракуз. [9] *Тимбр* — гора в Сицилии. [10] *Ликей* и *Майнал* — горы в Аркадии. [11] *Ликаонид* — сын Гелики и Зевса, его культ существовал в Аркадии. [12] *Айгил* — местность в Аттике.

2-я идиллия. [1] Героиня идиллии, близкой по жанру к миму, Самайта совершает магический обряд, желая вернуть любовь покинувшего ее юноши Дельфиса, и рассказывает историю своей любви. [2] *Перимеда* — имя некоей волшебницы, встречающееся только у Феокрита и римского поэта Проперция.[3] *Вертишейка* — небольшая птичка, способная поворачивать голову назад. По мифу это — нимфа, давшая Зевсу любовный напиток, побудивший его влюбиться в Ио. Гера превратила за это нимфу в птицу, которой приписывалась магическая сила. [4] *Девушки*, несущие корзины — участницы ритуального шествия (канефоры). [5] *Бисс* — дорогая ткань. [6] *Филин* — бегун, победитель Олимпийских игр, родом с о-ва Коса. [7] *Священные листья Геракла* — тополь, дерево, посвященное Гераклу, считавшемуся покровителем атлетов. [8] *Липара* — вулканический остров около Сицилии. [9] Дверь украшали венками в знак любви и почитания.

3-я идиллия. [1] По одному из многочисленных вариантов мифа, Эрос — сын Зевса и Афродиты. Афродита спасает Эроса от Зевса, желавшего убить его. Она скрывает сына в лесу, где его вскармливают львицы. [2]*Гиппомен* — юноша, победивший Аталанту, соглашавшуюся выйти замуж только за того, кто превзойдет ее в беге. Бросая на бегу золотые яблоки, за которыми нагибалась Аталанта, Гиппомен заставил ее отстать и выиграл состязание. [3] *Меламп* — брат аргосского царя Бианта, прорицатель и мудрец; добыл у фессалийского царя Ификла стадо быков и отдал их царю Пилоса Нелею, отцу невесты Бианта, как выкуп за невесту. Алфесибоя — дочь Бианта от этого брака. [4] *Отрис* — горы в Фессалии.

4-я идиллия. [1]*Молон* — знаменитый атлет, отличавшийся огромной силой и прожорливостью. [2]*Мажутся маслом* — умащение атлетов. [3]*Полидевк* — один из Диоскуров, кулачный боец. [4]*Айсар* — река

в Ю. Италии, у города Кротона. [5] *Латимн* — гора около Кротона. [6] *Ламприад* — местный герой, покровитель данной местности. [7] *Стомалимн* — устье залива. [8] *Неайт* — река около Кротона. [9] *Писа* — Олимпия. [10] *Закинф* — о-в у зап. побережья Пелопоннеса. [11] *Ликиний* — мыс близ Кротона.

11-я идиллия. [1] *Никий* — врач, друг Феокрита.

15-я идиллия. [1] Птолемей Филадельф, сын Птолемея Лагида, царь Египта. [2] Эллинистические монархи обожествлялись после смерти. [3] *Беллерофонт* — дорический герой, сын коринфского царя Главка, победил Химеру благодаря помощи крылатого коня Пегаса. [4] *Голг и Идалий* — гора и город на Кипре, *Эрик* — гора в Сицилии — культовые центры Афродиты, где находились ее храмы. [5] *Дионея* — эпиклеса Афродиты (мать А. — Диона). [6] *Арсиноя* — сестра и жена Птолемея Филадельфа, *Береника* — мать Арсинои и Птолемея Филадельфа, жена Птолемея Лагида. [7] *Пеласги* — древнейшее население Греции по имени царя Пеласга.

ЛЕОНИД ТАРЕНТСКИЙ

Не подвергай себя, смертный, невзгодам скитальческой жизни,
Вечно один на другой переменяя края.
Не подвергайся невзгодам скитанья, хотя бы и пусто
Было жилище твое, скуп на тепло твой очаг,
Хоть бы и скуден был хлеб твой ячменный, мука не из важных,
Тесто месилось рукой в камне долбленом, хотя б
К хлебу за трапезой бедной приправой единственной были
Тмин, да порей у тебя, да горьковатая соль.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Прочь от лачуги моей убегайте, подпольные мыши!
Вас не прокормит пустой ларь Леонида. Старик
Рад, коли есть только соль у него да два хлебца ячменных, —
Этим довольными быть нас приучили отцы.
Что же ты, лакомка, там, в уголке, понапрасну скребешься,
Крошки от ужина в нем не находя ни одной?
Брось бедняка и беги поскорее в другие жилища,
Где ты побольше себе корма добудешь, чем здесь.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

От Италийской земли и родного Тарента далеко
Здесь я лежу, и судьба горше мне эта, чем смерть.
Жизнь безотрадна скитальцам. Но музы меня возлюбили
И за печали мои дали мне сладостный дар.

И не заглохнет уже Леонидово имя, но всюду,
Милостью Муз обо мне распространится молва.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Древний годами Ферид, живший тем, что ему добывали
Верши его, рыболов, рыб достававший из нор
И неводами ловивший, а плававший лучше, чем утка,
Не был, однако, пловцом, многовесельных судов,
И не Арктур погубил его вовсе, не буря морская
Жизни лишила в конце многих десятков годов,
Но в шалаше тростниковом своем он угас, как светильник,
Что, догорев до конца, гаснет со временем сам.
Камень же этот надгробный поставлен ему не женою
И не детьми, а кружком братьев его по труду.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Часто и вечером поздним, и утром ткачиха Платфида
Сон отгоняла от глаз, бодро с нуждою борясь.
С веретеном, своим другом, в руке иль за прялкою сидя,
Песни певала она, хоть и седа уж была.
Или за ткацким станком вплоть до самой зари суетилась,
Делу Афины служа, с помощью нежных Харит;
Иль на колене худом исхудалой рукою, бедняга,
Нитку сучила в уток. Восемь десятков годков.
Прожила ткавшая так хорошо и искусно Платфида,
Прежде чем в путь отошла по Ахеронтским волнам.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Молча проследуйте мимо этой могилы; страшитесь
Злую осу разбудить, что успокоилась в ней.
Ибо недавно еще Гиппонакт[1], и родных не щадивший,
В этой могиле смирил свой необузданный дух.
Но берегитесь его: огненосные ямбы поэта
Даже из царства теней могут вам зло причинить.

* * *

Время отправиться в путь! Прилетела уже щебетунья
Ласточка; мягко опять западный ветер подул,
Снова луга зацвели, и уже успокоилось море,
Что под дыханием бурь волны вздымало свои.

Пусть же поднимут пловцы якоря и отвяжут канаты,
Пусть отплывает ладья, все паруса распустив!

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Гиппонакт* — ямбический поэт VI в. до н. э.

АСКЛЕПИАД

Двадцать два года прожить не успев, уж устал я от жизни.
Что вы томите, за что жжете, Эроты, меня?
Если несчастье случится со мною, что станете делать?
В кости беспечно играть будете вы, как всегда.

* * *

Долгая ночь, середина зимы, и заходят Плеяды.
Я у порога брожу, вымокший весь под дождем,
Раненный жгучею страстью к обманщице этой... Киприда
Бросила мне не любовь — злую стрелу из огня.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Трижды, трескучее пламя, тобою клялась Гераклея
Быть у меня — и нейдет. Пламя, коль ты божество,
То отвратись от неверной. Как только играть она станет
С милым, погасни тотчас и в темноте их оставь.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Брось свою девственность. Что тебе в ней? За порогом Аида
Ты не найдешь никого, кто полюбил бы тебя.
Только живущим даны наслажденья любви; в Ахеронте
После, о дева, лежать будем мы — кости и прах.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Прежде, бывало, в объятьях душил Археад меня. Нынче
К бедной ко мне и шутя не обращается он.
Но не всегда и медовый Эрот нам бывает приятен, —
Часто, лишь боль причинив, сладок становится бог.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Пей же, Асклепиад! Что с тобою? К чему эти слезы?
Не одного ведь тебя Пафия в сеть завлекла,

И не в тебя одного посылались жестоким Эротом
Стрелы из лука. Зачем в землю ложиться живым?
Чистого выпьем вина Дионисова! Утро коротко.
Станем ли лампы мы ждать, вестницы скорого сна?
Выпьем же, весело выпьем! Несчастный, спустя уж немного
Будем покоиться мы долгую, долгую ночь.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Музы тебя, Гесиод[1], увидали однажды пасущим
В полдень отару овец на каменистой горе
И, обступивши кругом, всей толпою, тебе протянули
Лавра священного ветвь с пышною, свежей листвой.
Также воды из ключа геликонского дали, который
Прежде копытом своим конь их крылатый пробил.
Этой водою упившись, воспел ты работы и роды
Вечно блаженных богов, как и героев былых.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Лидой зовусь я и родом из Лидии. Но надо всеми
Внучками Кодра меня славой вознес Антимах.
Кто не поет обо мне? Кем теперь не читается «Лида»[2]?
Книга, которую он с Музами вместе писал.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Полный важности взор Александра и весь его облик
Вылил из меди Лисипп[3]. Словно живет эта медь!
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей!»

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Изображенье Киприды здесь видим мы, не Вероники[4]:
Трудно решить, на кого больше походит оно.

(Пер. Л. Блуменау)

* * *

Это Эринны[5] пленительной труд, девятнадцатилетней.
Девушкин труд — оттого и не велик он; а все ж

Лучше он многих других. Если б смерть не пришла к ней так рано,
Кто бы соперничать мог славою имени с ней?

(Пер. Л. Блуменау)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гесиод.* «Теогония». [2] *«Лида»* — поэма эллинистического поэта Антимаха Колофонского. [3] *Лисипп* — греческий скульптор IV в. до н. э. [4] *Вероника-Береника* — жена царя Птоломея. [5] *Эринна* — греческая поэтесса с о. Лесбоса (IV в. до н. э.).

ГЕРОД

МИМИЯМБЫ

Учитель

Ламприск — учитель, Метротима — вдова, Коттал — ее сын.

Метротима

Ламприск, пусть над тобой любезных Муз будет
Благословенье, и да вкусишь ты в жизни
Всех радостей, — лишь эту дрянь вели вздернуть
На плечи и пори, да так пори, чтобы
Душонка гадкая лишь на губах висла!!
Он разорил меня дотла игрой вечной
В орлянку. Бабок, видишь ли, ему мало! —
На горе мне, Ламприск, шагает он шире!
Небось не скажет он, где дверь его школы,
Куда тридцатого (ах, что ему!) деньги
Вносить должна, хотя бы, как Наннак, выла[1].
Зато игорный дом, притон рабов беглых
И всякой сволочи, он изучил твердо, —
Покажет хоть кому! — А вот доска эта,
Что каждый месяц я усердно тру воском,
Сироткой бедною лежит себе тихо,
У ножки ложа, — той, что у самой стенки,
Пока он не посмотрит на нее волком
И воск не соскребет, не написав делом.
Вот бабки — те лежат в мешочках иль в секах,
Лоснясь, как банка, что для масла нам служит.
Он ни аза не разберет в письме, если
Ему не повторять, ну раз с пяток, буквы...

Да вот третьёгодни старик отец начал
С ним по складам читать и имя взял «Марон»[2],
А он из «Марона» — мудрец, одно слово! —
И сделай «Симона»... Ну, тут себя дурой
Я назвала: ему б ослов пасти надо,
А я-то грамоте учить его стала,
На черный день подспорье чтоб иметь в сыне!
Заставим иногда, я да отец, старец
Полуслепой, полуглухой, прочесть вслух нам
Из драмы монолог — к лицу оно детям! —
Он и давай цедить, совсем как из бочки
Дырявой: «Стре-ло-вер-жец... А-пол-лон...» — «Слушай, —
Скажу ему, — хоть в грамоте слаба бабка,
Но и она, и первый встречный раб это
Тебе прочтут». А как поприналечь больше
Попробуем, он иль через порог дома
Дня три ступить не хочет, но свою бабку,
Старуху, что уж в гроб глядит, вовсю мучит,
Иль ноги вытянув, сидит и вниз с крыши,
Как обезьянка, смотрит. Верь, нутро ноет
При виде этого! Но мне не так жалко
Его, как крышу, что хрустит под ним, словно
Печенье сладкое... А завернет холод —
Тогда обола полтора, хоть плачь, мне же
За черепицу каждую платить надо.
Как все жильцы твердить начнут в один голос:
«Не без греха тут Метротимы сын, Коттал»,
Тут не раскроешь рта, ведь их слова — правда!
А посмотри, как измочалил он платье,
Бродя в лесу, — делосский впрямь рыбак с виду,
Что жизнь свою влачит среди невзгод моря.
Зато и звездочет не знает так точно
Седьмого и двадцатого[3], как он... Даже
И сон неймет его среди мечты праздной
О днях, когда у вас занятий нет вовсе!
Ламприск, коль хочешь ты от этих Муз счастья
И радости, — ему как следует всыплешь!

Ламприск

Просить тебе не стоит: без твоей просьбы
Получит он свое.. Где Эвфий мой? Где же,
Где Филл и Коккал? Ну, поднять его живо
На плечи! Иль, как Акесею[4], вам надо
Луны дождаться полной? Вот, хвалю, Коттал!

Не хочешь бабки ты уж загонять в ямку,
Как эти мальчики! Уж ты в притон ходишь!
Ты с голытьбой в орлянку там играть начал!
Я сделаю тебя скромней любой девы,
И, коль на то пошло, не тронешь ты мухи!
А где мой едкий бич, где бычий хвост, коим
Кандальников и лодырей я всех мечу?
Подать, пока не вырвало меня желчью!

Коттал

Ламприск, ну, миленький, ну ради Муз этих,
И бороды твоей, и Коттиды жизни,
Не едким бей меня, — ты бей другим лучше!

Ламприск

Нет, дрянь ты, Коттал. Выхвалять тебя даже
Торговец бы не стал; не жди хвалы также
И в той стране, железо где грызут мыши!

Коттал

А сколько, сколько дать ударов ты хочешь,
Ламприск?

Ламприск

Я ни при чем, — ты мать спроси лучше!

Коттал

Дадут мне сколько, мать? В живых оставь только!

Метротима

А столько, сколько вынесет твоя шкура!

Коттал

Ой, перестань, Ламприск!

Ламприск

Ты перестань тоже,
Свои проказы брось!

Коттал

Ламприск, но я больше
Не буду... никогда... порукой мне Музы!

Ламприск

Да что за голосок, — откуда вдруг взялся!

Коль ты не замолчишь, смотри, я кляп вставлю!

Коттал

Молчу, молчу! Ой, ой, не убивай только!

Ламприск

Эй, Коккал, отпустить его!

Метротима

Ламприск, надо
Не отпускать, а драть, пока зайдет солнце!

Ламприск

Да он змеи пестрей! И все же за книжкой
Безделицу — ударов двадцать, не больше —
Получит он, хотя бы вдруг читать начал
Складней, чем Клио... Вот оно как! — в улей
С опаскою протягивать язык надо!

Метротима

Надумала — про все я передам старцу,
Когда домой вернусь, и принесу цепи
Ужо к тебе, Ламприск.. Богини пусть смотрят —
Враги его, — как станет он в цепях прыгать!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Наннак* — фригийский царь, в предвидении всемирного потопа беспрестанно плакавший и стенавший; вошел в поговорку. [2] *Марон* — имя одного из сподвижников царя Леонида при Фермопилах. «Симон» — название броска при игре в бабки. [3] Седьмое и двадцатое — праздничные дни, посвященные Аполлону. [4] *Акесей*, — кормчий, всегда дожидавшийся новолуния, чтобы отплыть (поговорочное выражение).

ЛУКИАН

(120 г. н. э. — ок. 185 г. н. э.)

Замечательный сатирик Лукиан, названный Энгельсом «Вольтером классической древности»[1], родился в 120 г. в Самосате в Сирии. Будучи сирийцем по происхождению, Лукиан в совершенстве овладел греческим, на котором написаны все его сочинения. Лукиан сменил немало занятий: был учеником скульптора, занимался риторикой, адвокатской практикой, позднее серьезно увлекся философией. Он объехал чуть ли не всю

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 469.

Римскую империю, жил в различных ее частях, на Востоке и на Западе.

Творческое наследие Лукиана весьма обширно — сохранилось более восьмидесяти его произведений, значительное место среди них занимает сатирический диалог. В своих произведениях Лукиан подвергает критике различные стороны идеологической жизни поздней античности: риторику, философию, историю, религию. Критика религии как языческой, так и зарождающейся христианской занимает одно из важнейших мест в его сатирическом творчестве: «...он их всех осыпает насмешками за их суеверие — почитателей Юпитера не меньше, чем почитателей Христа», для него «и тот и другой вид суеверий одинаково нелепы» — писал Ф. Энгельс[1].

В антологии приводятся фрагменты из получивших широкую известность «Разговоров богов», о которых Маркс говорил, что богам Греции, впервые трагически раненным в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в «Разговорах» Лукиана.[2]

Переводы Лукиана:

Лукиан. Избранное. М., 1963; М., 1987.

Тексты в антологии даны по изданию: *Лукиан.* Избранное. М., 1987

РАЗГОВОРЫ БОГОВ

I

Прометей и Зевс

1. Прометей. Освободи меня, Зевс: довольно я уже натерпелся ужаса.

Зевс. Тебя освободить, говоришь ты? Да тебя следовало бы заковать в еще более тяжелые цепи, навалив на голову весь Кавказ! Шестнадцать коршунов должны были бы не только терзать тебе печень, но и глаза выклевывать за то, что ты создал нам таких животных, как люди, похитил мой огонь, сотворил женщин! А что говорить о том, что ты меня обманул при разделе мяса, подсунув одни кости, прикрытые жиром, и лучшую часть сохранил для себя?

Прометей. Разве я недостаточно уже поплатился, терпя столько времени мучения, прикованный к скалам Кавказа, и питая собственной печенью эту проклятую птицу, орла?

Зевс. Это даже еще не самая малая часть того, что ты заслужил.

Прометей. Но ты меня освободишь не даром: я тебе, Зевс, открою нечто весьма важное.

2. Зевс. Ты со мной хитришь, Прометей.

Прометей. Что же я этим выиграю? Ты ведь будешь прекрасно знать, где находится Кавказ, и у тебя не будет не-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 469.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1983. Т. 1. С. 91.

достатка в цепях, если я попадусь, в каком-нибудь злом умысле.

З е в с. Скажи сначала, какую важную услугу ты мне окажешь.

П р о м е т е й. Если я скажу тебе, куда ты сейчас идешь, поверишь ли ты мне, что и в остальном мои прорицания будут правдивы?

З е в с. Конечно.

П р о м е т е й. Ты идешь к Фетиде на свидание.

З е в с. Это ты верно угадал; что же дальше? Тебе, кажется, действительно можно верить.

П р о м е т е й. Не ходи, Зевс, к этой нереиде: если она родит тебе сына, он сделает с тобою то же, что ты сделал...

З е в с. Ты хочешь сказать, что я лишусь власти?

П р о м е т е й. Да не сбудется это, Зевс. Но сочетание с ней угрожает тебе этим.

З е в с. Если так — прощай, Фетида. А тебя за это пусть Гефест освободит.

2

Эрот и Зевс

1. Э р о т. Но если я даже провинился в чем-нибудь, прости меня, Зевс: я ребенок и еще неразумен.

З е в с. Ты ребенок? Ведь ты, Эрот, на много лет старше Иапета. Оттого, что у тебя нет бороды и седых волос, ты хочешь считаться ребенком, хотя ты старик и притом негодяй?

Э р о т. Чем же, по-твоему, я, старик, обидел тебя так сильно, что ты хочешь меня связать?

З е в с. Посмотри сам, бесстыдник, мало ли ты меня обидел и мало ли издеваешься надо мной; ведь нет ничего, во что ты не заставлял бы меня превратиться: ты делал меня сатиром, быком, золотом, лебедем, орлом! А ни одну женщину не заставил влюбиться в меня, ни одной я при твоем содействии не понравился, и должен прибегать к колдовству, должен являться в чужом облике. Они же влюбляются в быка или в лебедя, а когда увидят меня, умирают от страха.

2. Э р о т. Это вполне естественно. Они, как смертные, не переносят твоего вида, Зевс.

З е в с. Отчего же Аполлона любят Бранх и Гиацинт?

Э р о т. Однако Дафна бежала от него, хотя у него длинные волосы и нет бороды. Если ты хочешь нравиться, не потрясай эгидой, не носи с собой молнии, а придай себе как можно более приятный вид, прибрав с обеих сторон свои курчавые волосы и надев на голову повязку; носи пурпурное платье, золотые сан-

далии, ходи изящной поступью под звуки флейты и тимпанов, и тогда ты увидишь, что у тебя будет больше спутниц, чем менад у Диониса.

З е в с. Убирайся. Не хочу нравиться, если для этого нужно сделаться таким.

Э р о т. В таком случае, Зевс, не стремись больше к любви: это ведь нетрудно.

З е в с. Нет, от любви я не откажусь, но хочу, чтоб это мне стоило меньше труда; под этим условием отпускаю тебя.

7

Гефест и Аполлон

1. Г е ф е с т. Аполлон, ты видел новорожденного ребенка Майи? Как он красив! И всем улыбается. Из него выйдет что-нибудь очень хорошее: это уже видно.

А п о л л о н. Ты ожидаешь много хорошего от этого ребенка? Да ведь он старше Иапета, если судить по его бессовестным проделкам!

Г е ф е с т. Что же дурного мог сделать новорожденный ребенок?

А п о л л о н. Спроси Посейдона, у которого он украл трезубец, или у Ареса: у него он тайком вытащил меч из ножен, не говоря уже о том, что у меня он стащил лук и стрелы.

2. Г е ф е с т. Как! Новорожденный ребенок, который еще с трудом держится на ногах?

А п о л л о н. Сам можешь убедиться, Гефест, пусть он только подойдет к тебе.

Г е ф е с т. Ну, вот он и подошел.

А п о л л о н. Что же? Все твои орудия на месте? Ничего не пропало?

Г е ф е с т. Всё на месте, Аполлон.

А п о л л о н. Посмотри хорошенько.

Г е ф е с т. Клянусь Зевсом, я не вижу клещей!

А п о л л о н. Увидишь их — в пеленках мальчика.

Г е ф е с т. Вот ловкий на руку! Словно он уже в утробе матери изучил воровское искусство.

3. А п п о л о н. Ты не слышал еще, как он уже быстро и красноречиво говорит. И прислуживать нам уже начинает. Вчера он вызвал Эрота на борьбу и в один миг победил его, не знаю каким образом поставив ему подножку; а потом, когда все стали его хвалить и Афродита взяла его за победу к себе на руки, он украл у нее пояс, а у Зевса, пока тот смеялся, стащил скипетр; и если бы перун не был слишком тяжел и не был таким огненным, он, наверно, стащил бы и его.

Гефест. Да это какой-то чудесный мальчик!

Аполлон. Мало того: он уже и музыкант.

Гефест. С чего ты взял?

4. Аполлон. Нашел он где-то мертвую черепаху — и вот сделал себе из нее музыкальный инструмент: прикрепил два изогнутых бруса, соединил их перекладиной, вбил колки, вставил кобылку, натянул семь струн и стал играть очень складно, Гефест, и умело, так что мне приходится завидовать ему, а ведь сколько времени я уже упражняюсь в игре на кифаре. Это еще не всё. Майя рассказывала, что он ночью не остается на небе, а от нечего делать спускается в преисподнюю, очевидно с тем, чтобы и оттуда что-нибудь стащить. И крылья есть у него, и он сделал какой-то жезл, обладающий чудесной силой; с этим жезлом в руке он ведет души и спускает умерших в подземное царство.

Гефест. Я дал ему этот жезл поиграть.

Аполлон. За это он прекрасно отблагодарил тебя: клещи-то...

Гефест. Хорошо, что ты мне напомнил. Пойду отберу у него клещи, если, как ты говоришь, они спрятаны в его пеленках.

8

Гефест и Зевс

1. Гефест. Что мне прикажешь делать, Зевс? Я пришел по твоему приказанию, захватив с собой топор, хорошо наточенный, — если понадобится, он камень разрубит одним ударом.

Зевс. Прекрасно, Гефест: ударь меня по голове и разруби ее пополам.

Гефест. Ты, кажется, хочешь убедиться, в своем ли я уме? Прикажи мне сделать что-нибудь другое, если тебе нужно.

Зевс. Мне нужно именно это — чтобы ты разрубил мне череп. Если ты не послушаешься, тебе придется, уже не в первый раз, почувствовать мой гнев. Нужно бить изо всех сил, не медля! У меня невыносимые родовые муки в мозгу.

Гефест. Смотри, Зевс, не вышло бы несчастия: мой топор остер, — без крови дело не обойдется, — и он не будет такой хорошей повивальной бабкой, как Илифия.

Зевс. Ударяй смело, Гефест; я знаю, что мне нужно.

Гефест. Что же, ударю, не моя воля; что мне делать, когда ты приказываешь? Что это такое? Дева в полном вооружении! Тяжелая штука сидела у тебя в голове, Зевс; не удивительно, что ты был в дурном расположении духа: носить под черепом такую большую дочь, да еще в полном вооружении, — это не шутка! Что же у тебя военный лагерь вместо головы?

А она уже скачет и пляшет военный танец, потрясая щитом, поднимает копье и вся сияет от божественного вдохновения. Но, главное, она настоящая красавица, и в несколько мгновений сделалась уже взрослой. Только глаза у нее какие-то сероватоголубые, — но это хорошо идет к шлему. Зевс, в награду за мою помощь при родах позволь мне на ней жениться.

З е в с. Это невозможно, Гефест: она пожелает вечно оставаться девой. А что касается меня, то я ничего против этого не имею.

Г е ф е с т. Только это мне и нужно; я сам позабочусь об остальном и постараюся с ней справиться.

З е в с. Если это тебе кажется легким, делай, как знаешь, только уверяю тебя, что ты желаешь неисполнимого.

9

Посейдон и Гермес

1. П о с е й д о н. Гермес, можно повидать Зевса?

Г е р м е с. Нельзя, Посейдон.

П о с е й д о н. Все-таки ты доложи.

Г е р м е с. Не настаивай, пожалуйста: сейчас неудобно, ты с ним не можешь увидеться.

П о с е й д о н. Он, может быть, сейчас с Герой?

Г е р м е с. Нет, совсем не то.

П о с е й д о н. Понимаю: у него Ганимед.

Г е р м е с. И не это тоже: он нездоров.

П о с е й д о н. Что с ним, Гермес? Ты меня пугаешь.

Г е р м е с. Это такая вещь, что мне стыдно сказать.

П о с е й д о н. Нечего тебе стыдиться: я ведь твой дядя.

Г е р м е с. Он, видишь ли, только что родил.

П о с е й д о н. Что такое? Он родил? От кого же? Неужели он двуполое существо, и мы ничего об этом не знали? По его животу совсем ничего не было заметно.

Г е р м е с. Это правда; но плод-то был не здесь.

П о с е й д о н. Понимаю: он опять родил из головы, как некогда Афину. Плодовитая же у него голова!

Г е р м е с. Нет, на этот раз он в бедре носил ребенка от Семелы.

П о с е й д о н. Вот молодец! Какая необыкновенная плодовитость! И во всех частях тела! Но кто такая эта Семела?

2. Г е р м е с. Фиванка, одна из дочерей Кадма. Он с ней сошелся, и она забеременела.

П о с е й д о н. И теперь он родил вместо нее?

Г е р м е с. Да, это так, хоть и кажется тебе невероятным. Дело в том, что Гера, ты знаешь ведь, как она ревнива, пришла

тайком к Семеле и убедила ее потребовать от Зевса, чтобы он явился к ней с громом и молнией. Зевс согласился и пришел, взяв с собой еще перун, но от этого загорелся дом, и Семела погибла в пламени. Тогда Зевс приказал мне разрезать живот несчастной женщины и принести ему еще не созревший, семимесячный плод; когда же я исполнил это, он разрезал свое бедро и положил туда плод, чтоб он там созрел. И вот теперь, на третий месяц, он родил ребенка и чувствует себя нездоровым от родовых болей.

Посейдон. Где же сейчас этот ребенок?

Гермес. Я отнес его в Нису и отдал Нимфам на воспитание; зовут его Дионисом.

Посейдон. Так, значит, мой брат приходится этому Дионису одновременно и матерью и отцом?

Гермес. Так выходит. Но я пойду: надо принести ему воды для раны и сделать всё, что нужно, при уходе за роженицей.

10

Гермес и Гелиос

1. Гермес. Гелиос, Зевс приказывает, чтобы ты не выезжал ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, но оставался бы дома, и да будет все это время одна долгая ночь. Пусть же Горы распрягут твоих коней, а ты потуши огонь и отдохни за это время.

Гелиос. Ты мне принес совсем неожиданное и странное приказание. Не считает ли Зевс, что я неправильно совершал свой путь, позволил, быть может, коням выйти из колеи, и за это он рассердился на меня и решил сделать ночь в три раза длиннее дня?

Гермес. Ничего подобного! И все это устраивается не навсегда: ему самому нужно, чтобы эта ночь была длиннее.

Гелиос. Где же он теперь? Откуда послал тебя ко мне с этим приказанием?

Гермес. Из Беотии, от жены Амфитриона; он страстно желает разделить с ней ложе.

Гелиос. Так разве ему мало одной ночи?

Гермес. Мало. Дело в том, что от этой связи должен родиться великий бог, который совершит множество подвигов, и вот его-то в одну ночь изготовить невозможно.

2. Гелиос. Пусть себе изготовляет, в добрый час! Только во времена Крона этого не было, Гермес, — нас здесь никто не слушает: тот никогда не бросал ложа Реи, не уходил с неба, чтобы проводить ночь в Фивах. Нет, тогда день был днем, ночь

по числу часов ему в точности соответствовала, — не было ничего странного, никаких изменений, да и Крон никогда в жизни не имел дела со смертной женщиной. А теперь что? Из-за одной жалкой женщины всё должно перевернуться вверх дном, лошади — от бездействия стать неповоротливыми, дорога — пустовать три дня подряд, а несчастные люди должны жить в темноте. Вот всё, что они выиграют от любовных похождений Зевса; им придется сидеть и выжидать, пока под покровом глубокого мрака будет изготовлен твой великий атлет.

Гермес. Замолчи, Гелиос, а то тебе того гляди плохо придется за такие речи. А я теперь пойду к Селене и Сну и сообщу им приказания Зевса: Селена должна немедленно подвигаться вперед, а Сон — не выпускать людей из своих объятий, чтобы они не заметили, что ночь стала такой длинной.

16

Гера и Латона

1. Гера. Нечего сказать, Латона, прекрасных детей родила ты Зевсу!

Латона. Не всем же, Гера, дано производить на свет таких детей, как твой Гефест.

Гера. Во всяком случае, он, хотя и хром, все-таки полезен: он искусный мастер, разукрасил нам все небо, женился на Афродите и пользуется у нее большим уважением. А твои-то дети каковы! Дочь мужеподобна сверх меры, обитает в горах, а в последнее время ушла в Скифию и там — всем известно — убивает чужестранцев и подражает нравам людоедов — скифов. Аполлон же притворяется всезнающим: он и стрелок, и кифарист, и лекарь, и прорицатель; открыл себе прорицательские заведения — одно в Дельфах, другое в Кларе, третье в Дидимах — и обманывает тех, кто к нему обращается, отвечая на вопросы всегда темными и двусмысленными изречениями, чтобы таким образом оградить себя от ошибок. И он при этом порядочно наживается: на свете много глупых людей, которые дают обманывать себя. Зато более разумные прекрасно понимают, что ему никак нельзя верить; ведь сам прорицатель не знал, что убьет диском своего любимца, и не предсказал себе, что Дафна от него убежит, хотя он так красив и у него такие прекрасные волосы. В самом деле, я не понимаю, почему ты считала, что твои дети прекраснее детей Ниобы?

2. Латона. Я нисколько не удивляюсь, что мои дети — дочь, убивающая чужестранцев, и сын — лжепророк — огорчают тебя, когда ты видишь их среди богов и в особенности, когда

ее все восхваляют за красоту, а он во время пира играет на кифаре, возбуждая всеобщий восторг.

Гера. Я не могу удержаться от гнева, Латона. Он возбуждает восторг, он, с которого, если бы Музы судили справедливо, Марсий, наверное, содрал бы кожу, победив его в музыкальном состязании! К сожалению, несчастному Марсию пришлось погибнуть из-за пристрастного суда. А твоя прекрасная дочь! Узнав, что Актеон видел ее во всей красе, напустила на него своих собак, боясь как бы он не рассказал всем о ее безобразии. Я уже не стану говорить о том, что она не помогла бы родильницам, если бы сама была девой.

Латона. Очень уж ты гордишься, Гера, тем, что живешь с самим Зевсом и царствуешь вместе с ним. Но погоди немного: придет время, и я опять увижу тебя плачущей, когда Зевс оставит тебя одну, а сам сойдет на землю, превратившись в быка или в лебедя.

18

Гера и Зевс

1. Гера. Мне было бы стыдно, Зевс, если бы у меня был сын такой женоподобный, преданный пьянству, щеголяющий в женской головной повязке, постоянно блуждающий в обществе сумасшедших женщин, превосходящий их своей изнеженностью и пляшущий с ними под звуки тимпанов, флейт и кимвалов; вообще он похож на кого угодно только не на тебя, своего отца.

Зевс. И тем не менее этот бог с женской прической, более изнеженный, чем сами женщины, не только завладел Лидией, покорил жителей Тмола и подчинил себе фракийцев, но пошел со своей женской ратью на Индию, захватил слонов, завоевал всю страну, взял в плен царя, осмелившегося ему сопротивляться, — и все это он совершил среди хороводов и пляски, с тирсами, украшенными плющом, пьяный, как ты говоришь, и объятый божественным безумием. А тех, кто осмелились оскорбить его, не уважая таинств, он сумел наказать, связав виноградной лозой, или заставив мать преступника разорвать своего сына на части, как молодого оленя. Разве это не мужественные деяния и не достойные меня? А если он и окружающие его при этом преданы веселью и немного распущены, то невелика в том беда, в особенности когда подумаешь, каков он был в трезвом состоянии, если пьяный совершает такие подвиги.

2. Гера. Ты, кажется, не прочь похвалить Диониса и за его изобретение — виноградную лозу и вино, хотя сам видишь, какие вещи делают опьяненные, теряя самообладание, совер-

шая преступления и прямо впадая в безумие под действием этого напитка. Вспомни, что Икария, который первый из людей получил в дар виноградную лозу, убили мотыгами собственные сотрапезники.

З е в с. Все это пустяки! Во всем виновато не вино и не Дионис, а то, что люди пьют, не зная меры, и, переходя всякие границы, без конца льют в себя вино, не смешанное с водой. А кто пьет умеренно, тот только становится веселее и любезнее и ни с одним из своих сотрапезников не сделает ничего похожего на то, что было сделано с Икарием. Но, Гера, ты, кажется, ревнуешь, не можешь забыть Семелы, и оттого бранишь прекраснейший из даров Диониса.

20

Суд Париса

Зевс, Гермес, Гера, Афина, Афродита, Парис, или Александр

1. З е в с. Гермес, возьми это яблоко и отправляйся во Фригию к сыну Приама, который пасет стадо в горах Иды, на Гаргаре. Скажи ему вот что: «Тебе, Парис, Зевс, поручает рассудить богинь, спорящих о том, которая из них наикрасивейшая: ты ведь сам красив и сведущ в делах любви; победившая в споре пусть получит это яблоко». Пора и вам, богини, отправиться на суд: я отказываюсь рассудить вас, так как я люблю всех одинаково и хотел бы, если бы это было возможно, видеть вас всех победительницами. К тому же, я уверен, что если присужу одной из вас награду за красоту, две остальные сделаются моими врагами. Оттого-то я не гожусь вам в судьи; а этот фригийский юноша, к которому вы обратитесь, происходит из царского рода и родственник моему Ганимеду, — а впрочем, это простой, неиспорченный житель гор, вполне достойный того зрелища, которое ждет его.

2. А ф р о д и т а. Что касается меня, Зевс, то я, не колеблясь, готова итти на суд, даже если бы ты поставил судьей самого насмешника — Мома: во мне ему никак не найти повода для насмешки. Но необходимо, чтобы избранный тобою судья понравился также им.

Г е р а. Мы тоже, Афродита, и не думаем бояться, даже если бы суд был поручен твоему Аресу. И против Париса, кто бы он ни был, мы ничего не имеем.

З е в с. Ну, а ты, дочка, тоже согласна? Что скажешь? Отворачиваешься и краснеешь? Вы, девушки, всегда краснеете, когда

речь идет о таких вещах; но ты все-таки кивнула головой, — значит, согласна. Идите же; только смотрите, пусть побежденные не сердятся на судью и не делают бедному юноше зла: ведь невозможно, чтобы все были одинаково красивы.

3. Гермес. Мы, значит, направимся прямо во Фригию: я вас поведу, а вы следуйте за мной и не отставайте. Идите смело: я знаю Париса; это очень красивый юноша и в любви знает толк; к такому суду он подходит как нельзя лучше и, наверно, рассудит вас справедливо.

Афродита. Это все очень хорошо, а для меня особенно выгодно то, что судья справедлив. Ну, а как он, не женат еще или у него уже есть жена?

Гермес. Нельзя сказать, что он совсем не женат.

Афродита. Как же это?

Гермес. С ним, кажется, живет одна женщина с Иды, славненькая, но слишком деревенская, простая девушка с гор; он, кажется, не особенно сильно к ней привязан. Но зачем тебе это нужно знать?

Афродита. Я так только спросила.

4. Афина. Милейший, ты преступаешь свои полномочия, разговаривая с ней наедине.

Гермес. Ничего дурного, Афина, ничего против вас; она спросила, женат ли Парис.

Афина. Отчего же это ее так занимает?

Гермес. Не знаю; она говорит, что спросила не с какою-нибудь целью, а так, случайно.

Афина. Так как же, он женат?

Гермес. Кажется, да.

Афина. Ну, а насчет военных подвигов? Любил ли он их, стремится ли к славе или же он только простой пастух?

Гермес. С уверенностью я тебе ответить не могу, но можно догадываться, что он, как человек молодой, стремится и к этому и хотел бы быть первым в битвах.

Афродита. Вот видишь, я не сержусь и не делаю тебе выговоров за то, что ты с ней разговариваешь наедине; это — дело не Афродиты, а тех, кто вечно ворчит.

Гермес. Она спросила меня приблизительно о том же, о чем и ты; не сердись и не думай, что терпишь обиду, если я и ей ответил совсем просто.

5. Но мы среди разговора и не заметили, что оставили далеко за собой звезды и находимся у самой Фригии. Я вижу уже Иду и весь Гаргар как на ладони и даже, если не ошибаюсь, вижу нашего судью Париса.

Гера. Где же он? Я ничего не вижу.

Гермес. Посмотри, Гера, туда, налево, не на вершину горы, а на ее склон, где видно пещеру и перед ней стадо.

Гера. Да я не вижу никакого стада.

Гермес. Как же? Не видишь коров, вот там, по направлению моего пальца? Они выходят из-за скал, а с горы бежит человек с посохом в руке и гонит стадо назад, не давая ему разбрестись.

Гера. Да, теперь я его вижу, если это он.

Гермес. Он, он! Но мы уже близко; я думаю, нам нужно спуститься и пойти по земле, а то мы его напугаем, слетев внезапно с высоты.

Гера. Ты прав: спустимся на землю. Теперь Афродита, ты должна итти впереди и вести нас; тебе, наверно, хорошо знакома эта местность: ведь ты, говорят, много раз побывала здесь у Анхиса.

Афродита. Не думай, Гера, что твои насмешки могут меня очень разозлить.

6. Гермес. Я сам вас поведу. Здесь, на Иде, я уже бывал; это было в то время, когда Зевс был влюблен в того маленького фригийца: он часто посылал меня сюда посмотреть, что делает мальчик. А когда он превратился в орла, я летел рядом с ним и помогал ему нести маленького красавца; если меня память не обманывает, он похитил его как раз у этой скалы. Мальчик был тогда у своего стада и играл на свирели, как вдруг Зевс налетел на него сзади и, схватив очень бережно когтями, а клювом держа за головную повязку, поднял на воздух, а он, запрокинув голову, глядел с испугом на своего похитителя. Тогда я, подобрав свирель, которую мальчик со страху выронил... Но наш судья уже перед нами, так близко, что можно с ним заговорить.

7. Здравствуй, пастушок!

Парис. Здравствуй и ты, юноша! Кто ты? Откуда пришел к нам? Что это с тобой за женщины? Они настолько красивы, что не могут быть жительницами этих гор.

Гермес. Это не женщины, Парис: ты видишь перед собой Геру, Афину и Афродиту; а я — Гермес, и послал меня к тебе Зевс. Но чего же ты дрожишь и весь побледнел? Не бойся, ничего ужасного нет: Зевс поручает тебе быть судьей в споре богинь о том, которая из них самая красивая. Так как ты и сам красив и сведущ в делах любви, то я, говорит Зевс, предоставляю тебе разрешить их спор; а что будет победной наградой, ты узнаешь, прочитав надпись на этом яблоке.

Парис. Дай посмотрю, что там такое. Написано: «Прекраснейшая да возьмет себе!» Владыка мой Гермес, как же я, смертный человек и необразованный, могу быть судьей такого необыкновенного зрелища, слишком высокого для бедного пасту-

ха? Это быстрее сумел бы рассудить человек тонкий, образованный. А я что? Которая из двух коз красивее или которая из двух телок, — это я мог бы разобрать как следует.

8. А эти все три одинаково прекрасны, и я не знаю даже, как можно оторвать взор от одной и перевести на другую; глаза не хотят оторваться, но куда раз взглянули, туда и глядят и восхищаются: а когда, наконец, перейдут к другой, то опять впадают в восторг и останавливаются, и потом опять их увлекают все новые и новые красоты. Я весь утопаю в их красоте, она меня совсем околдовала! Я хотел бы смотреть всем телом, как Аргос! Я думаю, что единственный справедливый суд — это отдать яблоко всем трем. Да к тому же такое совпадение: эта — сестра и супруга Зевса, а те — его дочери; разве это не затрудняет еще больше и без того трудное решение?

Гермес. Не знаю; только должен тебе сказать, что исполнить волю Зевса ты обязан непременно.

9. Парис. Об одном прошу, Гермес: убеди их, чтобы две побежденные не сердились на меня и видели бы в этом только ошибку моих глаз.

Гермес. Они это обещали... Но пора приступить к делу, Парис.

Парис. Попробуем; что ж поделать! Но прежде всего я хотел бы знать, достаточно ли будет осмотреть их так, как они сейчас стоят, или же для большей точности исследования, лучше, чтобы они разделись.

Гермес. Это зависит от тебя как судьи; распоряжайся, как тебе угодно.

Парис. Как мне угодно? Я хотел бы посмотреть их нагими.

Гермес. Разденьтесь, богини; а ты смотри внимательно. Я уже отвернулся.

10. Гера. Прекрасно, Парис; я первая разденусь, чтобы ты убедился, что у меня не только белые руки и не вся моя гордость в том, что я — волоокая, но что я повсюду одинаково прекрасна.

Парис. Разденься и ты, Афродита.

Афина. Не вели ей раздеваться, Парис, пока она не снимет своего пояса; она волшебница и с помощью этого пояса может тебя околдовать. И затем, ей бы не следовало выступать со всеми своими украшениями и с лицом, накрашенным, словно у какой-нибудь гетеры, но ей следует открыто показать свою настоящую красоту.

Парис. Относительно пояса она права: сними его.

Афродита. Отчего же ты, Афина, не снимаешь шлема и не показываешь себя с обнаженной головой, но трясешь своим султаном и пугаешь судью? Ты, может быть, боишься, что твои

серовато-голубые глаза не произведут никакого впечатления без того строгого вида, который придает им шлем?

А ф и н а. Ну вот тебе, я сняла шлем.

А ф р о д и т а. А я вот сняла пояс.

Г е р а. Пора раздеваться.

11. П а р и с. О, Зевс-чудотворец! Что за зрелище, что за красота, что за наслаждение! Как прекрасна эта дева! А эта царственно и величественно сияет, действительно как подобает супруге Зевса! А эта как чудно смотрит, как прекрасно и заманчиво улыбается! Но я не могу перенести всего этого блаженства. Я бы вас попросил позволить мне осмотреть каждую отдельно: сейчас я совсем потерялся и не знаю, куда раньше смотреть, ибо всё с одинаковой силой притягивает мой взор.

А ф р о д и т а. Хорошо, сделаем так.

П а р и с. Тогда вы обе отойдите; а ты, Гера, останься.

Г е р а. Я остаюсь; осмотри меня хорошенько, а потом подумай, как тебе понравятся мои дары. Послушай, Парис, если ты мне присудишь награду, я тебя сделаю господином над всей Азией.

П а р и с. Дарами ты меня не прельстишь. Можешь идти; будет сделано, как мне покажется справедливым.

12. А ты, Афина, подойти сюда.

А ф и н а. Я здесь, Парис; если ты мне присудишь награду, ты впредь никогда не уйдешь из битвы побежденным, а всегда будешь победителем; я тебя сделаю воинственным и победоносным героем.

П а р и с. Мне, Афина, не нужны военные подвиги; ты видишь, что мир царит во Фригии и Лидии, и мой отец правит без всяких войн. Не беспокойся: ты не потерпишь обиды, даже если я буду судить, не обращая внимания на подарки. Можешь одеться и надеть шлем: я достаточно тебя видел. Теперь очередь Афродиты.

13. А ф р о д и т а. Вот и я; осмотри меня точно и подробно, ничего не пропуская, но подолгу останавливаясь на каждой из частей моего тела, и, если хочешь, послушай, красавец, что я тебе скажу. Давно уже, видя, как ты молод и прекрасен, — во всей Фригии вряд ли найдется тебе соперник, — я считаю тебя за такую красоту счастливым, однако ж, не могу простить того, что ты не покидаешь этих гор и скал и не отправляешься жить в город, а здесь, в глуши, теряешь напрасно свою красоту. Что могут дать тебе эти горы? На что пригодится твоя красота коровам? Тебе бы следовало найти себе жену, но не грубую деревенскую женщину, каковы все здесь на Иде, а какую-нибудь из Эллады, из Аргоса, из Коринфа, или, например, лаконянку, вот такую, как Елена: она молода, красива, ничуть не хуже меня, и, что всего

важнее, вся создана для любви; я уверена, что ей стоит только увидеть тебя, и она бросит дом и, готовая на всё, пойдет за тобой. Но ведь невозможно, чтобы ты не слыхал про нее.

Парис. Никогда не слыхал. Расскажи мне всё, Афродита; я с удовольствием послушаю.

14. Афродита. Она дочь Леды, известной красавицы, к которой Зевс спустился в образе лебедя.

Парис. Какова же она собой?

Афродита. Бела, как и следует быть дочери лебедя, нежна — не даром же родилась из яйца, стройна и сильна и пользуется таким успехом, что из-за нее уже велась война, когда Тесей похитил ее еще совсем молоденькой девушкой. А когда она выросла и расцвела, тогда все знатные ахейцы стали добиваться ее руки, а она избрала Менелая из рода Пелопидов. Хочешь, я ее сделаю твоей женой?

Парис. Как же? Она ведь замужем.

Афродита. Как ты еще молод и неопытен! Это уж мое дело, как всё устроить.

Парис. Да каким же образом? Я и сам хочу знать.

15. Афродита. Нужно, чтобы ты уехал отсюда, как будто ради обозрения Эллады. Когда ты прибудешь в Лакедемон, Елена тебя увидит, а там уж я позабочусь о том, чтобы она влюбилась и ушла с тобой.

Парис. Вот это и кажется мне невероятным: неужели она согласится покинуть мужа и пойти за чужестранцем к варварам?

Афродита. Об этом не беспокойся. У меня есть два сына-красавца, Гимерос и Эрот; их я пошлю с тобой в путь проводниками. Эрот завладеет всем ее существом и заставит ее влюбиться в тебя, а Гимерос, пролив на тебя все свое очарование, сделает тебя желанным и привлекательным. Я сама тоже буду помогать и попрошу Харит отправиться со мной, чтобы общими силами внушить ей любовь.

Парис. Что из всего этого выйдет, я не знаю, Афродита, — знаю только, что я уже влюблен в Елену, и не понимаю, что со мной, но мне кажется, что вижу ее, плыву прямо в Элладу, прибыл в Спарту, и вот возвращаюсь на родину с Еленой... Как меня раздражает, что все это еще не сбылось!

16. Афродита. Парис, не отдавайся любви раньше, чем разрешишь спор в мою пользу, в благодарность за то, что я буду твоей свахой и отдам тебе в руки невесту; нужно ведь, чтобы я явилась к вам победительницей и отпраздновала вместе вашу свадьбу и мою победу. Ценой этого яблока ты можешь купить себе всё: любовь, красоту, брак.

Парис. Я боюсь, что ты, получив от меня яблоко, забудешь о своих обещаниях.

А ф р о д и т а. Хочешь я поклянусь?

П а р и с. Нет, этого не надо; повтори только обещание.

А ф р о д и т а. Обещаю тебе, что Елена будет твоей и вместе с тобой отправится к вам в Трою; я сама займусь этим делом и устрою все.

П а р и с. И возьмешь с собой Эрота и Гимероса и Харит?

А ф р о д и т а. Непременно; и Потоса, и Гименея возьму впридачу.

П а р и с. Значит, под этим условием я даю тебе яблоко, под этим условием оно — твое.

21

Арес и Гермес

1. А р е с. Гермес, ты слышал, чем нам пригрозил Зевс? Какие надменные угрозы и вместе с тем какие неразумные! Если я, говорит, захочу, то спущу с неба цепь, а вы все, ухватившись за нее, будете стараться стащить меня вниз, но это вам не удастся; а если б я пожелал потянуть цепь, то поднял бы к небу не только вас, но вместе с вами и землю и море, — и так дальше, ты ведь сам слышал. Я не буду спорить против того, что он могущественнее и сильнее каждого из нас в отдельности, но будто он настолько силен, что мы все вместе не перетянем его, даже если земля и море будут с нами — этому я не поверю.

2. Г е р м е с. Перестань, Арес: такие вещи опасно говорить, эта болтовня может нам стоить больших неприятностей.

А р е с. Неужели ты думаешь, что я сказал бы это при всех? Я говорю только тебе, зная, что ты не разболтаешь. Но знаешь, что мне показалось более всего смешным, когда я слушал его угрозу? Я не могу не сказать тебе. Я вспомнил еще совсем недавний случай, когда Посейдон, Гера и Афина возмутились против него и замышляли схватить его и связать. Как он тогда от страха не знал, что делать, хотя их было всего трое, и если бы не Фетида, которая сжалилась над ним и призвала на помощь сторукого Бриарея, он так и дал бы себя связать вместе с громом и молнией. Когда я это вспомнил, я чуть было не расхохотался, слушая его горделивые речи.

Г е р м е с. Замолчи, советую я; небезопасно тебе говорить такие вещи, а мне — их слушать.

24

Гермес и Майя

1. Г е р м е с. Есть ли во всем небе бог несчастнее меня?

М а й я. Не говори так, Гермес.

Гермес. Как же не говорить, когда меня совершенно замучили, завалили всякой работой, — я разрываюсь на части от множества дел. Лишь только встану поутру, сейчас надо идти выметать столовую. Едва успею привести в порядок места для возлежания и устроить всё, как следует, нужно являться к Зевсу и разносить по земле его приказания, бегая без устали туда и сюда и обратно; только это кончится, я, весь еще в пыли, уже должен подавать на стол амбросию, — а раньше, пока не прибыл новый виночерпий, я и нектар разливал. И ужаснее всего то, что я, единственный из всех богов, по ночам не сплю, а должен водить к Плутону души умерших, должен быть проводником покойников и присутствовать на подземном суде. Но всех моих дневных работ еще мало; недостаточно, что я присутствую в палестрах, служу глашатаем на Народных собраниях, учу ораторов произносить речи, — устраивать дела мертвецов — это тоже моя обязанность?

2. Сыновья Леды сменяют друг друга: когда один находится на небе, другой проводит день в преисподней. Только я один принужден каждый день делать и то и другое. Сыновья Алкмены и Семелы, рожденные от жалких женщин, живут в свое удовольствие, не зная никаких забот, а я, сын Майи, дочери Атланта, должен им прислуживать! Вот сейчас я только что вернулся из Сидона, от сестры Кадма, куда Зевс послал меня посмотреть, как живет его любимица; не успел еще я перевести дух, а он уже посылает меня в Аргос навестить Данаю, а на обратном пути оттуда «зайди, — говорит, — в Беотию повидать Антиопу». Я не могу больше! Если бы было возможно, я с удовольствием заставил бы его продать меня кому-нибудь другому, как это делают на земле рабы, когда им служить невмоготу.

Майя. Оставь эти жалобы, сынок. Ты еще молод и должен прислуживать отцу, сколько он ни пожелает. А теперь, раз он посылает тебя, беги поскорее в Аргос и затем в Беотию, а то он, пожалуй, побьет тебя за медлительность: влюбленные всегда очень раздражительны.

РАЗГОВОРЫ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

13

Диоген[1] *и Александр*

1. Диоген. Что это, Александр? И ты умер, как все?

Александр. Как видишь, Диоген. Что же в этом удивительного, если я, человек, умер?

Диоген. Так, значит, Аммон солгал, говоря, что ты — его сын, значит, на самом деле ты сын Филиппа.

Александр. Наверно, Филиппа: был бы я сыном Аммона, я бы не умер.

Диоген. Но ведь и про Олимпиаду[2] рассказывали, будто она видела на своем ложе дракона, который сошелся с ней; от него-то, говорят, она и родила тебя, а Филипп обманывался, думая, что ты его сын.

Александр. И я тоже слышал об этом, но теперь вижу, что и мать, и прорицатели Аммона говорили вздор.

Диоген. Однако их ложь пригодилась тебе для твоих дел: многие трепетали перед тобой, считая богом.

2. Но скажи мне, кому ты оставил свою громадную державу?

Александр. Сам не знаю, Диоген: я не успел на этот счет распорядиться; только, умирая, передал мое кольцо Пердике. Но чего же ты смеешься, Диоген?

Диоген. Я вспомнил, как поступала с тобой Эллада, как тебе льстили эллины, лишь только ты получил власть, — избрали тебя своим покровителем и вождем против варваров, а некоторые даже причисляли тебя к сонму двенадцати богов, строили тебе храмы и приносили жертвы как сыну дракона.

3. Но скажи мне, где тебя македоняне похоронили?

Александр. Пока я лежу в Вавилоне, уже тридцать дней, но начальник моей стражи, Птолемей, обещал, как только покончит с беспорядками, которые возникли после моей смерти, перевезти меня в Египет и там похоронить, чтобы я таким образом сделался одним из египетских богов.

Диоген. Как же мне не смеяться, Александр, видя, что ты даже в преисподней не поумнел и думаешь сделаться Анубисом или Осирисом? Брось эти мысли, божественный; кто раз переплыл на эту сторону озера и проник в подземное царство, тому больше нельзя вернуться. Эак ведь очень внимателен, да и с Кербером справиться не так легко.

4. Мне было бы приятно узнать, как ты себя чувствуешь, когда вспоминаешь, какое блаженство ты оставил на земле, всяких телохранителей, стражу, сатрапов, груды золота, и народы, боготворящие тебя, и Вавилон, и Бактрию, и зверей громадных, и почести, и славу, и торжественные выезды в белой диадеме на голове и в пурпурном платье. Разве тебе не больно, когда ты всё это вспоминаешь? Чего же ты плачешь, ты глупец? Даже этому не научил тебя мудрец Аристотель — не считать прочными дары судьбы?

5. Александр. Мудрец? Он хуже всех льстецов! Позволь уж мне знать все, что касается Аристотеля; чего он требовал от меня, чему меня учил, как он злоупотреблял моей любовью к науке,

льстя мне и восхваляя меня то за красоту, которую он называл частью добра, то за мои деяния, то за богатство; он доказывал, что богатство — тоже благо, чтобы ему, таким образом, не было стыдно принимать подарки. Настоящий шут и комедиант! Всё, чему научила меня его мудрость, — это скорбеть, будто по величайшему благу, по всему, перечисленному тобой.

6. Диоген. Знаешь, что делать? Я посоветую тебе средство против скорби. Так как у нас не растет трава, что служит лекарством против безумия, тебе не остается ничего другого, как пить большими глотками воду из Леты, — пить и снова пить и еще, почаще; таким образом ты перестанешь скорбеть по аристотелевым благам. Но смотри: Клит и Каллисфен и с ними целая толпа, все бегут сюда, хотят тебя растерзать в отмщение за то, что ты с ними сделал. Уходи же скорее по другой дороге и почаще пей воду Леты, как я тебе посоветовал.

16

Диоген и Геракл

1. Диоген. Не Геракл ли это? Да, это он, клянусь Гераклом! Лук, палица, львиная шкура, рост — Геракл с ног до головы! Значит, ты умер, хоть ты и сын Зевса? Послушай, победоносный, ты мертв? Я тебе на земле приносил жертвы как богу.

Геракл. И хорошо делал: настоящий Геракл живет на небе вместе с богами «близ супруги Гебы цветущей», а я только его призрак.

Диоген. Как же это? Призрак бога? Можно ли быть наполовину богом, а наполовину мертвецом?

Геракл. Да, ибо умер не он, а я, его образ.

2. Диоген. Понимаю: он тебя отдал Плутону в качестве своего заместителя, и ты теперь мертвец вместо него.

Геракл. Что-то в этом роде.

Диоген. Отчего же Эак, который всегда так точен, не узнал, что ты не настоящий, и принял подменного Геракла?

Геракл. Оттого, что я в точности на него похож.

Диоген. Это правда: сходство такое, что ты действительно и есть он сам. Как ты думаешь, не вышло ли наоборот, не ты ли сам Геракл, а призрак живет с богами и женился на Гебе?

3. Геракл. Ты дерзок и болтлив. Если ты не перестанешь издеваться надо мной, я тебе сейчас покажу, какого бога я призрак!

Диоген. Ну вот! Вытащил лук и готов стрелять! Я уже раз умер, так что мне нечего бояться тебя. Но скажи, мне, ради твоего Геракла, как было при его жизни? Ты уже тогда был

призраком и жил вместе с ним? Или, может быть, при жизни вы были одним существом и только после смерти разделились: он улетел к богам, а ты, его призрак, как и следовало ожидать, сошел в преисподнюю?

Геракл. За твои насмешки совсем не следовало бы отвечать тебе; но все-таки и это скажу. Что было в Геракле от Амфитриона, то и умерло, и это именно — я, а что было от Зевса, то живет на небе с богами.

4. Диоген. Теперь я все отлично понимаю: Алкмена, говоришь ты, родила одновременно двух Гераклов: одного — от Амфитриона, другого — от Зевса, и вы были близнецами от разных отцов, только никто не знал об этом.

Геракл. Да нет же, ничего ты не понимаешь: мы оба — один и тот же.

Диоген. Не так легко понять, что два Геракла были соединены в одно, разве только представить себе тебя чем-то вроде кентавра, человеком и богом, сросшимися вместе.

Геракл. Да разве ты не знаешь, что все люди таким же образом составлены из двух частей — души и тела? Отчего же невозможно, чтобы душа, происходящая от Зевса, пребывала на небе, а я смертная часть, находился в царстве мертвых?

5. Диоген. Но, почтенный сын Амфитриона, все это было б прекрасно, если бы ты был телом, а ты ведь бестелесный призрак. Таким образом выходит уже тройной Геракл.

Геракл. Отчего же тройной?

Диоген. А вот рассуди сам: настоящий Геракл живет на небе, ты, его призрак, — у нас, а тело его уже истлело и обратилось в прах, — всего, значит, три. Тебе надо теперь придумать третьего отца для тела.

Геракл. Да ты настоящий софист, и дерзок к тому же. Кто ты такой?

Диоген. Диогена синопского призрак, а сам он, клянусь Зевсом, не

с богами на светлом Олимпе,

но живет вместе с лучшими среди мертвых и смеется над Гомером и всей этой высокопарной болтовней.

17

Менипп[3] *и Тантал*

1. Менипп. Что ты стонешь, Тантал? Почему себя оплакиваешь, стоя на берегу озера?

Тантал. Я погибаю от жажды, Менипп.

Менипп. Ты так ленив, что не хочешь наклониться и выпить или, по крайней мере, набрать воды в пригоршню?

Т а н т а л. Что пользы, если я даже наклонюсь? Вода бежит от меня, стоит мне лишь приблизиться; если мне и удается иногда набрать воды в руки и поднести ее ко рту, то не успею даже смочить губ, как вся вода протекает у меня между пальцев и каким-то образом рука моя вновь делается сухой.

М е н и п п. Что-то странное происходит с тобой, Тантал! Но скажи мне, зачем тебе пить? У тебя нет тела, оно похоронено где-то в Лидии: одно оно и было в состоянии чувствовать голод и жажду; а ты, будучи душой, каким образом можешь чувствовать жажду и пить?

Т а н т а л. В этом и состоит мое наказание, что душа чувствует жажду, как будто она — тело.

2. М е н и п п. Положим, что это так, раз ты говоришь, что наказан жаждой. Но что же с тобой может случиться? Разве ты боишься умереть от недостатка питья? Я не знаю другой преисподней, кроме этой, и не слыхал про смерть, переселяющую мертвецов отсюда в другое место.

Т а н т а л. Ты прав: и это составляет часть моего наказания — жаждать питья, совсем в нем не нуждаясь.

М е н и п п. Ты болтаешь пустое, Тантал. Тебе, кажется, в самом деле пригодилось бы питье — неразбавленный отвар из травы против бешенства, так как с тобой, клянусь Зевсом, случилось что-то обратное тому, что делается с укушенными бешеной собакой: ты боишься не воды, а жажды.

Т а н т а л. Не откажусь пить даже этот отвар, пусть мне только дадут его.

М е н и п п. Успокойся, Тантал, — не только ты, но ни один из мертвых пить не будет: это ведь невозможно. А между тем не все, как ты, терпят в наказание жажду от убегающей от них воды.

18

Менипп и Гермес

1. М е н и п п. Где же красавцы и красавицы, Гермес? Покажи мне: я недавно только пришел сюда.

Г е р м е с. Некогда мне, Менипп. Впрочем, посмотри сюда, направо: здесь Гиацинт, Нарцисс, Нирей, Ахилл, Тиро, Елена, Леда и вообще вся древняя красота.

М е н и п п. Я вижу одни лишь кости да черепа без тела, мало чем отличающиеся друг от друга.

Г е р м е с. Однако это именно те, которых все поэты воспевают, и кто тебе, кажется, не внушает никакого уважения.

М е н и п п. Покажи мне все-таки Елену! Без тебя мне ее не узнать.

Гермес. Вот этот череп и есть Елена.

2. Менипп. Значит, из-за этого черепа целая тысяча кораблей была наполнена воинами со всей Эллады, из-за него пало столько эллинов и варваров и столько городов было разрушено?

Гермес. Менипп, ты не видел этой женщины живой. Если бы ты мог ее тогда видеть, ты, сказал бы, как и все: нельзя возмущаться, что

троянцы и дети ахейцев
из-за подобной жены бесконечные бедствия терпят.

Ведь и цветы засохшие и поблекшие покажутся тому, кто на них посмотрит, безобразными, а между тем в своем расцвете и свежести они прекрасны.

Менипп. Вот меня и удивляет, как это ахейцы не понимали, что сражаются за то, что так кратковременно и скоро отцветает.

Гермес. Мне некогда, Менипп, философствовать с тобой. Выбери себе место, какое хочешь, и ложись туда, а я пойду за другими мертвецами.

(*Пер. С. Сребрного*)

[1] *Диоген* (VI в. до н. э.) — родом из Синопы, виднейший представитель кинической философской школы. [2] *Олимпиада* — жена Филиппа, мать Александра Македонского. [3] *Менипп* (начало III в. до н. э.) — один из видных киников, по происхождению раб.

Анакреонтика

В поздней античности получило распространение поэтическое направление, использовавшее мотивы любовной и застольной лирики Анакреонта и эллинистической поэзии. Памятником этого направления является сборник «Анакреонтической лирики», небольших изящных, жизнерадостных стихотворений, написанных в подражание Анакреонту и долгое время считавшихся подлинными стихотворениями поэта. Этот сборник получил широкую известность в новой европейской литературе, многократно переводился на европейские языки, был особенно распространен в XVII—XIX вв. Анакреонтическая поэзия оказала заметное влияние и на развитие русской литературы, она нашла отражение в творчестве Ломоносова, Державина, Гнедича, Пушкина, Рылеева и др.

Переводы анакреонтической лирики:
Парнас. Антология античной лирики. М., 1980.
Античная лирика. М., 1968.
Стихи в антологии приводятся по данным изданиям.

* * *

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам.
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам.

Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

(Пер. А. С. Пушкина)

* * *

Мне девушки сказали:
«Ты жил до старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».

Я не тужу нимало,
Еще мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;

Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

(Пер. М. В. Ломоносова)

* * *

Эрот однажды пчелку,
Сидевшую на розе,
Не разглядел, уязвлен
Был в пальчик и, захлопав
Ручонками, заплакал.
Потом летит к прелестной
Киприде и, обнявши,
Кричит: «Погиб я, мама!

Погиб я, умираю!
Меня сразила змейка
Крылатая, что пчелкой
Селяне называют...»
А мать в ответ: «Коль больно
Тебе от жала пчелки, —
Как больно тем, подумай,
Кого ты сам ужалишь!»

(Пер. Л. А. Мея)

* * *

Мне петь было б о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил

И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

(Пер. М. В. Ломоносова)

* * *

Ночною темнотою
Покрылись небеса.

Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.

Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал;
«Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал, —
Чего ты устрашился?
Я — мальчик, чуть дышу.
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крылами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился:
«Каков-то, молвил, — лук?
В дожде, чай, повредился».
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко засмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится:
И цел, и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

(Пер. М. В. Ломоносова)

* * *

Зачем витиев правил
Вы учите меня?
Премудрость я оставил,
Не надобна она.
Вы лучше поучите,
Как сок мне Вакхов пить,
С прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Уж нет мне больше силы
С ней одному владеть;
Подай мне, мальчик милый,
Вина хоть поглядеть;
Авось еще немного
Мой разум усыплю;

Приходит время строго:
Покину, — что люблю.

(Пер. Г. Р. Державина)

* * *

О счастливец, о кузнечик,
На деревьях, на высоких
Каплею воды напьешься
И, как царь, ты распеваешь.
Всё твое, на что ни взглянешь,
Что в лесах растет зеленых.
Друг смиренный земледельцев,
Ты ничем их не обидишь.
Ты приятен человеку,
Лета сладостный предвестник:
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону:
Дар его — твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,

О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен

(Пер. Н. И. Гнедича)

* * *

Опутав Леля музы
В цветочном тенете,
Стеречь, повергши в узы,
Вручили Красоте.
Уж Лада ходит, просит,
Чтоб ей сыскать его,
И выкуп знатный носит
С собою за него.
Но пленника пусть долю
Хоть выкуп сей прервет:
Он сладкую неволю
Свободе предпочтет.

(Пер. Г. Р. Державина)

* * *

Недавно, Вакхом упоенный,
Заснул на тирских я коврах.
И зрел — что к девушкам, пленненный,
Я крался тихо на перстах.
Вдруг слышу громкий смех за мною;
Я оглянулся — зрю собор
Красавиц юных, надо мною
Смеющихся наперекор.

(Пер. К. Ф. Рылеева)

* * *

Зачем бежишь ты от меня,
Когда с тобой встречаюсь я,
И, на заре своей весны,
Боишься мудрой седины?..
Или зачем не любишь ты
Огня и жизни в старике?..
Вглядись, как много красоты
В благоухающем венке,
Где возле ярких роз видна
Лилей сребристых белизна.

(Пер. Н. Ф. Щербины)

* * *

Дайте мне вина, девицы!
Жар томит меня с денницы:
Поскорей припасть мне дайте
К Вакху жадными устами.
И главу мою венчайте
Вечно юного цветами;
А иной венок мгновенно
На челе моем спалится,
Оттого, что неизменно
Жар любви во мне таится.

(Пер. Л. А. Мея)

* * *

Не учи меня законам,
Скучных риторов твоих:
Что мне в слове бесполезном
И в софизмах их пустых?
Научи меня ты лучше
Сладкий сок Лиэя пить
И с Кипридой златокудрой
Игры резвые делить.

Погляди, как эти кудри
Увенчала седина...
Усыпи мой разум, отрок,
Дай воды, неси вина!

Скоро, скоро покрывало
На меня набросишь ты...
А у смертного, за гробом,
Все желанья отняты.

(Пер. Л. А. Мея)

* * *

Розу пышную Эрота
Примешаем к Дионису
И, прекраснолистной розой
Осенив чело, давайте
Пить и весело смеяться!
Роза — лучший меж цветами!
Роза — дар весны любимый!
Роза, милая бессмертным!
Розой даже сын Киприды,
Сотанцующий Харитам,
Кудри пышно украшает.
Вакх, венчай меня! Увитый
Роз гирляндами густыми,
С девой я высокогрудой
Понесусь под звуки лиры
Пред твоим священным
храмом.

(Пер. А. Н. Баженова)

* * *

Мне снилось: песнопевец,
Анакреонт Теосский,
Узрел меня и слово
Мне ласковое кинул.
Я побежал и старца
Поцеловал и обнял.
Хоть старец, был пригож он,
Пригож и полон страсти.
Вином благоухали
Уста, и вел за руку
Его Эрот: у старца
Уже дрожали ноги!
С чела венок он скинул
И отдал мне, дышал же
Венок Анакреонтом.
А я его, безумный,
Надел себе на кудри
И с той поры поныне
Дышу одной любовью!

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Дайте мне Гомера лиру
Без струны, что битвы славит.
Уложений дайте чашу, —

Разведу я в ней законы,
Чтоб, упившись ими, мог я
В исступлении разумном
Круговой отдаться пляске,
И средь чуждых песнопенью
Песнь застольную исполнить.
Дайте ж мне Гомера лиру
Без струны, что битву славит.

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Мне мил отрадный старец,
Плясун приятен юный.
Но коль запляшет старец,
Он — старец сединою,
Душою же он молод.

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Богами заклинаю,
Позволь мне выпить, выпить
Одним глотком всю чашу.
Хочу, хочу безумства!
Безумствовал Алкмéон
С Орестом белоногим,
Что матерей убили;
Я ж, неповинный в крови,
Вином упившись красным,
Хочу, хочу безумства!
Безумствовал когда-то
Геракл, махая грозно
Ифитовым колчаном
И смертоносным луком.
Безумствовал когда-то
Аянт, свой щит могучий
И Гектора подарок,
Меч острый, потрясая.
А я в руках имея
Не меч, не лук, но чашу,
Венком чело украсив,
Хочу, хочу безумства!

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Анакреонт сладкоречив,
Сафо сладкоречива,

Прибавь к ним Пиндарову песнь,
Смешай все в общей чаше.
Тогда испить тройную смесь,
Я мню, придет Дионис
С Кипридой пышнотелой
И с ними сам Эрот.

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Тяжело любви не ведать,
Тяжело любовь изведать,
Тяжелей всего не встретить
На любовь свою ответа.
Нипочем для страсти знатность,
В униженьи нрав и мудрость,
Лишь на деньги смотрят люди.
Сам бы пусть погибнул первым,
Возлюбивший сердцем злато!
Брата поднял он на брата;
На родных родных он поднял;
Войн кровавых он виновник.
И — что хуже — для влюбленных
Уготовил он погибель!

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Быкам дала природа
Рога, коням — копыта,
А зайцам — бег проворный,
Львам — пасть и зуба крепость,
Искусство плавать — рыбам,
А птицам — мощь полета.
Мужчинам — разум светлый,
Для женщин же в запасе
Подарка не осталось.
Что делать? Красотою,
Взамен щитов и копий,
Природа их снабдила,
Красавица ведь может
С огнем, с железом сладить.

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Посмотри: весна взглянула,
И шумят Хариты в розах.

Посмотри: волна морская
При безветрии заснула.
Посмотри, как утка плещет,
Как журавль свой путь свершает,
Как вовсю сияет солнце,
Разгоняя тучек тени,
Как оно работу смертных
Ярким светом озаряет.

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Хочу, хочу любить я!
На уговор Эрота,
К любви меня склонявший,
Отказом, не подумав,
Ответил я. Эрот же,
Взяв лук, колчан злаченый,
Меня на битву вызвал.
Я панцирь вздел на плечи,
Как Ахиллес, взял в руки
Копье и щит воловий
И в бой вступил с Эротом.
Он выстрелил, я — в бегство.
Когда ж Эрот рассеял
Все стрелы, гневный, быстро
Стрелой он обернулся
И, в сердце мне проникнув,
Все силы отнял... Ныне
Напрасен щит воловий!
Как отогнать Эрота,
Когда он в сердце бьется?

(Пер. Г. Церетели)

* * *

Я к тебе, художник славный!
Напиши, художник славный,
Царь родосского искусства,
Напиши мою подругу
По словам моим, заочно.
Ты волну кудрей сначала
Положи иссиня-черных,
Нежных и, коль воск позволит,
Ароматом напоенных.
А под черными кудрями,

Над ланитами, лоб белый
Напиши. Вот только брови
Не своди ты очень близко
И не ставь совсем раздельно.
Незаметно пусть сойдутся
Так, как есть, они над кругом
Черных глаз. Зрачок ты сделай
Из огня: глядеть он должен
То как зоркий глаз Афины,
То как влажный — Кифереи,
Напиши ты лоб и щеки,
К молоку прибавив розы,
А уста пусть, как у Пейто,
К поцелуям призывают.
И под нежным подбородком
Вкруг, как мрамор, белой шеи
Пусть порхают все Хариты.
Ты одень мою подругу
В темно-пурпурное платье
И пускай из-под покровов
Выявляется украдкой
Прелесть тела... Ну, довольно:
Пред собой я вижу деву!
Скоро, воск, заговоришь ты!

(Пер. Г. Церетели)

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРИСТОТЕЛЬ

(384—322 г. до н. э.)

Величайший мыслитель древности был одним из учеников Платона. Он родился в македонском городе Стагире (отсюда его прозвище — Стагирит), учился в Афинах, где позднее основал собственную школу — Ликей (Лицей), получившую название перипатетической (от греческого слова «перипатос» — хождение, прогулка, ибо занятия происходили во время прогулок по Ликейской роще). Аристотель был воспитателем Александра Македонского, сына македонского царя Филиппа. Аристотель — ученый энциклопедических знаний, создавший множество сочинений по физике, логике, теории познания, этике, политике, риторике, метеорологии, зоологии и т. д. В своих философских взглядах он отошел от своего учителя Платона и подверг критике его учение об идеях. Эстетические взгляды Аристотеля наиболее полно выражены в его сочинениях «Риторика» и «Поэтика». «Поэтика» явилась теоретическим осмыслением всего предшествующего опыта греческой литературы. Можно говорить, что эстетика Аристотеля в своей основе является материалистической. Аристотель определяет искусство как воспроизведение действительности (1-я гл.), придает большое значение его познавательной роли (4-я гл.). Предметом искусства для него является человеческая деятельность (2-я гл.). Аристотель видит специфическую особенность искусства в изображении общего, а не единственного и случайного. Он неоднократно подчеркивает необходимость правдивости изображения. Поэтому есть основания говорить о нем как о теоретике реализма в искусстве. «Поэтика» посвящена проблемам трагедии и отчасти эпоса (сочинение дошло в неполном виде). В ней дается определение трагедии и ее элементов (6-я гл.), говорится о происхождении драмы (3, 4-я гл.), об отношении трагедии к эпосу (8-я гл.), проводится сравнение гомеровских и киклических поэм, творчества Софокла и Еврипида (25-я гл.) и т. д. «Поэтика» сыграла огромную роль в развитии мировой эстетической мысли.

Переводы:

Аристотель. Об искусстве поэзии/Пер. В. Г. Аппельрота. М., 1957.

Аристотель. Поэтика/Пер. М. Л. Гаспарова//Аристотель. Соч. В 4-х т. М., 1984. Т. 4.

В настоящем издании приводятся отрывки из «Поэтики» Аристотеля по книге: *Аристотель.* Об искусстве поэзии. М., 1957.

ОБ ИСКУССТВЕ ПОЭЗИИ.

1.

1. Мы будем говорить как о поэтическом искусстве вообще, так и об отдельных его видах, о том, какое приблизительно значение имеет каждый из них, и как должна слагаться фабула, чтобы поэтическое произведение было хорошим; кроме того, о том, из скольких и каких частей оно состоит, а равным образом и обо всем прочем, что относится к этому же предмету; начнем мы свою речь, сообразно с сущностью дела, с самого основного.

Эпическая и трагическая поэзия, а также комедия и поэзия дифирамбическая, бóльшая часть авлетики и кифаристики[1] — все это, вообще говоря, искусства подражательные; различаются они друг от друга в трех отношениях: или тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, как подражают, — что не всегда одинаково. Подобно тому, как некоторые подражают многим вещам, при их воспроизведении, в красках и формах, одни — благодаря мастерству, другие — по навыку, а иные благодаря природному дару, так и во всех только что упомянутых искусствах. Подражание происходит в ритме, слове и гармонии[2], отдельно или вместе: так, только гармонией и ритмом пользуются авлетика и кифаристика и другие музыкальные искусства, относящиеся ⟨к этому же роду⟩, например, искусство игры на свирели; при помощи собственно ритма, без гармонии, производят подражание некоторые из танцовщиков, так как они именно посредством выразительных ритмических движений воспроизводят характеры, душевные состояния и действия; а то искусство, которое пользуется только словами без размера или с метром, притом либо смешивая несколько размеров друг с другом, либо употребляя один какой-нибудь из них, до сих пор остается ⟨без определения⟩: ведь мы не могли бы дать общего имени ни мимам Софрона и Ксенарха и сократическим разговорам[3], ни если бы кто совершал подражание посредством триметров, элегических или каких-либо других подобных стихов; только люди, связывающие понятие «творить» с метром, называют одних — элегиками, других — эпиками, величая их поэтами не по сущности подражания, а вообще по метру. И если издадут написанный метром какой-нибудь трактат по медицине или физике, то они обыкновенно называют его автора поэтом, а между тем у Гомера и Эмпедокла[4] нет ничего общего, кроме метра, почему первого справедливо называть поэтом, а второго скорее фисиологом, чем поэтом. Равным образом, если бы кто-нибудь издал сочинение, соединяя в нем все размеры, подобно тому как Херемон[5] создал

«Кентавра», рапсодию[6], смешанную из всяких метров, то и ⟨его⟩ приходится называть поэтом. Сказано об этом довольно.

Но есть некоторые искусства, которые пользуются всем сказанным, — то есть ритмом, мелодией и метром; такова, например, дифирамбическая поэзия, номы[7], трагедия и комедия; различаются же они тем, что одни пользуются всем этим сразу, а другие в отдельных своих частях. Такие-то я разумею различия между искусствами относительно *средства*, которым производится подражание.

2.

А так как все подражатели подражают действующим [лицам], последние же необходимо бывают или хорошими, или дурными (ибо характер почти всегда следует только этому, так как по отношению к характеру все различаются или порочностью, или добродетелью), — то, конечно, подражать приходится или лучшим, чем мы, или худшим, или даже таким, как мы, подобно тому как ⟨поступают⟩ живописцы: Полигнот, например, изображал лучших людей, Павсон — худших, а Дионисий[8] — обыкновенных. Очевидно, что и каждое из вышеуказанных подражаний будет иметь эти различия и будет, таким образом, тем, а не другим, смотря по предмету подражания: ведь и в танце и в игре на флейте и на кифаре могут возникнуть подобные различия; то же касается и прозаической и простой стихотворной речи: так, Гомер представляет лучших, Клеофонт — обыкновенных, а Гегемон Фасосец, первый творец пародий, и Никохар, творец «Делиады» — худших. То же самое касается дифирамбов и номов; в них можно было бы подражать так же, как подражали Аргант или Тимофей и Филоксен в «Киклопах[9]». Такое же различие и между трагедией и комедией: последняя стремится изображать худших, а первая — лучших людей, нежели ныне существующие.

3.

К этому присоединяется еще третье различие, заключающееся в том, ка́к подражать в каждом из этих случаев. Именно, подражать в одном и том же можно, рассказывая о событии, как о чем-то отдельном от себя, как это делает Гомер, или же так, что подражающий остается сам собою, не изменяя своего лица, или представляя всех изображаемых лиц как действующих и деятельных. Вот в каких трех различиях заключается всякое подражание, как мы сказали с самого начала, именно в средстве ⟨предмете⟩ и способе, так что в одном отношении Софокл мог бы быть тождествен с Гомером, ибо они оба воспроизводят людей достойных, а в другом — с Аристофаном, ибо они оба представ-

ляют людей действующими и притом драматически действующими. Отсюда, как утверждают некоторые, эти произведения и называются «драмами», потому что изображают лиц действующих. Поэтому доряне и высказывают притязания на трагедию и комедию, — на комедию именно претендуют мегаряне, как здешние, — будто бы она возникла во время установления у них демократии, так и сицилийцы, — потому что из Сицилии происходил поэт Эпихарм[10], живший гораздо раньше Хионида и Магнета[11]; а на трагедию высказывают притязания некоторые из пелопоннесских дорян, — причем приводятся в доказательство названия, именно: они, по их словам, называют окружающие города местечки ко́мами, а афиняне — демами, так как, говорят они, комедианты названы не от глагола *кома́дзейн* [пировать], а от скитания по ко́мам [актеров], не оцененных горожанами; также и понятие «действовать» у дорян выражается глаголом *дран,* а у афинян — *пра́ттейн.* — Итак, о том, сколько и какие бывают различия в подражании, сказано достаточно.

4.

Как кажется, поэтическое искусство породили вообще две и притом естественные причины. Во-первых, подражание присуще людям с детства, и они тем отличаются от прочих животных, что наиболее способны к подражанию, благодаря которому приобретают и первые знания; а во-вторых, продукты подражания всем доставляют удовольствие. Доказательством этого служит, то, что случается на самом деле: на что смотреть неприятно, изображения того мы рассматриваем с удовольствием, как, например, изображения отвратительных животных и трупов. Причина же этого заключается в том, что приобретать знания весьма приятно не только философам, но равно и прочим людям, с тою разницей, что последние приобретают их ненадолго. На изображения смотрят [они] с удовольствием, потому что, взирая на них, могут учиться и рассуждать, что́ [есть что-либо] единичное, например, что это — такой-то; если же раньше не случалось видеть, то изображенное доставит удовольствие не подражанием, но отделкой, или краской, или какой-нибудь другой причиной того же рода.

Так как подражание свойственно нам по природе, так же как и гармония и ритм (а что метры — особые виды ритмов, это очевидно), то еще в глубокой древности были люди, одаренные от природы способностью к этому, которые, мало-помалу развивая ее, породили из импровизации [действительную] поэзию.

Поэзия, смотря по личным особенностям характера [поэтов], распалась на разные отделы: именно поэты более серьезные

воспроизводили прекрасные деяния, притом подобных же им людей, а более легкомысленные изображали действия людей негодных, сочиняя сперва насмешливые песни, как другие сочиняли гимны и хвалебные песни. До Гомера мы не можем назвать ничьей поэмы подобного рода, хотя, конечно, поэтов было много, а начиная с Гомера это возможно, например, его «Маргит» и тому подобные. В них появился, как и следовало, насмешливый метр; он и теперь называется ямбическим, потому что этим размером осмеивали друг друга. Таким образом одни из древних поэтов стали творцами героических стихов, а другие — ямбов.

Как и в серьезном роде поэзии Гомер был величайшим поэтом, потому что он не только хорошо слагал стихи, но и создавал драматические изображения, так он же первый показал и основную форму комедии, придав драматическую отделку не насмешке, но смешному: следовательно, «Маргит» имеет такое же отношение к комедиям, как «Илиада» и «Одиссея» — к трагедиям. Когда же появились трагедия и комедия, те, которые имели природное влечение к тому или другому роду поэзии, вместо ямбических стали комическими писателями, а вместо эпиков — трагиками, потому что последние формы поэтических произведений значительнее и в большем почете, чем первые.

Здесь не место рассматривать, достигла ли уже трагедия во [всех] своих видах достаточного развития, или нет, как сама по себе, так и по отношению к театру. Возникши с самого начала путем импровизации, и сама она и комедия (первая — от зачинателей дифирамба, а вторая — от зачинателей фаллических песен[12], употребительных еще и ныне во многих городах) разрослась понемногу путем постепенного развития того, что составляет ее особенность. Испытав много перемен, трагедия остановилась, приобретя достодолжную и вполне присущую ей форму. Что касается числа актеров, то Эсхил первый ввел двух вместо одного; он уже уменьшил партии хора и на первое место поставил диалог, а Софокл ввел трех актеров и декорации. Затем, что касается содержания, то трагедия из ничтожных мифов и насмешливого способа выражения, — так как она произошла путем перемен из сатирического представления — уже впоследствии достигла своего прославленного величия; и размер ее из тетраметра стал ямбическим [триметром]: сперва же пользовались тетраметром, потому что само поэтическое произведение было сатирическим[13] и более носило характер танца; а как скоро развился диалог, то сама природа открыла свойственный ей размер, так как ямб из всех размеров самый близкий к разговорной речи. Доказательством этого служит то, что в беседе друг с другом мы произносим очень часто ямбы, а гек-

саметры — редко и то выходя из обычного строя разговорной речи. Наконец, относительно увеличения числа эписодиев и относительно прочего, служащего для украшения отдельных частей трагедии, мы ограничимся только этим указанием, так как излагать все в подробностях было бы слишком долго.

5.

Комедия, как мы сказали, есть воспроизведение худших людей, однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного: смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное; так, чтобы не далеко ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искаженное, но без [выражения] страдания.

Изменения в трагедии и виновники их, как мы видели, нам известны, а история комедии нам неизвестна, потому что сначала на нее не обращали внимания: даже хор комиков только уже впоследствии стал давать архонт, а сперва он составлялся из любителей. Уже в то время, когда она имела некоторую определенную форму, упоминаются впервые имена ее творцов. Но кто ввел маски, пролог, кто увеличил число актеров и т. п. неизвестно. Обрабатывать фабулы стали Эпихарм и Формий[14]; в таком виде [комедия] впервые перешла [в Грецию] из Сицилии, а из афинских комиков первый Кратет[15], оставив ямбические стихотворения, начал общую разработку диалога и фабул.

Эпическая поэзия, за исключением только своего важного размера, следовала трагедии, как подражание серьезному; она отличается от трагедии тем, что имеет простой размер и представляет собой повествование, а кроме того они различаются по объему: трагедия старается, насколько возможно, вместить свое действие в круг одного дня или лишь немного выйти из этих границ, а эпос не ограничен временем, чем и отличается от трагедии. Но, впрочем, сперва в трагедиях поступали точно так же, как и в эпических поэмах.

Что же касается составных частей, то они одни и те же [у трагедии и эпоса], частью свойственны только трагедии. Поэтому всякий, кто понимает разницу между хорошей и дурной трагедией, понимает и в эпосе, ибо то, что есть в эпическом произведении, есть и в трагедии, но что есть у последней, то не все входит в эпопею.

6.

Об искусстве подражать в гексаметрах[16] и о комедии мы будем говорить впоследствии, а теперь скажем о трагедии, извлекши из только что сказанного определение ее сущности. Итак, тра-

гедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, [подражание] при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов. «Украшенной речью» я называю такую, которая заключает в себе ритм, гармонию и пение; распределение их по отдельным частям трагедии состоит в том, что одни из них исполняются только посредством метров, а другие — посредством пения.

А так как подражание производится в действии, то первою по необходимости частью трагедии будет декоративное украшение, затем музыкальная композиция и словесное выражение, так в этом именно совершается подражание. Под словесным выражением я разумею самое сочетание слов, а под музыкальной композицией — то, что имеет очевидное для всех значение. Так как, далее, она есть подражание действию, а действие производится какими-нибудь действующими лицами, которым необходимо быть какими-нибудь по характеру и образу мыслей (ибо через это мы и действия называем какими-нибудь), то естественно вытекают отсюда две причины действия — мысль и характер, благодаря которым все имеют либо успех, либо неудачу.

Подражание действию есть *фабула;* под этой фабулой я разумею сочетание фактов, под характерами — то, почему мы действующих лиц называем какими-нибудь, а под мыслью — то, в чем говорящие доказывают что-либо или просто высказывают свое мнение.

Итак, необходимо, чтобы в каждой трагедии было шесть частей, на основании чего трагедия бывает какою-нибудь. Части эти суть: фабула, характеры, разумность, сценическая обстановка, словесное выражение и музыкальная композиция. К средствам подражания относятся две части, к способу — одна и к предмету — три; помимо же этих, других частей нет ⟨...⟩

Но самое важное в этом — состав происшествий, так как трагедия есть подражание не людям, но действию и жизни, счастью и злосчастью, а счастье и злосчастье заключаются в действии; и цель [трагедии — изобразить] какое-нибудь действие, а не качество; люди же бывают какими-нибудь по своему характеру, а по действиям — счастливыми или наоборот. Итак, поэты выводят действующих лиц не для того, чтобы изобразить их характеры, но благодаря этим действиям они затрагивают и характеры; следовательно, действия и фабула составляют цель трагедии, а цель важнее всего. Кроме того, без действия не могла бы существовать трагедия, а без характеров могла бы. Например, из новых трагедий бóльшая часть не изображает характеров, и вообще многие поэты находятся между собой в

таком же отношении, как из живописцев Зевксид[17] относится к Полигноту: именно, Полигнот был отличным живописцем характеров, а живопись Зевксида никаких характеров не изображает.

Далее, если кто поставит подряд характерные изречения, превосходные выражения и мысли, тот не достигнет того, что составляет задачу трагедии, но гораздо скорее достигнет этого трагедия, пользующаяся всем этим в меньшей степени, но имеющая фабулу и сочетание действий. Подобное же происходит и в живописи: именно, если бы кто без всякого плана употребил в дело лучшие краски, то он не произвел бы на нас такого приятного впечатления, как просто нарисовавший изображение. Сверх того, самое важное, чем трагедия увлекает душу, суть части фабулы — перипетии и узнавания. Справедливость нашего взгляда подтверждает и то, что начинающие писать сперва успевают в слоге и в изображении характеров, чем в сочетании действий, что замечается и почти у всех первых поэтов.

Итак, фабула есть основа и как бы душа трагедии, а за нею уже следуют характеры, ибо трагедия есть подражание действию, а поэтому особенно действующим лицам. Третья часть трагедии — разумность. Это — умение говорить то, что относится к сущности и обстоятельствам дела, что в речах достигается с помощью политики и риторики; и вот древние поэты представляли лиц, говорящих как политики, а нынешние — как ораторы. А характер — это то, в чем обнаруживается направление воли; поэтому не изображают характера те из речей, в которых не ясно, что кто-либо предпочитает или чего избегает, ⟨или⟩ в которых даже совсем нет того, что говорящий предпочитает или избегает. Разумность же есть то, в чем доказывают, что что-либо существует или не существует, или вообще что-либо высказывают. Четвертая часть, относящаяся к разговорам, есть словесное выражение; под ним, как выше сказано, я разумею изъяснение посредством слов, что имеет одинаковое значение как в метрической, так и в прозаической речи. Из остальных частей пятая, музыкальная, составляет главнейшее из украшений... А сценическая обстановка, хотя увлекает душу, но лежит вполне вне области искусства поэзии и менее всего свойственна ей, так как сила трагедии остается и без состязания и актеров; к тому же в отделке декорации более имеет значение искусство декоратора, чем поэтов.

7.

Установив эти определения, скажем затем, каково же должно быть сочетание действий, так как это первое и самое важное в трагедии. Установлено нами, что трагедия есть подражание

действию законченному и целому, имеющему известный объем, так как ведь существует целое и без всякого обьема. А *целое* есть то, что имеет начало, середину и конец. Начало — то, что само не следует по необходимости за другим, а, напротив, за ним существует или происходит, по закону природы, нечто другое; наоборот, конец — то, что само по необходимости или по обыкновению следует непременно за другим, после чего нет ничего другого; а середина — то, что само следует за другим, и за ним следует другое. Итак, хорошо составленные фабулы не должны начинаться откуда попало, ни где попало оканчиваться, но должны пользоваться указанными определениями.

Далее, прекрасное — и животное и всякая вещь, — состоящее из известных частей, должно не только иметь последние в порядке, но и обладать не какою попало величиной: красота заключается в величине и порядке, вледствие чего ни чрезмерно малое существо не могло бы стать прекрасным, так как обозрение его, сделанное в почти незаметное время, сливается, ни чрезмерно большое, так как обозрение его совершается не сразу, но единство и целостность его теряются для обозревающих, например, если бы животное имело десять тысяч стадий длины[18]. Итак, как неодушевленные и одушевленные предметы должны иметь величину, легко обозреваемую, так и фабулы должны иметь длину, легко запоминаемую. Определение длины фабулы по отношению к театральным состязаниям и чувственному восприятию не есть дело искусства поэзии: если бы должно было представлять на состязание сто трагедий, то состязались бы по водяным часам, как иногда действительно и бывает в других случаях. Размер определяется самой сущностью дела, и всегда по величине лучшая та [трагедия], которая расширена до полного выяснения [фабулы], так что, дав простое определение, мы можем сказать: тот объем достаточен, внутри которого, при непрерывном следовании событий по вероятности или необходимости, может произойти перемена от несчастья к счастью или от счастья к несчастью.

8.

Фабула бывает *едина* не тогда, когда она вращается около одного [героя], как думают некоторые: в самом деле, с одним может случиться бесконечное множество событий, даже часть которых не представляет никакого единства. Точно так же и действия одного лица многочисленны и из них никак не составляется одного действия. Поэтому, как кажется, заблуждаются все те поэты, которые написали «Гераклеиду», «Тесеиду»[19] и тому подобные поэмы: они полагают, что так как Геракл был один, то одна должна быть и фабула. Гомер, как в прочем выгодно от-

личается [от других поэтов], так и на этот вопрос, по-видимому, взглянул правильно благодаря ли искусству, или природному таланту: именно, творя «Одиссею» он не представил всего, что случилось с героем, например, как он был ранен на Парнасе, как притворился сумасшедшим во время сборов на войну, — ведь нет никакой необходимости ⟨или⟩ вероятия, чтобы при совершении одного из этих событий совершилось и другое; но он сложил свою «Одиссею», а равно и «Илиаду» вокруг одного действия, как мы его [только что] определили.

Следовательно, подобно тому как и в прочих подражательных искусствах единое подражание есть подражание одному [предмету], так и фабула, служащая подражанием действию, должна быть изображением одного и притом цельного действия, и части событий должны быть так составлены, что при перемене или отнятии какой-нибудь части изменялось и приходило в движение целое, ибо то, присутствие или отсутствие чего незаметно, не есть органическая часть целого.

9.

Из сказанного ясно и то, что задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно о возможном по вероятности или по необходимости. Именно, историк и поэт отличаются [друг от друга] не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история — об единичном. Общее состоит в том, что человеку такого-то характера следует говорить или делать по вероятности или по необходимости, — к чему и стремится поэзия, придавая [героям] имена; а единичное, например, что сделал Алкивиад или что с ним случилось. Относительно комедии это тоже очевидно: именно, сложив фабулу по законам вероятности, поэты таким образом подставляют любые имена, а не пишут, подобно ямбическим писателям, на отдельных лиц. В трагедии же придерживаются имен, взятых из прошлого; причина этого та, что вероятно [только] возможное. А в возможность того, что не случилось, мы еще не верим, но что случилось, то, очевидно, возможно, так как оно не случилось бы, если бы было невозможным. Однако в некоторых трагедиях одно или два имени известных, прочие же вымышлены, а в некоторых нет ни одного известного имени, например в «Цветке» Агафона[20]: в нем одинаково вымышлены как происшествия, так и имена, и тем не менее он

нравится. Следовательно, не надо непременно стремиться к тому, чтобы держаться переданных преданием мифов, в кругу которых заключаются трагедии. Да и смешно стремиться к этому, так как и то, что известно, известно немногим, однако же нравится всем. Итак, отсюда ясно, что поэту следует быть больше творцом фабул, чем метров, поскольку он поэт по своему подражательному воспроизведению, а подражает он действиям. Даже если ему придется изображать действительно случившееся, он тем не менее [остается] поэтом, ибо ничто не мешает тому, чтобы из действительно случившихся событий некоторые были таковы, каковыми они могли бы случиться по вероятности или возможности: в этом отношении он является их творцом. ⟨...⟩

10.

Из фабул одни бывают *простые*, другие — *сплетенные*, ибо и действия, подражания которым представляют фабулы, оказываются как раз таковыми. Простым я называю такое непрерывное и единое действие, как определено [выше], в течение которого перемена [судьбы] происходит без перипетии или узнавания, а сплетенное действие — такое, в котором эта перемена происходит с узнаванием или перипетией или с тем и с другим вместе. Все это должно вытекать из самого состава фабулы так, чтобы оно возникало из раньше случившегося по необходимости или вероятности: ведь большая разница, случится ли это *вследствие* чего-либо или *после* чего-либо.

11.

Перипетия, как сказано, есть перемена событий к противоположному, притом, как мы говорим, по законам вероятности или необходимости. Так, в «Эдипе» [вестник], пришедший, чтобы обрадовать Эдипа и освободить его от страха перед матерью, объявив ему, кто́ он был, достиг противоположного и в «Линкее»[21] — одного ведут на смерть, а Данай идет за ним, чтобы убить его, но вследствие хода событий последнему пришлось умереть, а первый спасся. А *узнавание*, как показывает и название, обозначает переход от незнания к знанию, [ведущей] или к дружбе, или ко вражде лиц, назначенных к счастью или несчастью. Лучшее узнавание, когда его сопровождают перипетии, как это происходит в «Эдипе». — Бывают, конечно, и другие узнавания; именно, оно может, как сказано, случаться по отношению к неодушевленным и вообще всякого рода предметам; возможно также узнать, совершил или не совершил кто-нибудь [что-либо]; — но наиболее существенным для фабулы и наиболее существенным для действия является вышеупомянутое узнавание, так как подобное узнавание и перипетия произведет или сострадание или страх, а таким имен-

но действиям и подражает трагедия; сверх того, несчастье и счастье следует именно за подобными событиями.

Так как узнавание есть узнавание кого-нибудь, то узнавания бывают со стороны одного лица по отношению только к одному другому (в случаях когда одно лицо известно), а иногда приходится узнавать друг друга обоим, например Ифигения была узнана Орестом благодаря посылке письма, а для Ифигении, чтобы узнать его, потребовалось другое средство узнавания[22].

Итак, две части фабулы сводятся именно к только что сказанному: это — перипетия и узнавание; третью же часть составляет *страдание*. Из этих частей о перипетии и узнавании сказано, а страдание есть действие, причиняющее гибель и боль, как, например, всякого рода смерть на сцене, сильная боль, нанесение ран и все тому подобное...

12.

О частях трагедии, которыми должно пользоваться как ее основами, мы сказали раньше; по объему же ее подразделения следующие: пролог, эписодий, эксод и хоровая часть, разделяющаяся в свою очередь на парод и стасим; последние части общи всем хоровым песням, особенность же некоторых составляют пение со сцены и коммосы. Пролог — целая часть трагедии до появления хора, эписодий — целая часть трагедии между цельными песнями хора, эксод — целая часть трагедии, после которой нет песни хора, из хоровой же части парод — первая целая речь хора, стасим — хоровая песнь без анапеста и трохея, а коммос — общая печальная песнь хора и актеров.

Итак, о частях трагедии, которыми необходимо пользоваться, мы упомянули раньше, а объем и подразделения ее только что указаны.

13.

По порядку, вслед за только что сказанным, нам следовало бы говорить о том, к чему должно стремиться и чего остерегаться, составляя фабулы, и как будет исполнена задача трагедии. — Так состав лучшей трагедии должен быть не простым, а сплетенным, и притом она должна подражать страшному и жалкому (ибо это составляет особенность подобного художественного изображения), то прежде всего ясно, что не следует изображать достойных людей переходящими от счастья к несчастью, так как это не страшно и не жалко, но отвратительно, ни порочных [переходящими] от несчастья к счастью, ибо это всего более чуждо трагедии, так как не заключает в себе ничего, что необходимо, то есть не возбуждает ни человеколюбия, ни сострадания, ни страха; наконец, вполне негодный человек не должен

впадать из счастья в несчастье, так как подобное стечение [событий] возбуждало бы человеколюбие, но не сострадание и страх: ведь сострадание возникает к безвинно несчастному, а страх — перед несчастьем нам подобного; следовательно, [в последнем случае] происшествия не возбудят в нас ни жалости, ни страха.

Итак, остается [человек], находящийся в середине между этими. Таков тот, кто не отличается [особенной] добродетелью и справедливостью и впадает в несчастье не по своей негодности и порочности, но по какой-нибудь ошибке, тогда как прежде был в большой чести и счастии, каковы например, Эдип, Фиест и выдающиеся лица из подобных родов.

Необходимо, чтобы хорошо составленная фабула была скорее простой, чем двойной, как говорят некоторые, и чтобы судьба изменялась в ней не из несчастья в счастье, а наоборот — из счастья в несчастье, не вследствие большой ошибки лица, подобного только что описанному, или скорее лучшего, чем худшего. ⟨...⟩

Итак, лучшая, согласно законам искусства, трагедия есть трагедия такого именно состава. Поэтому ошибаются порицающие Еврипида за то, что он делает это в своих трагедиях и что многие из них кончаются несчастьем: это, как сказано, правильно. Лучшее доказательство тому: на сценах и состязаниях самыми трагическими оказываются именно такие трагедии, если только они хорошо поставлены, и Еврипид, если даже в прочем и не хорошо распоряжается [своим материалом], оказывается все-таки трагичнейшим из поэтов. ⟨...⟩

14.

Страшное и жалкое ⟨...⟩ может возникать ⟨...⟩ из самого состава событий, что имеет преимущество и составляет признак лучшего поэта. Именно: надо ⟨...⟩ слагать фабулу так, чтобы всякий, слушающий о происходящих событиях, содрогался и чувствовал сострадание по мере того, как развертываются события; это почувствовал бы каждый, слушая фабулу «Эдипа» ⟨...⟩ А так как поэт должен доставлять с помощью художественного изображения удовольствие, вытекающее из сострадания и страха, то ясно, что именно должно заключаться в самих событиях. Поэтому исследуем, какие из событий оказываются страшными и какие жалкими ⟨...⟩ Если враг заставляет страдать врага, то он не возбуждает сострадания ⟨...⟩ разве только в силу самой сущности страдания; точно так же, если так поступают лица, относящиеся друг к другу безразлично. Но когда эти страдания возникают среди друзей, например, если брат убивает брата, или сын — отца, или мать — сына,

или сын — мать, или же намеревается убить, или делает что-либо другое в этом роде, вот чего следует искать поэту. ⟨...⟩

15.

Что же касается *характеров*, то есть четыре пункта, которые надо иметь в виду: первый и самый важный — чтобы они были *благородны*. Действующее лицо будет иметь характер, если, как было сказано, в речи или действии обнаружит какое-либо направление воли, каково бы оно ни было; но этот характер будет благородным, если обнаружит благородное направление воли. Это может быть в каждом человеке: и женщина бывает благородной, и раб, хотя, может быть, из них первая — существо низшее, а второй — вовсе ничтожное. Второй пункт, — чтобы характеры были *подходящими:* например, можно представить характер мужественный, но не подходит к женщине быть мужественной и грозной. Третий пункт, — чтобы характер был *правдоподобен;* это нечто отличное от того, чтобы создать характер нравственно благородный и подходящий, как только что сказано. Четвертый же пункт, — чтобы он был *последователен*. Даже если изображаемое лицо непоследовательно и таким представляется его характер, то в силу последовательности его должно представить непоследовательным. Примером ⟨...⟩ *непоследовательного* (характера) служит Ифигения и Авлиде, так как горюющая Ифигения нисколько не походит на ту, которая является впоследствии[23].

И в характерах, как и в составе событий, следует всегда искать или необходимости, или вероятности, так, чтобы такой-то говорил или делал то-то или по необходимости, или по вероятности и чтобы это происходило после именно этого по необходимости или вероятности.

Из этого ясно, что и развязка фабулы должна вытекать из самой фабулы, а не так, как в «Медее», — посредством машины ⟨...⟩

Ничего противного смыслу не должно быть в ходе событий; в противном же случае оно должно быть вне трагедии, как в Софокловом «Эдипе» — А так как трагедия есть изображение людей лучших, то должно подражать хорошим портретистам: они именно, давая изображение какого-нибудь лица и делая портреты похожими, в то же время изображают людей более красивыми. Так и поэт, изображая сердитых, легкомысленных или имеющих другие подобные черты характера, должен представлять таких людей благородными. ⟨...⟩

16.

⟨...⟩ Лучшее же из всех узнавание, проистекающее из самих событий, причем изумление [публики] возникает благо-

даря естественному ходу происшествий; например, в Софокловом «Эдипе» и в «Ифигении» ⟨...⟩

22.

Достоинство словесного выражения — быть ясным и не быть низким. Самое ясное выражение, конечно, состоит из общеупотребительных слов, но оно низко ⟨...⟩ Благородное же и не затасканное выражение есть то, которое пользуется необычными словами. А необычным я называю глоссу, метафору, удлинение и все, отклоняющееся от общеупотребительского. Но если кто-нибудь сделает такою всю речь, то получится или загадка, или варваризм: если она будет состоять из метафор, то загадка, если же из глосс, то варваризм ⟨...⟩ Во всяком случае, пользоваться неумеренно этим способом [выражения] — смешно, но во всех частях должна быть мера ⟨...⟩ А как важно и полезно употребление [этих выражений] к месту, пусть судят по эпической поэзии ⟨...⟩

23.

Относительно же поэзии повествовательной и подражающей посредством гексаметра ясно, что в ней, как и в трагедиях, фабулы должно составлять драматичные, относящиеся к одному целому и законченному действию, имеющему начало, середину и конец, чтобы производить свойственное ей удовольствие, подобно единому и цельному живому существу; она не должна походить на обыкновенные повествования, в которых неизбежно является не одно *действие*, а одно *время* — все, что случилось в это время с одним или многими и что имеет между собой только случайные отношения. Как, например, одновременно произошли морское сражение при Саламине и битва карфагенян в Сицилии, нисколько не ведущие к одной и той же цели, так и в последовательности времени иногда случается [одно] событие после другого, для которых нет никакой единой цели. Однако же почти большинство поэтов делают эту [ошибку]. Поэтому, как мы уже сказали, Гомер и в этом отношении представляется необычайным в сравнении с другими: он не замыслил описать всю войну, хотя она имела начало и конец, так как [рассказ] должен был бы сделаться чересчур большим и нелегко обозримым, или [войну], хотя и скромных размеров но запутанную пестрою вереницей событий. И вот, выбрав одну ее часть, он воспользовался многими из остальных обстоятельств как эпизодами, например, перечислением кораблей и другими эпизодами, которыми он разнообразит свою поэму. А прочие сочиняют поэмы относительно одного лица, вращаются около одного времени и одного раздробленного действия, каковы

творцы «Киприй» и «Малой Илиады»[24]. Поэтому из «Илиады» и «Одиссеи», из каждой порознь, можно составить одну трагедию или только две, а из «Киприй» — много и из «Малой Илиады» свыше восьми, например: Спор об оружии, Филоктет, Неоптолем, Еврипил, Бедность, Лакедемонянки, Разрушение Илиона, Отплытие, Синон и Троянки.

24.

〈...〉 Эпопея отличается как длиною своего состава, так и метром 〈...〉 А так называемый героический метр присвоен ей на основании опыта: в самом деле, если бы кто стал сочинять повествовательное произведение каким-нибудь другим метром или же многими, то это показалось бы неуместным. Героический размер, действительно, из всех метров самый спокойный и полный достоинства 〈...〉 Ямб и тетраметр подвижны, причем первый подходит к действию, а второй — к танцам 〈...〉

Гомер как за многое другое достоин похвалы, так особенно за то, что он один из поэтов вполне знает, что ему должно делать. Именно сам поэт должен выступать менее всего, так как в противном случае он не подражающий поэт. Прочие же фигурируют сами во всем [своем произведении], а воспроизводят подражанием немногое и редко; он же после нескольких вступительных слов тотчас выводит мужчину, или женщину, или другой какой-нибудь характер и никого без характера, но всех обладающих им 〈...〉

25.

Что же касается задач, представляющихся поэту, и разрешения их, и числа и качества, то это станет нам, вероятно, ясным, при следующем рассуждении. Так как поэт есть подражатель, подобно живописцу или какому-нибудь другому художнику, то необходимо ему подражать непременно чему-нибудь одному из трех: или [он должен изображать вещи так], как они были или есть, или как о них говорят и думают, или какими они должны быть 〈...〉 А сверх того неодинаковы задачи политики и поэтики или другого [какого-нибудь] искусства и поэзии. В самой же поэтике бывает двоякого рода погрешность: или касающаяся самой сущности искусства, или совершенно случайная. Именно, если бы [поэт] вознамерился воспроизвести невозможное [для поэзии], то это ошибка первого рода; если же он задумал [что-нибудь, само по себе] неправильное, например лошадь, поднявшую обе правые ноги, или сделал ошибку, касающуюся особенного искусства, например, врачебного или другого, или если сочинил что бы то ни было невозможное, то эта ошибка, не касающаяся самого искусства поэзии. Следо-

вательно, порицания в задачах [поэзии] должно рассматривать и разрешать с этой точки зрения, и прежде всего те, которые относятся к самому искусству: ⟨если оно⟩ создает невозможное, то погрешает, но оно совершенно право, если достигает своей цели, указанной выше, то есть если таким образом [поэт] делает эту самую, или другую часть [своего произведения] более поразительной. Впрочем, если возможно было более или менее достигнуть цели и согласно с этими законами искусства, то ошибка не имеет оправдания, ибо, если возможно, то совсем не следует погрешать. Далее [надо смотреть], какого рода погрешность, касающаяся ли самой сущности искусства, или случайная? Ведь незначительнее [ошибка], если поэт не знал, что оленья самка не имеет рогов, чем если он не живо описал ее. Сверх того, если поэта упрекают в том, что он неверен действительности, то может быть, следует отвечать на это так, как сказал и Софокл, что сам он изображает людей, какими они должны быть, а Еврипид такими, каковы они есть ⟨...⟩

При суждении же о том, хорошо или нехорошо кем-либо что-нибудь сказано или сделано, следует обращать внимание не только на самое деяние или слово, смотря, хорошо оно или дурно, но и на лицо действующее или говорящее, на то, кому, когда, для кого или для чего [что-нибудь сделано или сказано] ⟨...⟩ Вообще при суждении о невозможном в поэзии следует обращать внимание на идеализацию или ходячее представление о вещах; именно в поэтическом произведении предпочтительнее вероятное невозможное, чем невероятное, хотя и возможное... ⟨Хотя и невозможно⟩, чтобы существовали люди, подобные тем, каких рисовал Зевксид, но надо предпочесть, лучше это невозможное, так как следует превосходить образец ⟨...⟩

26.

⟨...⟩ Трагедия имеет все, что есть у эпопеи: она может пользоваться [ее] метром, и сверх того немалую долю составляет музыка и театральная обстановка, благодаря чему наслаждение чувствуется особенно живо. Далее, она обладает жизненностью и при чтении и в развитии действия, а также благодаря тому, что цель подражания достигается в ней при ее небольшом сравнительно объеме, ибо все сгруппированное воедино производит более приятное впечатление, чем растянутое на долгое время; представляю себе, например, если бы кто-нибудь сложил «Эдипа» Софокла в стольких же песнях, как «Илиада». Наконец, единства изображения в эпопее меньше ⟨...⟩

(Пер. В. Г. Аппельрота/Под ред. Ф. А. Петровского)

[1] *Авлетика* и *кифаристика* — игра на флейте (авла) и кифаре. [2] *Гармония* — напев, мелодия. [3] *Софрон* и *Ксенарх* — создатели мимов (бытовых сценок), сицилийские писатели V в. до н. э.: *сократические разговоры* — диалоги Платона и Ксенофонта. [4] *Эмпедокл* — философ V в. до н. э. автор поэмы «О природе». [5] *Херемон* — трагик IV в. [6] *Термин «рапсодия»* имеет в виду эпическое произведение. [7] *Ном* — хоровая песня, гимн. [8] *Полигнот, Павсон, Дионисий* — живописцы V в. до н. э. [9] *Клеофонт, Гегемон Никохар, Аргант, Тимофей, Филоксен* — греческие поэты, произведения которых до нас не дошли. [10] *Эпихарм* — сицилийский комедиограф VI—V вв. до н. э., литературный предшественник древнеаттической комедии. Писал на дорийском диалекте. [11] *Хионид* и *Магнет* — афинские комедиографы. [12] *Фаллические песни* — песни в честь Диониса на праздниках плодородия. [13] *Сатирический* — в данном случае свойственный драме сатиров. [14] *Формий* — комический поэт, произведения которого нам неизвестны. [15] *Кратет* — афинский комик, старший современник Аристофана. [16] Искусство подражать в гексаметрах — имеется в виду эпос. [17] *Зевксид (Зевксис)* — греческий живописец V в. до н. э. [18] *Стадий* — мера длины, равная прибл. 185 м (177,6 м). [19] *Гераклеида* — поэма о Геракле, *Тесеида* — поэма о Тесее; до нашего времени не сохранились. [20] Трагик второй половины V в. до н. э. Трагедия «Цветок» — образец трагедии, написанной на немифологическом материале. Трагедия не сохранилась. [21] *«Линкей»* — несохранившаяся трагедия Еврипида, написанная на сюжет мифа о Данаидах. Линкей — единственный из сыновей Египта, остающийся в живых, потому что его пощадила супруга *Гипермнестра*, нарушившая приказание своего отца Даная. [22] Речь идет о трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (725—833). [23] *«Ифигения в Авлиде»* — одна из последних трагедия Еврипида. Чтобы умилостивить богиню Артемиду Агамемнон должен принести в жертву ей свою дочь Ифигению. В трагедии Еврипида Ифигения вначале изображена робкой девочкой, страшащейся предстоящей жертвы, но в финале трагедии ее характер резко меняется и она добровольно готова пожертвовать своей жизнью ради общего дела греков (поход на Трою). [24] «Киприи», «Малая Илиада» — киклические поэмы, в первой из которых описывались события начала Троянской войны, а во второй — после гибели Ахилла.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Авлида — город в Беотии на реке Эврипе, место сбора греческих кораблей перед походом на Трою.

Автолик — сын Гермеса и Хионы, хитрец и обманщик, дед Одиссея, получивший от Гермеса дар перевоплощения.

Агамемнон — сын Атрея (Атрид), брат Менелая; муж Клитемнестры, отец Ореста, Электры, Ифигении и Хрисофемиды, предводитель греческого войска в Троянской войне.

Агенор — финикийский царь, отец Кадма.

Агенорид= Кадм.

Адмет — царь г. Феры (Фессалия), участник похода аргонавтов.

Адонис — финикийское божество, олицетворяющее умирающую и воскресающую растительность; прекрасный юноша, любимец Афродиты и Персефоны. Зевс повелел ему часть года проводить у Афродиты, часть у Персефоны; был убит на охоте вепрем и превращен в цветок (*вариант* — в миртовое дерево).

Адраст — царь Аргоса, внук царя Полиба, один из вождей похода семерых против Фив.

Адрастея — фригийская богиня, воспитавшая Зевса; отождествлялась с Реей Кибелой.

Аид (Гадес) — сын Кроноса и Реи, брат Зевса и Посейдона, бог подземного царства, также называлось и само это царство.

Актеон — знаменитый фиванский охотник, соперничавший в этом искусстве с самой Артемидой. Она превратила его в оленя, которого растерзали псы (*вариант* — гнев богини был вызван тем, что Актеон увидел ее нагой во время купания).

Алалкомена (Тритогения) — см.: Афина.

Алалкоменида — эпиклеса (одно из наименований, букв.: «прозвище») Афины, данное по городу Алалкомены, где был ее культ.

Аластор — демон мщения.

Александр — см.: Парис.

Алкмена — жена фиванского царя Амфитриона, которой явился Зевс под видом ее супруга. Алкмена родила близнецов: Геракла (от Зевса) и Ификла (от Амфитриона).

Алфей — река в Пелопоннесе; бог этой реки.

Амазонки — племя женщин-воительниц, ведущих свое происхождение от Ареса и Гармонии.

Амалтея (Амалфея) — коза (*вариант* — нимфа), вскормившая Зевса на Крите своим молоком; сломанный рог ее Зевс превратил в «рог изобилия». Шкурой (эгидой) Амалтеи был обтянут щит Зевса.

Аммон (Амон) — древнеегипетский бог солнца; в эллинистической религии отождествлялся с Зевсом.

Амфилох — сын Амфиарая, брат Алкмеона, один из женихов Елены, участвовал в Троянской войне.

Амфион — фиванский царь, сын Зевса и Антиопы, супруг Ниобы.

Амфитрион — фиванский царь, супруг Алкмены, матери Геракла.

Амфитрита — нереида (дочь Нерея), супруга Посейдона.

Андромаха — супруга троянского героя Гектора, мать Астианакса.

Антенор — один из троянских вождей, советник Приама, настаивал на выдаче Елены ахейцам.

Антенорид — сын Антенора.

Антиопа — дочь фиванского царя Никтея (*вариант* — речного бога Асопа), родила от Зевса близнецов Зета и Амфиона. Спасаясь от гнева отца, бежала в Сикион, где стала женой царя Эпотея. Брат Никтея Лик убил Эпотея, а Антиопу сделал рабыней своей жестокой жены Дирки. Зет и Амфион отомстили Дирке, привязав ее к рогам быка.

Анубис — бог мертвых в древнеегипетской мифологии.

Анхис — царь г. Дардана (М. Азия), возлюбленный Афродиты, от союза с которой родился Эней.

Апия, Апийская земля — древнее название Пелопоннеса.

Аполлон (Феб) — бог света, искусства, прорицатель, сын Зевса и Латоны, брат Артемиды. Родился на острове Делосе (отсюда эпиклесы Аполлона: Делиец, Делийский и т. п.), самое известное святилище Аполлона было в Дельфах (Дельфийский). Другие эпиклесы Аполлона: убийца чудовища Пифона (Пифиец); предводитель Муз (Мусагет), Ликийский (Ликейский), Сминтей (Сминфий), Пэан и др.

Арахна — (букв. «паук») — искусная ткачиха и вышивальщица, вызвала на состязание Афину, которая превратила Арахну в паука.

Аргивяне (Аргивцы) — жители г. Аргоса; греки.

Арго — название корабля аргонавтов, отправившихся в плавание за золотым руном в Колхиду.

Аргос — город в Пелопоннесе.

Аргос (Аргус) — сын Геи — Земли, многоглазый (стоглазый) великан.

Аргоубийца — см.: Гермес.

Арес (Арей) — бог войны, сын Зевса и Геры.

Аретуса (Аретуза) — нимфа, спутница Артемиды, возлюбленная Алфея.

Ариадна — дочь критского царя Миноса, давшая Тезею нить, с помощью которой он вышел из лабиринта («нить Ариадны»). Бежала с Тезеем, который бросил ее на острове Наксосе, где Ариадна стала женой Диониса.

Аримаспы — сказочное скифское племя.

Арктос — созвездие Большая Медведица.

Артемида — богиня охоты и покровительница рожениц, дочь Зевса и Латоны, сестра Аполлона.

Асийский материк — Азия.

Асклепий — бог врачевания, сын Аполлона и нимфы Крониды, воспитанник кентавра Хирона. За то, что он воскрешал мертвых, Зевс

поразил его молнией. Святилище Асклепия находилось в Эпидавре (Пелопоннес).

Астианакс (Астианакт) — сын Гектора и Андромахи.

Асоп — река; бог этой реки.

Аталанта — участница охоты на Калидонского вепря и похода аргонавтов. Женихам, сватавшимся за нее, она предлагала состязание в беге, а проигравшего поражала копьем. Меланипп победил ее хитростью. Он разбрасывал золотые яблоки, подбирая которые Аталанта отстала в беге.

Атамант — см.: Афамант.

Атрей — сын Пелона и Гипподамии, микенский царь, брат Фиеста (Тиеста), с которым Атрей вступил в борьбу за власть. Он убил детей Фиеста и накормил его их мясом.

Атрид (Атриды, Атрейон) — сыновья Атрея: 1. Агамемнон; 2. Менелай.

Аттис — фригийское божество, прекрасный юноша, любимец богини Реи Кибелы.

Атлант — титан, сын Япета (Иапета) и океаниды Климены, брат Прометея; после победы олимпийских богов над титанами в наказание держал на себе в саду Гесперид (крайний запад) небесный свод.

Афамант (Атамант) — правитель г. Орхомены, сын царя Эола, возлюбленный богини облаков Нефелы, отец Фрикса и Гелы.

Афина (Афинея) — богиня мудрости и справедливости, а также войны, рожденная из головы Зевса. Ее эпиклесы: Тритонида, или Тритогения (Тритогенея) — от озера Тритон в Ливии, где она родилась, Паллада — от имени гиганта Палланта, убитого ею.

Афон — гора на мысе полуострова Халкидики (в Македонии).

Афродита — богиня любви и красоты, родилась из морской пены (*вариант* — дочь Зевса и океаниды Дионы). Ее эпиклесы: Киприда (происходящая с о-ва Кипр), Пафия, Пафосская (родилась у мыса Пафос), Киферея (на острове Кифера она особенно почиталась).

Ахелой — бог реки Ахелой, сын Океана и Тетии, мог принимать разнообразные обличья. В образе быка сражался с Гераклом за его жену Деяниру, но был побежден.

Ахеронт — река в Аиде, через которую Харон перевозил умерших.

Ахеяне, ахейцы, ахеи — древнее название эллинов.

Ахиллес (Ахилл) — величайший герой Троянской войны, сын мирмидонского царя Пелея (Пелид) и морской богини Фетиды.

Аякс (Эант) — имя двух греческих героев Троянской войны: 1) Аякс Теламонид — сын саламинского царя Теламона; 2) Аякс Оилид — сын локридского царя Оилея.

Б

Бактрия — область древнеперсидского государства.

Бакх (Баккус), (Вакх) — см.: Дионис.

Беллерофонт — греческий герой, победил чудовище Химеру с помощью крылатого коня Пегаса. В дальнейшем боги отказали ему в покровительстве, и Пегас сбросил его на землю.

Библосские горы — г. Библос (в Финикии).

Боот — созвездие Волопаса.

Боспор (Босфор) — букв. «коровий брод» — 1) Боспор Фракийский — ныне Босфор; 2) Боспор Киммерийский — ныне Керченский пролив.

Бриарей — сторукий великан.

Бризеида (Брисеида) — наложница Ахилла.

В

Вакх (Бахус) — см.: Дионис.

Вакхова мать=**Семела**

Г

Гадес — Аид.

Галатея — нереида (дочь морского божества Нерея).

Ганимед — мальчик, сын Троянского царя Троса; похищенный за его красоту Зевсом, стал виночерпием на Олимпе.

Гаргар — одна из вершин горы Иды.

Гармония — дочь Ареса и Афродиты, жена Кадма.

Геба — богиня юности, дочь Зевса и Геры, после обожествления Геракла стала его женой.

Геката — богиня мрака и колдовства, отождествляется также с Селеной и Артемидой.

Гектор — величайший троянский герой, старший сын царя Приама, предводитель троянцев в Троянской войне.

Гекуба — жена троянского царя Приама (Гекаба).

Гелиады — дочери Гелиоса, бога солнца. Оплакивая своего погибшего брата Фаэтона, превратились в тополя, а их слезы — в янтарь.

Гелика — возлюбленная Зевса, превращенная Герой в Медведицу (созвездие Б. Медведицы); *вариант* — в Б. Медведицу превращена нимфа Каллисто.

Геллены — см.: Эллины.

Гелий (Гелиос) — бог солнца.

Гемон — сын фиванского царя Креонта, жених Антигоны.

Гера — сестра и жена Зевса, царица богов.

Геракл — сын Зевса и смертной женщины Алкмены, величайший герой греческой мифологии (12 подвигов Геракла, Геркулесовы столпы и др.).

Герион — трехглавый и трехтелый великан; Геракл похитил его коров и убил самого Гериона.

Гермафродит — сын Гермеса и Афродиты, двуполое существо.

Гермес (Эрмий) — сын Зевса и Майи, вестник богов; покровитель путешественников, торговцев и даже воров; проводник душ в подземное царство.

Гесиона — океанида, жена Прометея.

Геспериды — дочери Геспера (Вечерняя звезда), *вариант* — дочери Атланта и нимфы Гесперид, охранявшие сад золотых яблок («сад Гесперид»), расположенный на Западе Земли.

Гефест (Ифест) — сын Зевса и Геры, муж Афродиты, бог огня и кузнечного дела.

Гея — богиня земли, супруга Урана.

Гиацинт (Гиакинф) — любимец Аполлона, убитый им случайно при метании диска; из крови юноши вырос цветок гиацинт.

Гименей (Гимен) — бог брака.

Гимерос (Химерос) — сын Афродиты, бог вожделения.

Гиперион — см.: Гелиос.

Гипподамия — 1) дочь царя Эномая, супруга Пелопа; 2) жена Пирифоя (Пиритоя), царя лапифов, из-за которой началась битва лапифов с кентаврами.

Гипсей — сын Пенея, царь лапифов.

Горгоны — три чудовища — сестры, взгляд которых обращал человека в камень; младшая из них — Медуза Горгона была убита Персеем.

Горгонино озеро — озеро на коринфском перешейке.

Горы (оры) — богини времен года, дочери Зевса и Фемиды (Евномия — благозаконие, Дика — справедливость, Ирина — мир).

Грифы — мифологические чудовища с головою орла и телом льва (также Грифоны).

Д

Данаи (Данайцы) — наименование греков у Гомера.

Данаиды — пятьдесят дочерей Даная, брата Египта; отказываясь от насильственного брака со своими двоюродными братьями (Египтиадами), они убивают их в брачную ночь, за что несут наказание в Аиде, наполняя водой бездонную бочку («бочка Данаид»).

Даная — дочь аргосского царя Акрисия, который, страшась предсказанной ему смерти от руки внука, заключил дочь в башню. Зевс проник к ней в виде золотого дождя и Даная родила Персея.

Дардан — сын Зевса, предок троянских царей (Ила, Троса, Приама).

Дардане — см.: троянцы.

Дарданион — потомок Дардана.

Дафна — нимфа, дочь Геи и реки Пенея; преследуемая влюбленным Апполоном, превратилась в лавр, ставший священным деревом Аполлона.

Дафнис — пастух, легендарный создатель буколической поэзии, считавшийся сыном Гермеса.

Девкалион — сын Прометея, супруг Пирры. Д. и П, — единственные из смертных остались в живых после всемирного потопа и стали родоначальниками нового поколения людей.

Дедал — легендарный афинский мастер; построил царю Миносу на Крите лабиринт для Минотавра, куда Минос заточил самого Дедала и его сына Икара. Чтобы избавиться от плена, Дедал изобрел крылья и улетел вместе с Икаром.

Деифоб (Дейфоб) — сын Приама и Гекубы, брат Гектора.

Делиец — см.: Аполлон.

Дельфы — общегреческое святилище в Фокиде, известное тем, что там был расположен храм Аполлона.

Деметра — богиня плодородия и земледелия, сестра Зевса, мать Персефоны (Прозерпины).

Демодок — слепой певец на острове феаков в царстве Алкиноя.

Дидимы — святилище и оракул Аполлона близ Милета (М. Азия).

Дика (Дике) — дочь Зевса и Фемиды, богиня правды и справедливости.

Диктинна — см.: Артемида.

Дий — см.: Зевс.

Диомед — аргосский царь, сын Тидея (Тидид), внук Адраста, участник Троянской войны, ранивший Афродиту и Ареса.

Дионис (Бакх, Баккус, Вакх, Иакх,) — сын Зевса и Семелы, бог плодородия, виноградарства и виноделия.

Диоскуры — Полидевк и Кастор, сыновья Леды и Тиндарея, братья Елены и Клитемнестры, близнецы, из которых Полидевк — сын Зевса (*вариант* — оба брата — сыновья Зевса). После смерти превращены Зевсом в созвездие Близнецов. Чтились как покровители моряков, воинов и кулачных бойцов.

Додона — местность в Эпире, древнейшее святилище с оракулом и храмом Зевса.

Дриас (Дриант) — 1) предводитель лапифов; 2) отец Ликурга.

Дриады — лесные нимфы.

Е[1]

Еврисфей (Евристей, Эврисфей, Эвристей) — царь Микен и Тиринфа, которому служил Геракл.

Европа — финикийская царевна, дочь Агенора, сестра Кадма; Зевс в образе быка похитил ее и отвез на Крит, где она родила Миноса, Сарпедона и Радаманта (Радаманфа).

Елена — дочь Зевса и Леды, прекраснейшая из смертных женщин, жена спартанского царя Менелая, похищение которой троянским царевичем Парисом стало причиной Троянской войны.

З

Зевс — верховный олимпийский бог, сын Крона и Реи (Кронион или Кронид).

Зефир — западный ветер, бог западного ветра.

И

Иакх — см.: Дионис.

Иапет (Япет) — титан, отец Прометея.

Иасион (Ясион) — сын Зевса, брат Дардана, возлюбленный Деметры; научил людей земледелию; был поражен Зевсом молнией.

Идоменей — внук Миноса, царя Крита, один из женихов Елены, участник Троянской войны.

Икар — сын Дедала, на крыльях, сделанных отцом, поднялся в воздух и улетел с Крита, но воск, скреплявший перья, растаял, и Икар упал в море, получившее с тех пор название Икарийского (Икарийский понт в Средиземном море).

Икарий — 1) отец Пенелопы; 2) афинянин, получивший от Диониса вино. Желая научить афинян виноделию, он был убит опьяневшими людьми, решившими, что они отравлены.

Илион — Троя.

---

[1] Здесь даны имена и названия, которые по транскрипции начинаются с «е». Другие слова см. на «Э».

Илития (Илифия, Эйлития) — богиня, покровительница рожениц.

Инах — бог реки в Аргосе; аргосский царь.

Ино — дочь Кадма, жена фиванского царя Атаманта (Афаманта), за то, что она и Атамант воспитали Диониса, оба были поражены безумием: Атамант убил одного сына, а Ино, спасая другого, бросилась с ним в море и превратилась в морскую богиню Левкофею (Левкотею).

Ио — дочь Инаха, возлюбленная Зевса; ревнивая Гера превратила ее в корову и приказала оводу преследовать ее. Спасаясь от него, Ио впала в безумие.

Иокаста — жена фиванского царя Лайя, мать и жена царя Эдипа.

Иолк (Йолк) — город в Фессалии, родина Ясона, предводителя аргонавтов.

Ипполит — сын царя Тесея и амазонки Ипполиты.

Иракл — см.: Геракл.

Ирида (Ириса) — радуга; вестница богов.

Исмена — дочь Эдипа и Иокасты, сестра Антигоны, Полиника и Этеокла.

Истм (Киммерийский) — перешеек между Херсонесом Таврическим и материком (современный Перекоп).

Итака — остров в Ионическом море, родина Одиссея.

Итис — см.: Прокна.

Ифест — см.: Гефест.

Ифигения — дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ореста, Электры и Хрисофемиды, была принесена отцом в жертву прогневанной им богине Артемиде, лишившей ахейцев попутного ветра перед походом на Трою (*вариант* — вместо Ифигении была убита лань, а сама И. была перенесена в Тавриду, где становится жрицей богини Артемиды).

К

Кадм — сын Агенора, основатель Фив (Беотия).

Калипсо — нимфа, дочь Атланта (*вариант* — Гелиоса), у которой в течение семи лет находился Одиссей, возвращавшийся из-под Трои.

Каллиопа — Муза эпической поэзии.

Калхант (Калхас) — прорицатель в ахейском войске.

Каноб (Канопа) — город в дельте Нила, в котором находился храм Сераписа.

Капаней — участник похода семерых против Фив; был сражен молнией Зевса во время штурма Фив.

Карней — см.: Аполлон.

Кария — страна на юго-западе М. Азии.

Кассандра — 1) дочь Приама и Гекубы, наделенная Аполлоном даром предвиденья, но за отказ разделить любовь его он лишил ее пророчества доверия людей; 2) пленница Агамемнона.

Кастальский ключ — источник у подножия Парнаса, в Дельфах.

Кастор — один из Диоскуров, сыновей Тиндарея и Леды, братьев Елены и Клитемнестры (см. Диоскуры).

Кекроп — афинский царь, сын Земли (Геи), получеловек, полузмей; по его имени Аттика называлась Кекропией.

Келей — элевсинский царь, сын Земли; в его дворце жила богиня Деметра, нянчившая его сына Демофонта.

Кеней — лапиф — великан, участник битвы с кентаврами и калидонской охоты.

Кентавры — мифические существа: полулюди, полукони.

Кербер (Цербер) — мифический трехглавый (многоглавый) пес, страж подземного царства.

Керы — дети ночи, приносящие людям несчастье и смерть.

Кефал — сын Гермеса и Герсы, дочери Кекропа, прекрасный юноша, унесенный на небо влюбленной в него богиней утренней зари Эос.

Кефис — река в Аттике и бог этой реки, отец Нарцисса (Наркисса).

Киклопы (Циклопы) — 1) сыновья Урана и Геи, одноглазые великаны, древнейшие греческие божества, заключенные Ураном в Тартар, были освобождены Зевсом и выковали ему молнии; 2) Киклоп Полифем — сын Посейдона, ослепленный Одиссеем.

Киприда — см.: Афродита.

Кирена — область и город в Африке на побережье Средиземного моря.

Кирка (Цирка) — волшебница с острова Эи, дочь Гелиоса и Персеиды, сестра Ээта.

Кисфена — горы в М. Азии.

Киферея (Китерея) — см.: Афродита.

Киферон — гора в Беотии.

Кларос (Клара) — город в М. Азии с храмом и оракулом Аполлона.

Клеопатра — дочь Борея, жена фракийского царя Финея, ослепившая двух своих сыновей из мести Финею, покинувшему ее. По другой версии их ослепил по наущению Идеи, своей жены, сам Финей, за что был лишен Зевсом зрения.

Климена — сестра царя лапифов Пиритоя, ставшая рабыней Елены.

Клитемнестра — сестра Елены, жена Агамемнона; вместе со своим любовником Эгисфом убивает мужа, за что погибает сама от руки сына Ореста, отомстившего матери за убийство отца.

Клио — муза истории.

Кносс — город на Крите.

Клото — «Пряха», старшая из Мойр (Парок), богинь судьбы, прядущая нить жизни.

Кокит (Коцит) — река в подземном царстве.

Колхида — область на юго-восточном побережье Черного моря, у реки Фасис.

Корибанты — спутники и служители Реи-Кибелы, великой матери богов.

Корикийские нимфы — вакханки.

Креонт — 1) брат Иокасты, жены Лайя и Эдипа, ставший царем Фив после изгнания Эдипа, 2) царь Коринфа, оказавший гостеприимство Ясону и Медее.

Кронос (Крон) — сын Урана и Геи, муж Реи, отец Зевса и других богов, пожиравший своих детей; был свергнут Зевсом и низринут в Тартар.

Крионид — см.: Зевс.

Кронион — см.: Зевс.

Ксанф — 1) река в Троаде и бог этой реки; 2) конь Ахилла.

Куреты — спутники богини Кибелы; ударяя о щиты заглушали плач младенца Зевса.

Л

Лабдак — фиванский царь, отец Лайя

Лабдакид — потомок Лабдака, Лай.

Лапифы — воинственное фессалийское племя, ведущее начало от Лапифа, сына Аполлона и дочери бога реки Пенея.

Латона (Лето, Лета) — титанида, мать Аполлона и Артемиды.

Лаофоя — одна из жен Приама.

Лаэрт — отец Одиссея.

Лаэртид — см.: Одиссей.

Леарх — сын Атаманта.

Левкофея (Левтокея) — см.: Ино.

Леда — супруга Тиндарея, мать Клитемнестры, Елены и Диоскуров (Кастора и Полидевка). Елена — дочь Леды от Зевса, явившегося ей в образе лебедя.

Лерна — озеро в Арголиде.

Лета — река забвения в подземном царстве.

Летоида — Артемида.

Ликаон — 1) аркадский царь, сын Пеласга и океаниды Киллены; принес в жертву Зевсу мальчика и за это был превращен в волка (*вариант* — был испепелен Зевсом); 2) один из сыновей Приама, убитый Ахиллом.

Ликург — царь эдонян (фракийцев), противившийся культу Диониса и изгнавший его, за что Зевс поразил его слепотой.

Локсий — см.: Аполлон.

М

Марсий — сатир; за состязание с Аполлоном в игре на флейте, в котором победил Марсий, Аполлон содрал с него кожу.

Мая (Майя) — мать Гермеса.

Медея — дочь колхидского царя Ээта, внучка Гелиоса, жена Ясона, волшебница.

Мемнон — сын богини зари Эос, царь эфиопов, союзник троянцев, убит Ахиллом.

Менады — вакханки, спутницы Диониса.

Менекей — отец Креонта, царя Фив.

Менелай — сын Атрея, брат Агамемнона, муж Елены, царь Спарты.

Менетиев сын — см.: Патрокл.

Меотида (Меотийские болота) — Азовское море.

Меропа — жена коринфского царя Полиба.

Миноида — дочь Миноса (см.: Ариадна).

Минос — царь Крита, сын Зевса и Европы, отец Ариадны, Федры и Андрогея, муж Пасифаи.

Минотавр — чудовище, получеловек, полубык, сын Пасифаи и быка, жил в лабиринте, пожирая приносимых ему в жертву людей. Был убит Тезеем.

Мирмидоняне (Мирмидоны) — народность Фессалии, сражались под Троей возглавляемые Ахиллом.

Митра — восточное божество добра и света.

Мойры — богини судьбы.

Мом — бог насмешки.

Музы (Мусы) — девять сестер, дочери Зевса и богини памяти Мнемосины; богини поэзии, искусства и науки.

Мусагет — см.: Аполлон (предводитель Муз).

Мусей — мифический певец; ученик Орфея.

Н

Навсикая — дочь царя феаков Алкиноя.

Нарцисс — прекрасный юноша, сын бога реки Кефиса. Не ответив на любовь нимфы Эхо, был наказан богами. Увидев себя в воде, влюбился в собственное изображение, умер от любви к себе и превратился в цветок.

Нектар — напиток богов, дающий им бессмертие и юность.

Нелей — царь Пилоса, сын Посейдона, отец Нестора.

Нелид — Нестор, сын Нелея.

Немесида — дочь Ночи, богиня возмездия.

Нерей — морское божество, отец морских нимф **нереид.**

Нестор — царь Пилоса, старейший из ахейцев, сражающихся под Троей.

Ника (Нике) — богиня победы.

Нимфы — божества природы — морей, рек, гор и т. п.

Ниоба — дочь Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Возгордившись тем, что у нее шесть сыновей и шесть дочерей, она хвасталась этим перед богиней Латоной, имевшей лишь одного сына и одну дочь. Дети Латоны, Аполлон и Артемида, убили всех детей Ниобы. Охваченная горем, Ниоба превратилась в скалу.

Нис — мегарский царь. В волосах у него была пурпурная прядь, от которой зависела его жизнь. Когда критский царь Минос осаждал город Мегары, Скилла, дочь Ниса, влюбленная в Миноса, отрезала у отца пурпурную прядь и тем погубила его. Овладевший городом Минос казнил Скиллу.

Ниса — гора, на которой был воспитан нимфами Дионис.

Нот — южный ветер.

О

Огигия — остров, на котором жила нимфа Калипсо.

Одиссей (Улисс) — сын Лаэрта, царь Итаки, герой поэм «Илиада» и «Одиссея».

Океан — 1) титан, сын Урана и Геи, муж Тетии (Тефиды), отец Океанид; 2) мифическая река, окружающая земной диск.

Океаниды — морские нимфы, дочери Океана.

Олимп — гора в Фессалии, где пребывали олимпийские боги.

Олимпия — местность в Элиде (Пелопоннес), где находился храм Зевса.

Омфала — лидийская царица, в рабстве у которой находился Геракл, наказанный за убийство Ифита, брата его возлюбленной Иолы.

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры, мстя за убийство отца убивает свою мать Клитемнестру.

Орк — бог подземного мира; подземный мир (Аид, Плутон).

Оры — см.: Горы.

Орион — великан-охотник, сын Посейдона; возлюбленный Эос; был

убит стрелой Артемиды *(вариант:* укушен скорпионом) и превращен в созвездие.

Орфей — легендарный фракийский певец, участвовал в походе аргонавтов. Его пение завораживало богов, людей, зверей, деревья и камни. Погиб, растерзанный менадами.

Осирис (Озирис) — древнеегипетское божество умирающей и воскресающей природы, отождествляющийся греками с Дионисом. Его жена — Исида.

Осса — гора в Фессалии.

П

Паллада — см.: Афина.

Паллант — сын афинского царя Пандиона, брат Эгея, убитый его сыном Тесеем (Фесеем).

Паллантиды — дети Палланта, двоюродные братья Тесея (Фесея).

Пан — бог лесов и рощ, сын Гермеса, изображался рогатым и козлоногим; покровитель пастухов и охотников.

Пандион — 1) мифический афинский царь, сын Эрихтония, отец Эрехфея (Эрехтея) и Прокны; 2) царь Аттики, сын Кекропа, отец Эгея и Палланта.

Пандора — первая женщина, созданная по велению Зевса Гефестом и одаренная богами всеми их дарами (букв.: «наделенная всеми дарами») и посланная людям в наказание за похищение огня Прометеем.

Парис (Александр) — сын троянского царя Приама и Гекубы, ставший по воле Зевса судьей в споре за золотое яблоко («яблоко раздора») Геры, Афины и Афродиты. Присудив победу Афродите, получил от нее в награду любовь прекраснейшей женщины — Елены. Похищение ее Парисом стало причиной Троянской войны.

Парки — богиня судьбы (см. Мойры).

Парнасс (Парнас) — горный массив в Фокиде, у подножия которого находятся Дельфы с храмом и оракулом Аполлона. Местопребывание Аполлона и Муз.

Пасифая — жена царя Миноса, дочь Гелиоса, мать Андрогея, Федры, Ариадны и Минотавра.

Патрокл — сын Менетия, друг Ахилла, участник Троянской войны.

Пеан (Пэан) — 1) бог-целитель, отождествлявшийся с Аполлоном (Фебом); 2) песнь в честь Аполлона.

Пегас — крылатый конь, появившийся на свет из крови убитой Персеем Медузы Горгоны.

Пейто (Пейфо, Пифо) — богиня убеждения.

Пелей — сын Эака, муж морской богини Фетиды, отец Ахилла, участник похода аргонавтов.

Пеласг — 1) родоначальник пеласгов — древнейшего народа Греции; 2) царь Аргоса.

Пелейон, Пелид — Ахилл, сын Пелея.

Пелий — царь Иолка, сын Посейдона, брат Нелея, сводный брат Эсона, отца Ясона, которого он посылает за золотым руном, надеясь на его гибель (см. Ясон).

Пелиады — дочери Пелия.

Пелион (Пелий) — лесистые горы в Фессалии.

Пелоп (Пелопс) — сын Тантала, который, убив отца, предложил на пиру богам его мясо. Разгневанные боги отвергли трапезу. Гермес оживил Пелопа и сделал ему плечо из слоновой кости. Пелоп, желая получить в жены дочь царя Эномая Гипподамию, чтобы выиграть предложенное Эномаем состязание на колесницах, подкупил его возницу Миртила и Эномай погиб. Миртила же Пелоп столкнул в море и тот проклял его и весь род Пелопидов (проклятые Миртила).

Пенелопа — дочь Икария, жена Одиссея.

Пентей (Пенфей) — фиванский царь, внук Кадма; пытался запретить культ Диониса, за что по воле этого бога был охвачен безумием и погиб, растерзанный вакханками, среди которых была его мать Агава.

Пентесилея — царица амазонок.

Пергам — Троя. Пергамляне — троянцы.

Персеида — Алкмена, внучка Персея, мать Геракла.

Персей — сын Зевса и Данаи, победитель Медузы Горгоны, спаситель Андромеды, ставшей его женой.

Персефона (Просерпина) — богиня подземного царства и плодородия, дочь Деметры, жена Аида (Плутона), похищенная им. По воле богов она две трети года (весну и лето) проводит на земле вместе со своей матерью Деметрой, а одну треть (зиму) — в подземном мире вместе со своим супругом.

Пигмеи — племя карликов, обитавшее по различным версиям в различных местах земли (Фригия, Колхида, Индия, Африка и т. д.).

Пиериды — Музы. Пиерия — область во Фракии, где был культ Муз (Пиэриды, Пиэрия).

Пилад — друг Ореста.

Пилос — город на западном побережье Мессении (Греция), владение Нестора.

Пирифой (Пиритой) — сын Иксиона, царь лапифов. На его свадьбе с Гипподамией произошла битва лапифов с кентаврами; друг царя Афин Тесея.

Питфей — трезенский царь, отец Эфры, дед Тесея.

Пифо — древнейшее название Парнаса и Дельф.

Пифон (Питон) — чудовищный змей, порождение Земли, убитый Аполлоном, основавшим на этом месте оракул в Дельфах.

Плеяды (Плиады) — семь дочерей Атланта, превращенные Зевсом в созвездие.

Плисфен (Плейстен) — сын Пелопа и Гипподамии, брат Атрея и Тиеста (Фиеста) *(вариант* — сын Атрея).

Плутон = Аид, брат Зевса и Посейдона, бог подземного царства.

Плутос — бог богатства.

Полиб — коринфский царь, воспитавший Эдипа.

Полидамант — троянский герой, друг Гектора.

Полидор — 1) сын Кадма, отец Лабдака, прадед Эдипа, фиванский царь; 2) троянский царевич, сын Приама, был отправлен, отцом к царю Полиместору, который после поражения Трои предательски убил его и завладел его сокровищами, за что был ослеплен матерью Полидора Гекубой.

Полигимния — муза торжественной гимнической поэзии.

Полиник — сын Эдипа, брат Антигоны, Исмены, Этеокла.

Полифем — 1) киклоп, одноглазое чудовище, сын Посейдона, 2) лапиф, участник битвы с кентаврами и похода аргонавтов.

Посейдон (Посидон, Посидаон) — бог морей, брат Зевса и Аида.

Потос (Пофос) — божество любовного влечения, страсти.

Приам — сын Лаомедонта, последний царь Трои.

Приамид — сын Приама.

Приап — божество производительных сил.

Прокна — дочь Пандиона, жена фракийского царя **Терея**, мать **Итиса**. Терей совершил насилие над сестрой Прокны Филомелой, отрезав ей язык. Прокна, узнав об этом, убила своего сына Итиса и накормила его мясом Терея. Зевс превратил Филомелу в соловья, Прокну — в ласточку, а Терея — в удода (*вариант* Филомела — ласточка, Прокна — соловей).

Прометей — титан, сын Япета, похитил с неба огонь и передал его людям, за что был прикован Зевсом к скале, где орел клевал его печень. Геракл убил орла и освободил Прометея.

Протей — морское божество, старец, обладавший способностью перевоплощения и даром предвидения.

Протесилай — участник похода на Трою, первым сошел с корабля на троянскую землю и был убит Гектором. По просьбе его жены Лаодамии боги на время воскресили его, а затем Лаодамия последовала за ним в подземное царство.

Р

Радамант (Радаманф) — сын Зевса и Европы, брат Миноса, судья в Аиде.

Рея — дочь Урана и Геи (Земли), жена Крона, мать олимпийских богов отождествлялась с фригийской богиней Кибелой, Великой Матерью богов.

С

Сабазий (Сабасий) — фракийско-фригийское божество, отождествлявшееся с Дионисом.

Саронский залив — расположен между Аттикой и Арголидой.

Сарпедон — сын Зевса и Европы, брат Миноса и Радаманта, союзник троянцев, ликийский царь, убитый Патроклом.

Сатиры — козлоногие спутники Диониса, лесные божества плодородия.

Селена — богиня Луны.

Семела — дочь Кадма и Гармонии, фиванская царевна, родившая от Зевса Диониса. Погибла, испепеленная молнией Зевса, явившегося к ней по ее просьбе в своем божественном обличье.

Силен — сын Пана (*вариант* — Гермеса), воспитатель и спутник Диониса, предводитель сатиров; божество плодородия.

Симплегады — скалы, сталкивающиеся у входа в Понт (Черное море).

Сиринга — нимфа, которую преследовал Пан, превратившаяся в тростник.

Сириус — самая яркая звезда в созвездии Пса, появляющаяся в разгар лета и знаменующая жаркое время года.

Сидон — город в Финикии.

Сизиф (Сисиф) — царь Коринфа. За совершенные им преступления должен был после смерти вечно поднимать в гору камень, который вновь скатывался с нее.

Симоент — приток Скамандра, река в Троаде.

Сипил — город в Лидии.

Сирены — полуженщины-полуптицы, своим пением заманивавшие путников, проплывавших мимо острова, на котором они жили, и убивавшие их.

Скамандр — река в Троаде, бог этой реки (другое имя ее — Ксанф).

Скилла (Сцилла) — шестиглавое чудовище, обитавшее в пещере у пролива между Сицилией и Италией, пожиравшее проплывающих мимо моряков.

Сминтей (Сминфей) — эпиклеса Аполлона (букв.: «мышиный»).

Стикс — река в подземном царстве.

Стимфалийские птицы — медные птицы, жившие близ Стимфалийского озера в Аркадии, уничтоженные Гераклом.

Стримон — река во Фракии.

Сфенебея — жена тиринфского царя Прета, пытавшаяся соблазнить Беллерофонта.

Сфенел — сын Капанея и Эвадны, один из женихов Елены, друг Диомеда.

Сфинкс — крылатое чудовище с туловищем льва и женской головой.

Схерия — остров, на котором жил народ феаков.

Т

Тайгет — гора в Аттике.

Талия — муза комедии.

Талфибий — вестник Агамемнона.

Тантал — фригийский царь, сын Зевса, отец Пелопа и Ниобы. За свои преступления должен был терпеть в Аиде вечные муки голода и жажды (муки Тантала).

Тартар — бездна в царстве мертвых; самое страшное место в Аиде.

Тевкр — 1) сын Скамандра, первый царь Трои; 2) брат Аякса Теламонида, лучший стрелок среди ахейцев.

Тевкры — троянцы.

Тезей (Тесей, Фесей) — сын Эгея, аттический герой, царь Афин.

Телемак (Телемах) — сын Одиссея.

Теламон — сын Эака, брат Пелея, отец Аякса (Эанта) Теламонида.

Телеф — сын Геракла, был ранен копьем Ахилла, когда греки подошли к Трое. Рана могла быть излечена тем же копьем. Телеф под видом нищего проникает к ахейцам и просит помощи у Агамемнона, который убеждает Ахилла исцелить раненого.

Тенар — мыс в Пелопоннесе.

Терпсихора — муза танца.

Терсит — см.: Ферсит.

Тефиса (Тефида, Тетия, Тефия) — морская богиня, дочь Урана и Геи, сестра и жена Океана.

Тидей — отец Диомеда, один из участников похода Семерых против Фив.

Тидид — Диомед, сын Тидея, один из главных ахейских героев.

Тиест — см.: Фиест.

Тиндарей — спартанский царь, отец Елены, Клитемнестры, Диоскуров, муж Леды.

Тиресий — слепой прорицатель в Фивах.

Тиро — мать Нелея, Пелия, царя Иолка, и Эсона, отца Ясона.

Титаниды — сестры титанов, дочери Урана и Геи — Рея, Фемида, Тетия и др.

Титаны — дети Урана и Геи (Крон, Океан, Гиперион, Япет, Кей, Крий) и их дети.

Тифон — сын Геи и Тартара, страшное змееобразное чудовище. Восстал против Зевса, который поразил его молнией и низринул в Тартар.

Тифон (Титон) — брат Приама, возлюбленный Эос, которому боги даровали бессмертие, но не дали вечной юности и он превратился в цикаду.

Тиха (Тихе, Тюхе) — богиня случая.

Тринакрия — Сицилия (о-в Гелиоса).

Триптолем — сын афинского царя Келея, которого Деметра обучила искусству земледелия и подарила зерна пшеницы.

Тритогенея (Тритогения, Тритоґена) — Афина.

Тритон — морское божество, сын Посейдона; позднее: тритоны — спутники бога Посейдона.

Трофоний — один из строителей храма Аполлона в Дельфах.

У

Уран — бог неба, муж Геи (Земли), отец Крона и других титанов. Был свергнут своим сыном Кроном.

Ураниды — дети Урана.

Ф

Фалес — древнее земледельческое божество плодородия.

Фаэтон — сын Гелиоса. Управляя колесницей отца, не справился с ней, слишком приблизившись к Земле. Зевс, чтобы спасти Землю, поразил Фаэтона молнией. Фаэтон упал в реку Эридан. Оплакивавшие его гибель сестры Гелиады, превратились в тополя.

Феаки — жители сказочного острова Схерии.

Феб — см.: Аполлон.

Феба — 1) титанида, мать Лето (Латоны), бабка Аполлона и Артемиды; 2) Артемида.

Федра — дочь Миноса и Пасифаи, жена Тесея. Когда пасынок Ипполит отверг ее любовь, она оклеветала его перед Тесеем, а сама покончила жизнь самоубийством.

Фемида — титанида, жена Зевса, богиня справедливости и правосудия.

Ферсит — ахейский воин, вступающий в спор с Агамемноном («Илиада» II).

Фермодонт (Термодонт) — река в Беотии.

Фетида — нереида, жена Пелея, мать Ахилла.

Фиест (Тиест) — сын Пелопа и Гипподамии, брат Атрея. Фиест соблазнил жену Атрея, который, мстя ему, зарезал детей брата и накормил его их мясом. Фиест проклял Атрея (Фиестов пир).

Форк (Форкий) — морское божество, брат Нерея, отец Грай, Горгон, Гесперид.

Форкиады — дети Форкия (в частности Граи — старухи, имеющие на троих один глаз и один зуб).

Фтия — город в Фессалии, земля Пелея и Ахилла.

Х

Хаос — первоначальное, нерасчлененное состояние мира, бесконечное мировое пространство (букв.: «пустота», «зияние»).

Харибда — чудовище-водоворот, поглощающее воду пролива, на другом берегу которого обитало другое страшное чудовище — Скилла (см. «Одиссея»).

Хариты — дочери Зевса, богини доброты, красоты, радости.

Харон — перевозчик душ в царстве мертвых.

Химера — чудовище с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона.

Химерос — см.: Гимерос.

Хрис — жрец Аполлона («Илиада» I).

Хрисеида — дочь Хриса, пленница Агамемнона («Илиада» I).

Хирон — кентавр, сын Крона, наставник Асклепия, Ахилла, Ясона.

Ц

Циклопы — см.: Киклопы.

Цирцея — см.: Кирка.

Э

Эа (Эя) — царство Эета (Колхида).

Эак — сын Зевса, отец Теламона и Пелея, дед Эанта (Аякса), судья в подземном царстве.

Эакид — внук Эака, Ахилл.

Эанты — см.: Аяксы.

Эвмениды (Евмениды) — см.: Эриннии.

Эвр (Евр) — юго-восточный ветер.

Эврибат (Еврибат) — вестник Одиссея.

Эвридика — 1) жена легендарного певца Орфея. Когда она умерла от укуса змеи, Орфей спустился за ней в Аид и своими песнями умолил Персефону вернуть ему жену. Но Орфей случайно нарушил условие, поставленное ему богиней, — не оглядываться на жену при выходе из подземного царства, и Эвридика навеки осталась в царстве мертвых; 2) жена фиванского правителя Креонта.

Эвриклея — нянька Одиссея.

Эврипил (Еврипил) — 1) сын Телефа, союзник троянцев, 2) ахейский воин, сражавшийся с Гектором и Парисом.

Эврисфей (Эвристей, Еврисфей) — царь Тиринфа, которому служил Геракл.

Эврит (Еврит) — царь Эхалии; от его сына Ифита Одиссей получил свой лук.

Эвритион (Евритион) — кентавр, пытавшийся похитить Гипподамию, жену лапифа Пирифоя.

Эврип (Еврип) — бурный пролив между о. Эвбеей и Аттикой.

Эгей — афинский царь, сын Пандиона, внук Кекропа, отец Тесея.

Эгида («козья шкура») — щит, обтянутый шкурой козы Амалфеи, атрибут Зевса и Афины.

Эгиох — эпиклеса Зевса.

Эгипланкт — гора около Мегары.

Эгист (Эгисф) — единственный, оставшийся в живых из сыновей Тиеста (Фиеста). Отомстил Атрею, убив его, и став любовником жены его сына Агамемнона Клитемнестры. Вместе с ней убил Агамемнона.

Эдип — фиванский царь, сын Лайя и Иокасты, отец Антигоны, Исмены, Этеокла и Полиника.

Эзон (Эсон) — правитель Иолка, отец Ясона.

Эзонид (Эсонид) — Ясон, сын Эзона.

Эит (Ээт) — сын Гелиоса, царь Эи (Колхиды), отец Медеи.

Эллин — сын Девкалиона и Пирры, внук Прометея, отец Эола, Дора, Ксуфа — мифических родоначальников эллинских племен — эолийцев, дорийцев, ионийцев (Ион, сын Ксуфа), эпоним Эллады.

Эндимион — прекрасный юноша, погруженный богами в вечный сон. Возлюбленный богини Луны Селены (Артемиды).

Эней — сын Афродиты и троянского героя Анхиса, герой троянской войны, мифический родоначальник римлян.

Эниалий = Арес.

Энио — богиня войны, дочь (сестра) Ареса (Эниалия).

Энносигей — (букв.: «колебатель земли»), Посейдон.

Эномай — царь Элиды, сын Ареса, отец Гипподамии (см. Пелоп).

Эол — 1) бог ветров, 2) сын Эллина, родоначальник эолийцев.

Эос — богиня утренней зари.

Эпаф (Епаф) — сын Зевса и Ио (букв.: «рожденный от прикосновения»).

Эпиметей — брат Прометея.

Эрато — муза любовной поэзии.

Эреб — (мрак), сын Хаоса, брат Ночи.

Эрехтей (Эрехфей) — древний аттический царь, по одному варианту мифа — сын Геи, по более позднему — сын Пандиона, внук Эрихтония, сына Геи, брат Филомелы и Прокны. Был убит молнией Зевса.

Эрехфиды — афиняне (потомки Эрехфея).

Эригона — 1) дочь Икария, 2) дочь Эгисфа и Клитемнестры.

Эрида — богиня раздора и вражды.

Эридан — мифическая река, отождествляемая с рекой По в Северной Италии.

Эринии (Эриннии) — богини возмездия, мстящие за пролитую родственную кровь.

Эрикс — гора в Сицилии и город, культовый центр Афродиты (Эрицина).

Эримант (Эриманф) — река и божество этой реки в Аркадии.

Эрмий — см.: Гермес.

Эрихтоний — 1) мифический царь Афин, сын Геи и Гефеста; 2) сын Дардана, отец Троса.

Эрос (Эрот) — 1) одно из древнейших греческих божеств, сын Хаоса и Урана (или Земли-Геи), олицетворение порождающего начала, 2) сын Афродиты и Ареса (или Зевса) — бог любви.

Эскулап = Асклепий, бог врачевания.

Этеокл — сын Эдипа, брат Полиника, Антигоны, Исмены, правитель Фив.

Этна — 1) вулкан в Сицилии, 2) мастерская Гефеста, 3) Тифон, огнедышащий великан.

Эфиопы — люди «с опаленными лицами», жившие на краю земли, где солнце подходит к ней особенно близко; любимый богами народ.

Эфиоп — верхнее течение Нила. (Эсхил «Прометей»).

Эфир — высшая оболочка мира, местопребывание богов; начало мироздания.

Эфра — дочь трезенского царя Питфея (Питея), жена Эгея, мать Тезея. Захваченная в плен Диоскурами, стала рабыней Елены.

Эхалия — местность в Фессалии (или на Эвбее), город захваченный Гераклом.

Эхо — нимфа; от несчастной любви к Нарциссу иссохла, сохранился лишь ее голос.

Эя (Эа) — Колхида.

Я

Ясион (Иасион) — древнее божество земледелия; возлюбленный Деметры (*вариант* — муж Деметры), отец Плутоса (богатства); научил людей земледелию.

Ясон (Язон, Иасон) — сын царя Иолка Эзона (Эсона), воспитанный кентавром Хироном. Брат Эсона Пелий, желая погубить племянника, отправил его за золотым руном (шкура золотого барана, спасшего Фрикса и Геллу). Я. возглавляет поход аргонавтов (см.), добывает руно и становится мужем дочери колхидского (страна Эя) царя Ээта, Медеи, с которой он приезжает в Грецию (ср.: Еврипид «Медея», Аполлоний Родосский «Аргонавтика»).

Ясониды — потомки Ясона.

Япет (Иапет) — титан, отец Прометея.

Содержание

ДРАМА

Древнеаттическая комедия 3

Аристофан 3
Облака . 4
Лисистрата . 82
Лягушки . 147

Новоаттическая комедия 210

Менандр . 210
Брюзга 212

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОГО ГОСПОДСТВА

Каллимах 267
Аполлоний Родосский 276
Феокрит 289
Леонид Тарентский . 310
Асклепиад 312
Герод 314
Лукиан 317

Анакреонтика 338

ПРИЛОЖЕНИЕ

Аристотель . . . 347
Об искусстве поэзии . 348

Краткий словарь мифологических имен и географических названий 365

1 р. 40 к.